Министерство внутренних дел Российской Федерации

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова»

ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ, ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сборник статей

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2018

УДК 343.1+343.2+347.96
ББК 67.99(2)93+67.99(2)8+67.99(2)9
Т33

Редакционная коллегия:
кандидат юридических наук, доцент А.В. Гришин (председатель);
доктор юридических наук, доцент Е.В. Марковичева (заместитель председателя);
доктор юридических наук, профессор О.В. Химичева;
доктор медицинских наук, профессор Ю.Н. Зубцов;
кандидат юридических наук О.А. Ветрова; кандидат юридических наук Е.А. Семёнов;
кандидат юридических наук Е.Б. Гришина;
С.А. Лукьянчикова (ответственный секретарь редакционной коллегии)

Т33 Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства : сборник статей / редкол.: А.В. Гришин [и др.]. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. – 316 с.
ISBN 978-5-88872-265-7

В сборник статей включены материалы выступлений одноименной всероссийской научно-практической конференции «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства» (31.05.2018), приуроченной к празднованию 300-летия российской полиции и 25-летию принятия российской Конституции. Авторами материалов сборника выступили профессорско-преподавательский состав образовательных организаций различной ведомственной принадлежности, сотрудники правоохранительных органов: СК РФ, органов внутренних дел, в том числе Следственного управления, Управления ГИБДД УМВД России по Орловской области, судебной системы и других правоохранительных органов, сотрудники иных организаций, практикующие юристы, а также адъюнкты, слушатели, курсанты и студенты образовательных организаций. Сборник рекомендуется для сотрудников подразделений МВД РФ, прокуратуры, суда, руководителей и работников организаций различной ведомственной принадлежности, а также адъюнктов (аспирантов), слушателей, курсантов, студентов и всех тех, кого интересует указанная в названии сборника проблематика.

Тексты статей представлены в авторской редакции.

УДК 343.1+343.2+347.96
ББК 67.99(2)93+67.99(2)8+67.99(2)9

ISBN 978-5-88872-265-7 **© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018**

Содержание

Предисловие 8
Агаева А.В.
ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРАВОСУДИЮ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ 12
Андрух Е.А.
НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ ОРМ КАК ОСНОВАНИЕ
РЕАБИЛИТАЦИИ ГРАЖДАН 15
Арефьев С.А.
ВОПРОСЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ПРЕСТУПНОСТИ» (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 19
Асанов Р.Ш.
НЕРАЗГЛАШЕНИЕ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ
ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 24
Горач Н.Н., Лаврова О.Н.
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ
В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ 28
Гирина М.С.
ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 32
Зубцов Ю.Н.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА
В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ТЯЖКИЕ И ОСОБО ТЯЖКИЕ
ДЕЯНИЯ, ПОДПАДАЮЩИЕ ПОД ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 36
Гришин А.В., Гришина М.В.
К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
ПОЛНОТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ
НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
(РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА,
ПРЕКРАЩЕНИИ И ПРИОСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА) 38
Гришин А.В., Гришина М.В., Дроздова Е.В.
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 42
Гришин А.В., Дроздова Е.В.
РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ЕЁ ЭФФЕКТИВНОСТЬ 46

Гришина М.В., Гришин А.В.
НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕР УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ И УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ) 51
Гришина М.В., Дроздова Е.В.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 60
Гришина Е.Б.
ПРОБЛЕМЫ ДИСКРИМИНАЦИИ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ 68
Диденко Н.С., Джелали Т.И.
К ВОПРОСУ ЗНАЧИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ 72
Ермакова А.Л., Гришин А.В.
РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 78
Жиляева С.К., Садертдинова И.И.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЕМ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 84
Журавлева Н.М.
ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕГО УПРОЩЕНИЯ 88
Зырянова Е.Е.
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ НУЖДАЕТСЯ В РЕФОРМИРОВАНИИ 92
Кириченко Ю.Н.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С СОВРЕМЕННЫМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ 95
Ковалев М.В.
К ВОПРОСУ О ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИИ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ 101
Коробов А.А., Королёв В.В.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ РЕЙДЕРСТВУ ПРИ ПОМОЩИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА 105
Красова А.А., Якубина Ю.П.
ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СУДАХ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЙ 109
Лаптев В.И.
К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПРАВЕ В РОССИИ 112

Лукьянчикова С.А.
К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ 118
Марковичева Е.В.
ПРОБЛЕМА ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ 121
Мельник Е.А., Гришин А.В.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 125
Митрофанова О.А.
НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ 137
Морозова Н.В., Рубцова В.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 141
Нефедова М.В., Якубина Ю.П.
ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК В ВИДЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ 146
Пимакова О.Г.
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 151
Посохина Д.Г.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ СМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 155
Поталуй Е.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ ПРОКУРОРУ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ 160
Рожкова А.И.
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 166
Рубцова В.В., Гришин А.В.
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИКА РЕАБИЛИТАЦИИ КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА 171
Савилов М.Г.
ВЛИЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 176
Сергунова А.С., Селютина О.Г.
ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА 181
Селютина О.Г., Костылева А.Н.
НОУ-ХАУ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ 187

Семенов Е.А.
ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НАИБОЛЕЕ ПОЛНО ОТОБРАЖАЮЩИЙ ВСЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА 192
Спирин А.В.
О ПРАВЕ ПРОКУРОРА РАСПОРЯЖАТЬСЯ ОБВИНЕНИЕМ 197
Стольников П.М.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УСМОТРЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ 200
Стельмах В.Ю.
ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА «В ОТНОШЕНИИ КОНКРЕТНОГО ЛИЦА» 204
Сычёв А.В.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ АВТОТРАНСПОРТА 208
Тарасова О.М.
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА 213
Тарнакоп О.Г.
ПРОБЛЕМНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ 219
Тучков А.Ю.
РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 224
Федорук М.В.
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 229
Федотова О.В.
ОЦЕНКА КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ 233
Федорова А.И.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОКУРОРОМ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 238
Фоминова Е.М.
К ВОПРОСУ О КОНТРОЛЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД 242
Халимов А.И., Гришин А.В.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН 248

Хамралиев А.Ш., Гришин А.В.
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ИНСТИТУТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ И ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ....253
Харламова Н.Д., Гришин А.В.
ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ТРЕБУЮЩИХ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО 263
Чаплыгина В.Н.
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ПО СТ. 186 УК РФ....276
Шагарова Е.В., Гришин А.В.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ 282
Шалыгина А.В., Гришин А.В.
ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 287
Шараева Я.А.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПЕРЕВОДЧИКА, ПОНЯТОГО И СПЕЦИАЛИСТА 292
Шекшуев С.В., Ветрова О.А.
К ВОПРОСУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТАМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 295
Щендригин Е.Н.
СУЩНОСТЬ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ... 301
Якубина Ю.П.
ДОЗНАНИЕ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 306
Якубина Ю.П., Демичева Т.С.
СООТНОШЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РАМКАХ ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 311

Предисловие

31 мая 2018 года в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова кафедрой уголовного процесса проведена всероссийская научно-практическая конференция «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства», приуроченная к празднованию 300-летия российской полиции и 25-летию принятия российской Конституции.

Выбор тематики ежегодной всероссийской научно-практической конференции не случаен. В современных условиях проводится реформирование судебной системы, происходят масштабные изменения действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства, возрастает роль более комплексного изучения различных отраслей законодательства в целях правильного решения тех или иных проблемных ситуаций, связанных с применением конкретных правых норм.

С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратились начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент полковник полиции Гришин Андрей Владимирович, начальник управления организации дознания ГУ МВД России по Московской области полковник полиции Филипенко Олег Витальевич.

В формате видеоконференцсвязи через центр дистанционного обучения в научно-практической конференции приняли участие представители кафедры уголовного процесса Нижегородской Академии МВД России и Белгородского юридического института МВД России.

В работе конференции активное участие приняли профессорско-преподавательский состав и представители отечественной юридической науки из образовательных организаций различной ведомственной принадлежности, сотрудники правоохранительных органов. Среди участников мероприятия были работники органов внутренних дел, в том числе ГУ МВД России по Московской области, Главного следственного управления ГУ МВД России по Нижегородской области, Следственного управления, Управления ГИБДД УМВД России по Орловской области, ФСО, федеральные и мировые судьи, представители иных правоохранительных органов, служащие, практикующие юристы, а также аспиранты (адъюнкты), слушатели, курсанты и студенты юридических вузов. В мероприятии приняли участие представители МВД Республики Таджикистан, профессорско-преподавательский состав Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Нижегородской Академии

МВД России, Белгородского института МВД России имени И.Д. Путилина, Ростовского юридического института МВД России, Уральского юридического института МВД России, Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Академии ФСО России, Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

В режиме видеоконференц-связи с докладом о проблемных аспектах обеспечения права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела выступил доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент Лапатников М.В. От Белгородского юридического института МВД России о проблемах современного уголовного процесса выступил Рудов Д.Н.

В ходе пленарного заседания также были рассмотрены вопросы реализации уголовно-процессуальной политики и путей её совершенствования в Российской Федерации, доказывания в уголовном процессе, предварительного следствия в контексте государственной программы российской федерации «обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», неразглашения данных предварительного расследования как условие соблюдения прав личности в уголовном процессе, рассмотрены особенности производства освидетельствования в принудительном порядке, проблемы эффективности применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие деяния, подпадающие под признаки преступлений.

Особое внимание было уделено проблемным аспектам критериев достаточности доказательств, полноты проведения проверок и предварительного расследования для принятия процессуальных решений на досудебной стадии уголовного судопроизводства (решения об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении и приостановлении уголовного дела), неотвратимости наказания и применения мер уголовной репрессии в контексте современной уголовной и уголовно процессуальной политики по борьбе с преступностью.

После завершения пленарного заседания состоялось заседание секций. На заседании первой секции «Тенденции реформирования действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства» (руководитель – начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент Гришин Андрей Владимирович) участники дискутировали по следующим проблемным вопросам: проблемы квалификации и правоприменения при реализации прав граждан на необходимую оборону в контексте современной уголовной и уголовно-процессуальной политики, применение

мер пресечения требующих судебного решения в отношении подозреваемого или обвиняемого, актуальные вопросы возвращения уголовного дела судом прокурору как средство обеспечения законности в рамках осуществления предварительного расследования, совершенствование организации и тактики отдельных следственных действий при расследовании краж автотранспорта. Был проведён также сравнительный анализ отдельных институтов уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации и Республике Таджикистан, сравнительно-правовой анализ УПК РФ и УПК Республики Таджикистан.

На заседании второй секции «Тенденции реформирования судебной системы. Актуальные проблемы современного права» (руководитель – Главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовного процесса доктор юридических наук, доцент Марковичева Елена Викторовна) состоялась не менее оживлённое обсуждение по следующей проблематике: некоторые правовые и экономические аспекты совершения налоговых преступлений, развитие судебной системы в Российской Федерации на современном этапе, вопросы прецедентного права в России и значение решений Европейского Суда по правам человека в правовом регулировании уголовно-процессуальной деятельности, основные направления взаимодействия участкового уполномоченного полиции с подразделением по делам несовершеннолетних.

Отдельно говорилось о некоторых проблемах по обеспечению высокого уровня охраны общественного порядка и общественной безопасности в соответствии с современными тенденциями и производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних на современном этапе.

Отдельным направлением конференции явилось рассмотрение вопросов, связанных с профессиональной подготовкой специалистов для различных подразделений МВД России, использованием современных инновационных образовательных процессов и новых подходов к набору кандидатов на обучение в образовательных организациях МВД России.

По итогам проведения всероссийской научно-практической конференции принята резолюция. По результатам проведения всероссийской научно-практической конференции 31 мая 2018 г. подготовлен данный сборник статей, в который вошли материалы выступлений участников конференции.

Сборник статей имеет не только теоретическую, но и практическую направленность. Сборник рекомендуется для сотрудников подразделений МВД РФ, прокуратуры, суда, руководителей и работников коммерческих организаций, страховых компаний, а также адъюнктов (аспирантов), слушателей, курсантов, студентов и всех тех, кого интересует указанная в

названии сборника проблематика. Выступления участников и материалы выступлений включены в данный сборник в авторском варианте; тексты статей публикуются в авторской редакции. Отметим, что редакторы не всегда разделяют позицию отдельных авторов, а иногда придерживаются прямо противоположной точки зрения по рассматриваемой проблеме. Вместе с тем, проведение подобных научно-представительских мероприятий всегда предполагает наличие дискуссии и выражение участниками своего личного мнения. Авторы статей несут ответственность в случае нарушения авторских и иных прав, относящихся к сфере интеллектуальной собственности. Материалы сборника могут быть использованы в образовательном процессе.

Агаева А.В.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРАВОСУДИЮ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

В статье раскрываются особенности восстановительной юстиции в профилактике повторных правонарушений несовершеннолетних и их ресоциализации. Обосновывается необходимость разработки концепции восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних.

С XIX века государства ведут активный поиск моделей правосудия, которые в наибольшей степени отвечали бы защите прав несовершеннолетних. В силу социальной и психологической незрелости, влияния негативных социально-экономических факторов подростки совершают правонарушения, в том числе и уголовно-наказуемые деяния. В этой связи перед обществом стоит проблема создания такой системы правосудия, которая будет решать ряд важных задач: 1) привлекать подростка к ответственности с тем, чтобы не формировать у него чувство безнаказанности; 2) обеспечить такую процедуру рассмотрения дела о правонарушении несовершеннолетнего, которая в наименьшей степени будет способствовать его криминализации; 3) установить баланс между правами несовершеннолетнего правонарушителя и правами потерпевшего; 4) обеспечить ресоциализацию и реинтеграцию несовершеннолетнего.

Решению этих задач в значительной мере отвечает концепция восстановительного правосудия, получившая свою теоретическую разработку во в XX веке [1]. К сегодняшнему дню в арсенале восстановительного правосудия оформился достаточный спектр средств работы с несовершеннолетними правонарушителями, среди которых наиболее широко известным, но не единственным, является медиация [2].

К сожалению, в России отсутствует законодательная основа для активного использования таких процедур. Однако имеется определенный опыт экспериментального применения методик восстановительного правосудия в России в конце XX-начале XXI вв., когда шла активная работа по внедрению в судебную систему ювенальных технологий. Как пишет Т.В. Исакова, «пилотные проекты дали положительные результаты (Москва, Дзержинск Нижегородской области, Тюмень) и поставили на повестку дня вопросы формирования отечественных моделей восстановительного правосудия» [3, с. 47].

Однако наибольшее распространение восстановительные технологии получили в рамках работы с осужденными несовершеннолетними правонарушителями, отбывающими наказание. Специально организованные программы были призваны научить подростков разрешать

уголовно-правовой конфликт в рамках законных способов и средств [4, с. 146-148]. Восстановительное правосудие важно именно для предотвращения дальнейшей криминализации несовершеннолетнего, поскольку позволяет подростку принять позицию другого человека, стать на место жертвы. Основополагающим принципом восстановительного правосудия является именно учет интересов потерпевшего. Как отмечает Л.М. Карнозова, «его основная идея в том, что преступление – это причинение вреда другому человеку, а потому совершившее его лицо обязано загладить вред» [5, с. 58].

К сожалению, идеи восстановительной юстиции в России не получили достаточной разработки, поэтому всегда много вопросов возникает по поводу того, как подросток может заглаживать вред, причиненный преступлением. И дело не в заглаживании материального вреда. Его подростку загладить как раз сложнее всего, не прибегаю к помощи родителей. Но речь может идти о принесении извинений, совершении активных действий по устранению последствий своего правонарушения через какие-то трудовые действия и т.д. Как отмечают исследователи, с несовершеннолетними необходимо проводить специальную работу, в том числе и социально-психологическую, направленную на обучение приемлемым способам разрешения конфликтов. При этом важно иметь представление о социальном окружении подростка, наличии или отсутствии у него поддержки, позитивных образцов для подражания [6]. Большое значение имеет психо-эмоциональная готовность несовершеннолетнего к сожалению, раскаянию за совершенный поступок.

Заслуживает внимания и опыт внедрения восстановительных практик в деятельность российских школ через службы школьной медиации, что позволяет предотвратить конфликт подростка с законом.

К сожалению, внедрение восстановительных практики в работу в несовершеннолетними правонарушителями тормозит отсутствие как целостной концепции, так и отсутствие специального закона. Согласимся с теми учеными, которые ведут речь о совершенствовании действующего законодательства [7], однако, считаем, что кардинально изменить ситуацию можно не только за счет внесения изменений в действующие нормативно-правовые акты, но и при условии принятия специального закона, регламентирующего вопросы использования медиации в уголовном процессе, статус медиатора, перечень государственных органов, вовлеченных в систему восстановительной юстиции, место и роль социальных работников и служб и т.д. необходимо изменение и репрессивной направленности российского уголовного процесса в отношении несовершеннолетних. Также желательным является обобщение и систематизация как российского экспериментального, так и зарубежного

опыта. Это позволит создать работающую модель восстановительного правосудия для несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марковичева Е.В. Восстановительная модель правосудия в отношении несовершеннолетних // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 220-222.

2. Шестакова Л.А. Концепция восстановительного правосудия как основа ювенальной юстиции // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 1. С. 137-144.

3. Исакова Т.В. Восстановительное правосудие: проблемы правоприменения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2013. № 1. С. 46-51.

4. Марковичева Е.В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики: монография. Орел, 2011.

5. Карнозова Л.М. Российское уголовное правосудие в отношении несовершеннолетних и ювенальная юстиция // Государство и право. 2008. № 3. С. 4-64.

6. Марковичева Е.В. К вопросу об участии в уголовном судопроизводстве по делам в отношении несовершеннолетних социальных работников // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 2. С. 11-15.

7. Новиков Р.В. Перспективы применения воспитательных и восстановительных мер к несовершеннолетним правонарушителям как альтернативы назначению наказания // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 108-113.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Агаева Альбина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

Служебный адрес: 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

Ключевые слова*: несовершеннолетний, правосудие, восстановительная юстиция, медиация.*

УДК 343.1

Андрух Е.А.

НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ ОРМ КАК ОСНОВАНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ ГРАЖДАН

Статья посвящена проблемам при проведении оперативно-розыскных мероприятий, касаемо нарушений конституционных прав граждан, отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу незаконных действий при ОРМ как основания последующей реабилитации граждан. Рассмотрены виды вреда, причиняемого в результате оперативно-розыскной деятельности, а также возможность не допущения его причинения при проведении негласных ОРМ; проведена аналогия со следственными действиями.

Органы оперативно-розыскной деятельности осуществляют ОРМ с соблюдением принципа уважения прав и свобод человека и гражданина. Но в большинстве случаев, не смотря на строгое закрепление механизма реализации прав в Конституции РФ, а также в других законодательных нормах не исключает случаев нарушения прав в оперативно-розыскной деятельности.

Проведение негласных оперативно-розыскных мероприятий вызывает отрицательную реакцию в обществе. Некоторые организации защищающие права и свободы граждан считают, что необходимо ограничить полномочия оперативных сотрудников при проведении негласных мероприятий. Однако это противоречит установленным задачам ОРД.

Защита нарушенных прав граждан может осуществляться обжалованием незаконных действий при проведении ОРМ в прокуратуру или суд, также лицо, права которого были нарушены, может истребовать информацию у органов ОРД. Согласно части 5 статьи 9 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» при нарушении органом (должностным лицом), осуществляющим ОРД, прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор либо судья в соответствии с законодательством Российской Федерации обязаны принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда. Именно данная норма отражает основу механизма для восстановления и обжалования нарушенных прав граждан. В решении Конституционного Суда РФ от 17 января 2017 г. «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2016 года» указано одно из положений, которое защищает имущественные права граждан: лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а также привлекаемых с их согласия должна быть обеспечена защита

имущественных прав и интересов, путем возврата имущества, которое использовалось при проведении ОРМ, а при причинении имущественного ущерба - возместить его [1].

Руководитель ОВД или его заместитель, выявив случаи нарушения прав, свобод и законных интересов гражданина при проверочной закупке, обследовании помещений, зданий, сооружений, транспортных средств, местности, прослушивании телефонных переговоров, контроле почтовых отправлений, вправе прекратить дальнейшее проведение оперативно-розыскных мероприятий и восстановить нарушенные права. Прокурорский надзор также предусматривает механизм реагирования при наличии незаконного проведения ОРД. Например, прокурор своим постановлением освобождает лиц, которые незаконно были подвергнуты административному задержанию, а также вносит свое обязательное представление об устранении нарушенных прав и свобод человека в орган, которые обязаны устранить допущенное нарушение. Что касается судебных органов, то при обращении гражданина, о нарушении его прав и законных интересов при проведении ОРМ, имеют право отменить решение органов, дать правовую оценку их действиям и вынести решение для обязательного исполнения. Например, признав необоснованными сведения о собранной информации, судья может обязать указанный орган предоставить данные сведения, согласно части 6 статьи 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», тем самым восстановить нарушенное право человека на ознакомление с материалами, которые затрагивают его права и законные интересы. Также судья может отказать в проведении ОРМ, обязав орган прекратить его проведение и восстановить нарушенные права. Стоит сказать, что право об истребовании сведений у органов, осуществляющих ОРД, возникает у лица в соответствии с частью 4 статьи 5 ФЗ «Об ОРД», которая предусматривает наличие следующих оснований, а именно: его виновность не доказана в установленном законом порядке, оно располагает фактами проведения в отношении него ОРМ и лицо полагает, что его права были нарушены. С результатами ОРД лицо имеет право ознакомиться, когда в возбуждении уголовного дела отказано либо оно прекращено за отсутствием события или состава преступления (п. 1, 2 ч. 1 статьи 25 УПК РФ), уголовное дело прекращено при недоказанности участия в преступлении (п. 1 ч. 1 статьи 27 УПК РФ), судом поставлен оправдательный приговор по одному из указанных оснований (ч. 2 статья 302 УПК РФ).

Причинённый вред гражданам, незаконными действиями органов, осуществляющими ОРД, может быть моральным и материальным. При нарушении законных прав и интересов граждан, причиненного проведением ОРД - необходимо возмещение ущерба. Для данного обстоятельства необходимо ряд условий, а именно: причинение имущественного и морального вреда гражданину или юридическому лицу;

причинение вреда незаконными действиями органов, осуществляющих ОРД, и их должностных лиц; наличие причинной связи между совершением незаконных действий в процессе проведения ОРМ и причинением вреда, а также наличие вины органа или должностного лица [2].

Регламентированное Конституцией РФ право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти, обеспечивается статьей 7 Закона РФ от 27 апреля 1993 года № 4 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права граждан». Гражданину причиненные убытки, моральный вред, представление искаженной информации возмещаются в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При причинении морального вреда суд возлагает на органы оперативно-розыскной деятельности обязанность по уплате денежной компенсации лицу, которому были причинены физические или нравственные страдания действиями сотрудников оперативно-розыскных служб. С учетом требований разумности и справедливости определяется степень вины данных должностных лиц, которая является одним из главных условий для ответственности за неправомерные действия, о чем указано в статье 151 ГК РФ. В соответствии со статьей 1069 ГК РФ имущественный или материальный ущерб подлежит возмещению. Из практики оперативно розыскной деятельности имеют место случаи, когда моральный и материальный вред причиняются одновременно [3]. Тогда, как лицо было задержано и доставлено в помещение органов, осуществляющих ОРД, для проведения опроса, тогда как последствия данного задержания могут быть такими, как упущенная выгода, утрата уважения и авторитета в рабочем коллективе и т.д.

Далее, заметим, что эффективность ОРМ, равно, как и следственных действий во многом зависит от подготовки к их проведению. При осуществлении следственных действий может участвовать и оказывать помощь специалист, например при составлении плана проведения следственного действия, для получения консультации по интересующим вопросам, для решения вопроса об участии иного специалиста при производстве следственных действий [6].

В уголовно-процессуальном законе установлено, что специалист это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях, в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [4].

Иные виды помощи оказываемой специалистом в проведении следственных действий, предусмотренные действующим законодательством достаточно полно раскрыты Е.А. Семеновым. Он выделяет четыре вида помощи: криминалистическую, методическую, консультативную и техническую [5].

Многие ученые юристы, такие как А.П. Гуляев, В.В. Николюк отмечают, что нормы о возмещении причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения не применяются в практике. Это связано с тем, что не существует четкого законодательного урегулирования реализации таковых, для того, чтобы обеспечить максимальную защиту от проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий. Стоит отметить, что не всегда нарушения прав и законных интересов граждан возможно только в рамках уголовно-процессуального или гражданского законодательства. При негласном характере ОРД, граждане не всегда могут знать о нарушенных правах и причинении им вреда. Поэтому профессор В.А. Азарова предлагает закрепить обязанность органов, осуществляющих ОРД, сообщать гражданам или компетентным органам о нарушении их прав и причинении им ущерба должностными лицами.

В заключении следует сказать, что вопросы по регулированию защиты прав и законных интересов граждан при проведении ОРМ остается нерешенным. Необходимо сформировать систему норм в ФЗ «ОБ ОРД», которая позволила бы эффективно разрешить проблему регулирования защиты прав граждан при использовании их имущества для проведения ОРМ, а также при причинении им вреда и своевременного выявления таких нарушений со стороны сотрудников осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решение Конституционного Суда РФ от 17 января 2017 г. «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2016 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ivo.garant.ru (дата обращения: 01.05.2018 г.).

2. Волосюк П.В. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. 2013. № 1. С. 39.

3. Сорокин И.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Концепт. 2014. № 12. С. 1-2.

4. URL: http://www.consultant.ru/document/consc.doc.LAW.34481.

5. Семенов Е.А. Специалист в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук / ВНИИ МВД России. Орел, 2010. С. 13-15.

6. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях // Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 т. 2015. С. 229.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрух Елизавета Алексеевна, курсант 301 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Научный руководитель - **Гришин Андрей Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: оперативно-розыскные мероприятия, конституционные права, моральный вред, материальный вред, прокурорский надзор, судебный контроль.*

УДК 343.1

Арефьев С. А.

ВОПРОСЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ» (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье проанализирована Государственная Программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». Приведены методологические характеристики программы как вида социального планирования противодействия преступности. Показаны некоторые проблемы, влияющие на эффективность реализации программы. Рассмотрены отдельные вопросы предварительного следствия. Представлены краткие выводы относительно дефектности некоторых программных положений.

В нормативно-правовом массиве появляется немало документов, статус которых определенно не ясен. Так, затруднительно определить юридическую природу программно-целевых актов (Концепции,

Программы и др.), несмотря на то, что они исходят от органов государственной власти. При этом, отмечает Н.А. Власенко, юридическое значение таких документов часто бывает более существенным, чем это вытекает из используемой для придания им официального характера правовой формы. Проблема юридических регулятивных документов с неясным статусом и сложной государственно-правовой природой требует специального изучения [1, с. 43].

Основные методологические характеристики программы изложены в фундаментальной монографии С.В. Бородина.

1. В программе должен быть обеспечен системный подход к разработке средств и методов борьбы с преступностью, которые представляют собой часть социального регулирования общественной жизни и вместе с тем самостоятельную подсистему. Системный подход обязывает к выявлению и использованию всех средств и методов борьбы с преступностью, которыми располагает общество.

2. Комплексный подход включает различные направления борьбы с преступностью: предупреждение преступлений, раскрытие и расследование преступлений, рассмотрение уголовных дел в судах и т.д. В свою очередь, каждое из направлений предполагает также комплексный подход как необходимое условие борьбы с преступностью.

3. Программа должна основываться на научном положении дел в обществе. Научность программы необходимо отразить во взвешенном подходе к оценке преступности и её причин, в формулировании целей и задач, которые будут в ней предусмотрены.

4. При принятии решения о подготовке программы следовало бы предусмотреть гарантии её выполнимости: реалистичность постановки целей и задач, конкретность и обоснованность рекомендуемых средств и методов борьбы с преступностью; персонификацию ответственности за выполнение разделов и положений программы; наличие механизмов контроля за исполнением мер, намеченных в программе и др. [2, с. 26, 27, 28].

Е.Ю. Жарова приходит к выводу, что в настоящее время складывается такая ситуация, когда действительная эффективность правовой программы ниже той, к которой стремился правотворческий орган. Это вызвано: проблемой необходимости и обоснованности разработки правовой программы;

недостаточной увязкой между собой целей, задач и программных мероприятий, отсутствием реальной комплексности намечаемых мер; декларативностью некоторых правовых программ или их отдельных положений; отсутствием четкого законодательно закрепленного механизма реализации правовых программ; отсутствием в правовых программах должным образом сконструированных процессуальных норм права; слабым контролем (в том числе финансовым) за процессом разработки и

реализации правовых программ; отсутствием юридической ответственности за ряд нарушений в сфере исполнения правовых программ; излишним или необоснованным дублированием программных мероприятий [3, с. 27-28].

Дефект в юридическом документе, полагает К.В. Каргин, это изъян, недостаток, допущенный участником правовых отношений, непосредственно разрабатывающим данный юридический документ или имеющим возможность воздействовать на его разработку, который влечет или может повлечь за собой нежелательные правовые или иные последствия [4, с. 160].

Государственная Программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 345. 31 марта 2017 года Постановлением Правительства Российской Федерации № 385 в неё были внесены изменения и дополнения, касающиеся, в частности, предварительного следствия органов внутренних дел.

Изначально вопросы предварительного следствия излагались в отдельной подпрограмме, целью которой названо совершенствование деятельности следователей органов внутренних дел Российской Федерации. Для выполнения указанной цели поставлены четыре задачи:

- обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- повышение качества и уровня объективности предварительного следствия;
- возмещение потерпевшим причиненного ущерба;
- защита личности от незаконного ограничения прав и свобод в ходе предварительного следствия.

В перечне ожидаемых результатов реализации отмечены:

- повышение уровня защищенности интересов личности, общества и государства от преступных посягательств;
- улучшение деятельности следователей органов внутренних дел Российской Федерации по раскрытию и расследованию преступлений;
- повышение показателей качества и объективности предварительного следствия.

В действующей редакции Программы вопросы предварительного следствия перенесены в иную подпрограмму «Реализация полномочий в сфере внутренних дел». В этой подпрограмме обозначен ожидаемый непосредственный результат:

- повышение качества и объективности предварительного следствия;
- снижение удельного веса уголовных дел, возвращенных прокурорами для дополнительного расследования;
- укрепление законности в деятельности следователей;

- сокращение числа лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности;

- повышение уровня защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, возмещение потерпевшим причиненного ущерба, привлечение виновных лиц к предусмотренной уголовным законодательством ответственности.

Кроме того, выделены направления реализации:

- осуществление предварительного следствия по уголовным делам;

- принятие своевременных, эффективных управленческих и процессуальных решений, связанных с обращениями граждан по уголовным делам;

- использование передового и положительного опыта расследования преступлений;

- продление или установление сроков предварительного следствия и согласования или отказа в удовлетворении ходатайств следователей, требующих судебных решений;

- выявление недостатков в уголовных делах и принятие мер по их устранению;

- выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений;

- подготовка представлений об их устранении, привлечение к ответственности должностных лиц, не выполняющих законные требования следователей;

- назначение защитников обвиняемым и подозреваемым в случаях, когда участие защитников обязательно, а они не избраны, не явились или не имеют возможности участвовать в процессе.

Вопросы предварительного следствия не подверглись какой-либо редакции и в Постановлении Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» от 20.03.2018 № 305.

По результатам анализа Государственной Программы в части предварительного следствия могут быть предложены следующие краткие выводы.

1. Ответственным исполнителем Программы является МВД России при отсутствии соисполнителей. Вместе с тем, в число участников Программы включены более десятка федеральных министерств и ведомств, формы участия которых не обозначены. Участники Программы не являются инициаторами, заказчиками, координаторами либо уполномоченными на экспертизу Программы, ответственными за реализацию, управление и контроль за исполнением намеченных мероприятий. Программа имеет ведомственный характер и может рассматриваться лишь как составная часть Государственной программы.

2. Наблюдается смешение и отождествление цели и задач в паспорте Государственной программы и разделе «Приоритеты и цели государственной политики в сфере реализации Программы».

3. В Программе присутствуют устаревшие уголовно-процессуальные конструкции, такие как «причины и условия, способствующие совершению преступлений», используемые в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 21, 21^1, 68, 140 и др.).

4. Предварительное следствие представлено исключительно системой МВД РФ, в то время как значительный контингент других органов и ведомств (ФСБ РФ, СК РФ) в противодействии преступности в Государственной программе не задействован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власенко Н.А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника 2014. № 8. С. 40-45.

2. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М.: Наука, 1990. 272 с.

3. Жарова Е.Ю. Программа как правовой документ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. 27 с.

4. Каргин К.В. Юридические документы / Науч. ред. В.А. Толстик. М.: Юристъ, 2008. 191 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Арефьев Сергей Александрович, заместитель начальника отдела по расследованию организованной преступной деятельности в сфере оборонно-промышленного комплекса следственной части, Главное следственное управление ГУ МВД России по Нижегородской области.

Служебный адрес: 603950, г. Нижний Новгород, ул. Горького, д. 71.

***Ключевые слова**: программа, методологические характеристики, документ, дефекты, предварительное следствие.*

УДК 340.130+343.140

Асанов Р.Ш.

НЕРАЗГЛАШЕНИЕ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена вопросу о необходимости разъяснения всем участникам обязанности, относительно недопустимости разглашении данных предварительного расследования. Также, автором акцентируется внимание на отнесение подозреваемых и обвиняемых к субъектам, в отношении которых должно распространяться данное требование, поскольку обеспечение прав уголовно-преследуемых лиц не может идти в разрез с соблюдением конституционного права на тайну частной жизни иных участников.

Важность соблюдения и защиты прав и свобод человека в Российской Федерации подчеркивается наличием в основном законе страны ряда положений, раскрывающих более подробно указанное направление деятельности. Так, в соответствии с частью 1 статьи 23 Конституции РФ, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допустимо (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ). Более того, Конституция РФ гласит о том, что государственная защита прав и свобод человека гарантируется (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ).

В уголовном судопроизводстве рассматриваемый аспект нашел свое отражение в статье 161 УПК РФ, регламентирующей недопустимость разглашения данных предварительного расследования. Причем, по своему назначению указанная норма имеет двойственный смысл. Так, помимо обеспечения соблюдения конституционных требований о недопустимости разглашения каких-либо личных сведений участников, вовлеченных в уголовный процесс, данная правовая норма также служит во избежание возможных негативных последствий из-за преждевременного раскрытия информации о ходе и результатах предварительного расследования каким-либо заинтересованным лицам. В связи с этим, проведенный анализ вышеуказанной нормы позволяет сделать вывод о том, что данные предварительного расследования включают в себя, как информацию о ходе расследования, так и сведения о частной жизни участников уголовного судопроизводства. При этом, внимание автора в настоящей статье все же направлено на исследование проблемы применения данной нормативной конструкции в аспекте неразглашения частной жизни лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Итак, в соответствии со статьей 161 УПК РФ, данные предварительного расследования разглашению не подлежат. Предание гласности данных предварительного расследования допускается лишь в строго определенных законом случаях, предусмотренных в части 2, 4 и 6 указанной статьи. В свою очередь, разглашение данных о частной жизни участников уголовного процесса без их согласия не допускается вообще (ч. 5 ст. 161 УПК РФ).

В соответствии с частью 3 статьи 161 УПК РФ, механизм реализации указанного направления деятельности заключается в предупреждении следователем (дознавателем) участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, о чем у них берется соответствующая подписка.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что субъектами, подпадающими под действие статьи 161 УПК РФ о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, являются следующие участники уголовного процесса: потерпевшие, гражданские истцы, защитники, гражданские ответчики, свидетели, эксперты, специалисты и понятые. Кроме этого, согласно части 1.1 статьи 144 УПК РФ, круг участников, на которых также может распространяться обязанность по неразглашению данных предварительного следствия, расширен до всех лиц, вовлеченных в уголовный процесс на стадии возбуждения уголовного дела.

Невзирая на то, что по своему смысловому значению и правовой природе неразглашение данных предварительного расследования предстает в качестве условия соблюдения конституционных прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, действующий УПК РФ все же неоднозначно регламентирует применение данной меры.

Во-первых, нормативная конструкция положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих права и обязанности вышеперечисленных участников уголовного судопроизводства, на которых распространяется требование о неразглашении данных предварительного расследования, представлена таким образом, что возлагает на них обязанность по неразглашению указанных сведений, только если они были об этом заранее предупреждены, в то время, как статья 161 УПК РФ в априори указывает на то, что сведения о предварительном расследовании не подлежат разглашению. Иными словами, действующий уголовно-процессуальный закон, обязывая следователя (дознавателя) строго соблюдать вышеуказанное требование, одновременно допускает возможность предупреждения участников уголовного процесса о недопустимости разглашения данных предварительного расследования не во всех случаях. При данной конструкции следователям и дознавателям предоставляется право самим определять, кого и в каких случаях предупреждать о

недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Думается, что при данных обстоятельствах соблюдение конституционного требования о защите частной жизни лиц подвергается риску, поскольку имеется субъективный фактор. Ситуация усугубляется тем, что на законном уровне в уголовном судопроизводстве нет четкого перечня сведений, отнесенных к частной жизни лиц. Как совершенно справедливо по данному поводу отмечает В.Е. Евсеенко, «структура ст. 161 УПК РФ позволяет следователю самому определять состав данных, не подлежащих разглашению, и решать, в каких случаях следует отбирать подписку, а в каких – нет» [1, с. 81].

Во-вторых, отсутствие на законном уровне обязанности уголовно-преследуемых лиц выполнять требования статьи 161 УПК РФ, и нести соответствующую ответственность за разглашение данных предварительного расследования, никак не могут обеспечить соблюдение прав иных участников уголовного судопроизводства на тайну сведений об их частной жизни. Думается, что реализация конституционного права лиц, вовлеченных в уголовный процесс, не должна зависеть только от порядочности подозреваемых или обвиняемых в вопросе неразглашения указанных сведений. При этом стоит ответить, что в научной среде и практической деятельности данная проблема воспринимается процессуалистами неоднозначно. Так, не разделяя вышеуказанное мнение автора, Н.А. Власова отмечает, что «во-первых, оно не основано на законе, а во-вторых, сохранение тайны предварительного расследования не согласуется с правом обвиняемого, подозреваемого на защиту» [2, с. 149]. Указанной позиции придерживается также иные авторы [3, с. 77]. Основным доводом процессуалистов в указанном вопросе является то, что обязанность неразглашения данных предварительного расследования не согласуется с их правом на защиту. Следует отметить, что указанная позиция также нашла закрепление и в ряде определений Конституционного Суда Российской Федерации.

Однако все же некоторые авторы считают, что если предупреждение подозреваемого или обвиняемого позволяет предотвратить нарушение конфиденциальности данных предварительного расследования, то именно к этой мере следует прибегнуть для достижения целей расследования [4, с. 154-160]. К тому же действующая конструкция статьи 161 УПК РФ никак не ограничивает уголовно-преследуемых лиц в осуществлении своей защиты, поскольку изложение сведений по уголовному делу в ходатайствах, заявлениях и жалобах, а также предоставление сведений специалистам - не является разглашением данных предварительного расследования. Кроме этого, следует также учитывать, что в иных случаях предание гласности данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства попросту невозможно без их согласия (ч. 5 и 6 ст. 161 УПК РФ).

Подводя итог, следует отметить, что недопустимость разглашения данных предварительного расследования выступает в качестве одного из условий соблюдения прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс, на неприкосновенность и тайну частной жизни и личных сведений. В связи с этим, действующее уголовно-процессуальное законодательство нуждается в дополнении положениями, касающимися обязательного разъяснения всем участникам уголовного процесса требований о недопустимости разглашении данных предварительного расследования, а также отнесения подозреваемых и обвиняемых к субъектам, в отношении которых должна распространяться указанная обязанность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евсеенко Е.В. Статья 161 УПК РФ как средство обеспечения охраны сведений, составляющих охраняемых законом тайну, на досудебных стадиях уголовного процесса // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 80-82.

2. Власова Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 147-150.

3. Маслов А.Е. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. 189 с.

4. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Асанов Решат Шевкетович, адъюнкт адъюнктуры кафедры уголовного процесса, Уральский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Научный руководитель - **Давлетов Ахтям Ахатович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Уральский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: *право, тайна, частная жизнь, разглашение, данные предварительного расследования.*

УДК 343.1

Горач Н.Н., Лаврова О.Н.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

В статье рассматриваются и анализируются вопросы, связанные с производством освидетельствования в принудительном порядке, а также выявляются пробелы уголовно-процессуального законодательства в данной сфере.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит термина принудительное освидетельствование, однако анализ ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) позволяет сделать вывод о возможности производства такого освидетельствования.

Так, в ч. 2 данной правовой нормы указано, что вынесенное следователем постановление об освидетельствовании обязательно для освидетельствуемого, следовательно, лицо, в отношении которого оно вынесено, не вправе отказаться от освидетельствования. При этом из ч. 1 ст. 179 УПК РФ следует, что свидетель может быть подвергнут освидетельствованию без его согласия, то есть принудительно, в том случае, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. Таким образом, законодатель предусмотрел особенности принудительного освидетельствования лишь для свидетеля [1, с. 205].

Несмотря на явное указание возможности принудительного освидетельствования, в научной литературе отсутствует единое мнение по данному вопросу. Так, некоторые авторы полагают, что принудительным освидетельствование может быть исключительно в отношении подозреваемого и обвиняемого, а потерпевший и свидетель могут быть освидетельствованы лишь с их согласия [2, с. 207].

На наш взгляд, правы те авторы, которые утверждают, что принудительному освидетельствованию могут быть подвергнуты потерпевший, свидетель, подозреваемый и обвиняемый [3]. Обоснованность данной точки зрения подтверждается фактом установления в ст. 308 Уголовного кодекса Российской Федерации уголовной ответственности в отношении потерпевшего за уклонение от прохождения освидетельствования.

На наш взгляд, законодателю необходимо установить уголовному ответственность и для свидетеля, исключив из ч. 1 ст. 179 УПК РФ ссылку на то, что свидетель может подвергаться освидетельствованию лишь в том случае, когда оно необходимо для оценки достоверности его показаний.

При этом нами не оспаривается мнение о том, что потерпевшего и свидетеля следует убеждать в необходимости освидетельствования,

разъяснять им, что его производство необходимо для установления истины по уголовному делу и привлечения виновного к уголовной ответственности.

В то же время, нельзя не учитывать и те обстоятельства, что потерпевшим и свидетелем по уголовным делам могут выступать различные лица, в том числе ранее судимые, которые могут отказаться от оказания помощи предварительному расследованию.

В качестве примера приведем уголовное дело в отношении Ж., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. По данному уголовному делу потерпевшим являлся К., ранее неоднократно судимый. При этом К. оказывал всяческое противодействие расследованию, давая показания о том, что он упал на осколки стекла и сам себе причинил телесные повреждения. От производства освидетельствования К. отказался, в связи с чем следователем было назначено производство судебно-медицинской экспертизы, в соответствии с заключением которой телесные повреждения потерпевшему К. были причинены клинком ножа или иным аналогичным предметом, их причинение при падении на осколки стекла исключалось [4]. По нашему мнению, следователю следовало проявить большую настойчивость и произвести освидетельствование принудительно, после чего решать вопрос о необходимости производства судебно-медицинской экспертизы.

Другими причинами отказа от прохождения освидетельствования могут являться нежелание обнажаться при посторонних лицах, природная застенчивость, наличие дефектов, которые участники уголовного процесса не желают демонстрировать и т.д.

Наиболее остро стоит вопрос о том, каким же образом производить принудительное освидетельствование, если лицо, подлежащее освидетельствованию, оказывает активное противодействие. В данном случае выход из ситуации видится лишь в применении принудительных средств в форме физического принуждения.

Некоторые авторы полагают, что физическое принуждение может применяться исключительно к подозреваемым и обвиняемым, но никак не к потерпевшим и свидетелям [2, с. 207]. Другие утверждают, что принудительное освидетельствование с применением физической силы возможно только по решению суда, принимаемого по ходатайству лица, производящего расследование, либо неотложно, но с последующим уведомлением суда и предоставлением материалов в порядке ст. 165 УПК РФ [5, с. 209].

Первая точка зрения нам представляется спорной в связи с тем, что законодатель не сделал никаких оговорок о том, к кому именно может быть применено физическое принуждение при производстве освидетельствования, соответственно, в данном случае, все участники

уголовного производства равны. Кроме того, представляется, что формулировка ст. 179 УПК РФ о возможности производства в большинстве случаев освидетельствования свидетеля «с его согласия» означает, что в отношении остальных участников уголовного процесса возможно проведение освидетельствования «без их согласия», то есть с применением физической силы.

Таким образом, процессуальный порядок производства принудительного освидетельствования нуждается в четком и однозначном законодательном урегулировании. Мы разделяем мнение Д.К. Брагера о том, что в ином случае лицо, производящее предварительное расследование, «не решится на проведение указанного следственного действия, осознавая, что ему впоследствии могут вменить в вину не только нарушение прав участников уголовного процесса на защиту, неприкосновенности личности, но и превышение служебных полномочий в связи с насилием и обращением, унижающим человеческое достоинство либо создающим опасность для жизни и здоровья человека». Данный автор справедливо утверждает, что вопрос о целесообразности и допустимости производства освидетельствования в принудительном порядке в отношении конкретного участника уголовного процесса в случае его отказа от прохождения данного следственного действия должен решать суд [6, с. 99].

В ч. 1 ст. 179 УПК РФ должно быть четко указано, что в случае несогласия потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого пройти освидетельствование, они могут быть подвергнуты производству освидетельствования принудительно, вплоть до применения физической силы. Только такое четкое урегулирование законодателем спорной процедуры производства принудительного освидетельствования позволит лицам, производящим предварительное расследование по уголовному делу, производить данное следственное действие в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

В заключение можно сделать вывод о том, что в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство не закрепляет понятия «принудительное производство освидетельствования», при этом прямо не указывая на возможность его производства, однако анализ норм УПК РФ свидетельствует о том, что при отсутствии согласия потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, а в исключительных и свидетеля, оно все же может быть произведено.

Кроме того, законодательно не установлена процедура принуждения участников уголовного процесса к участию в освидетельствовании, что порождает достаточное количество спорных вопросов в правоприменительной практике.

Представляется целесообразным законодательное закрепление возможности производства принудительного освидетельствования в

отношении потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого при отсутствии их согласия на участие в данном следственном действии, а также процессуальную процедуру принудительного производства освидетельствования. Вышеизложенные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве позволят повысить эффективность данного следственного действия в целях получения доказательств по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваленко А.Г. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. М.: Эксмо, 2013.
2. Смирнов С.М. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. М.: НОРМА, 2014.
3. Потапова А.Г. Принудительное освидетельствование потерпевших // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 13 (68). Серия Право. Выпуск 8. Том 1. URL: http:// www.studmed.ru.
4. Материалы уголовного дела № 3-22/2015 // Архив Октябрьского районного суда г. Владимира за 2015 год. URL: http:// oktiabrsky.wld.sudrf.ru.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 8-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2015.
6. Брагер Д.К. Принудительное проведение освидетельствования и получение образцов для сравнительного исследования: отдельные проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 99–101.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горач Николай Николаевич, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Служебный адрес: 143100, Московская обл., Рузский р-н, п. Старотеряево.

Лаврова Оксана Николаевна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Служебный адрес: 143100, Московская обл., Рузский р-н, п. Старотеряево.

Ключевые слова: *освидетельствование, следственное действие, уголовный процесс, потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый, принуждение.*

УДК 343.14

Гирина М.С.

ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с доказыванием в уголовном процессе. Доказывание осуществляется специальными уполномоченными на то субъектами. Предметом доказывания в уголовном процессе служит ограниченный круг фактов и обстоятельств, определяющих конкретное отдельное событие объективной действительности, установление которых важно для верного разрешения уголовного дела.

Доказательства и доказывание являются основными аспектами, характеризующими сущность и содержание уголовного процесса. Доказывание осуществляется на каждой стадии уголовного судопроизводства. Следовательно, правовые нормы, регулирующие производство по уголовным делам на разных стадиях, являются процессуальной формой доказывания, обладающей характерными чертами применительно к каждой из стадий уголовного процесса.

Доказывание является разновидностью познания человеком реальной действительности. Оно реализуется в согласовании с общими закономерностями, свойственными познавательной деятельности в разных сферах теории и практики [2, с. 155-156].

Доказывание, выступающее в качестве познания обстоятельств определенного события, должно соответствовать установленным логическим правилам. Первоначально собирается фактический материал, подвергаемый анализу, подразделяется на составные части, обнаруживаются отдельные элементы, стороны исследуемых фактов, затем делается обобщающий вывод об определенном событии. Равно как каждый процесс познания, доказывание по уголовному делу является мыслительной деятельностью его участников.

Доказывание - стержень всего процесса уголовного судопроизводства. Предмет доказывания является единым на всех стадиях

расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, однако различаются процессуальные формы, через которые реализуется доказывание. Данные формы обусловлены специфическими задачами, решаемыми в каждой из стадий процесса. В зависимости от этой особенности находятся и полномочия субъекта доказывания, которые ориентированы на установление обстоятельств, отмеченных в ст. 73 УПК РФ.

Специфика доказывания в судопроизводстве состоит в единой связи его познавательного и удостоверительного элементов. Процедура доказывания – это не только познание неизвестных обстоятельств на основе известных, но и процесс удостоверения констатируемых фактов для того, чтобы принимаемое на их основе решение являлось убедительным для любого человека, который с ним ознакомится [5, с. 220-221].

Доказывание в уголовном процессе следует различать от иных форм человеческого познания.

Доказывание применяется по уголовным делам – определенным жизненным случаям, по которым реализуются правоприменительные действия по поводу разрешения вопроса об уголовной ответственности [1, с. 116].

Доказывание является единственным процессуальным средством определения и удостоверения обстоятельств, обладающих значимостью для уголовного дела, однако оно считается единственным способом постижения истины.

Например, следователь во время производства следственных действий воспринимает значительный объем информации, которая по сути еще не считается доказательством, так как она пока не оформлена в соответствующую процессуальную форму, не зафиксирована в надлежащих процессуальных актах. Учитывая то обстоятельство, что даже если какие-либо данные по каким-либо причинам остались незафиксированными, следователь всё-таки получил некоторые сведения об интересующих его обстоятельствах, познал их.

Доказывание в уголовном процессе ориентировано на установление конкретных перечисленных в УПК РФ обстоятельств, имеющих отношение к преступлению, позволяющих верно разрешить уголовное дело. Помимо этого также необходимо установить обстоятельства, которые способствовали каким-либо образом совершению преступления [6, с. 89].

В доказывание не входит оценка обстоятельств, уже установленных юридически, доказывание ограничивается лишь их фактической сущностью. Но, тем не менее, доказывание предполагает оценку устанавливаемых обстоятельств с точки зрения соответствия действительности. Фактические обстоятельства понимаются не только как некое отражение реальности, но и также связи, закономерности и отношения данных фактов. Например, может доказываться способность

осознавать общественную опасность своих действий или руководить ими при наличии у лица психического расстройства и т.д. [3, с. 42]

Процессуальное доказывание не ограничивается только мыслительной работой, но также состоит и в собирании и проверке доказательств. Следовательно, оно содержит не только познавательную, но и практическую сторону.

Доказывание подвергается подробной законодательной регламентации, которая является его юридической сущностью или процессуальной формой.

Законодательно определение «доказывание» не закреплено. В УПК РФ упоминается только то, что доказывание включает в себя собирание, проверку и оценку доказательств, для установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ [4, с. 115].

Сбор доказательств осуществляет дознаватель, следователь, прокурор и суд посредством проведения следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ.

Проверка доказательств выполняется через сравнение их с другими имеющимися в уголовном деле доказательствами, а также определение их источников, получение других доказательств, которые в свою очередь подтверждают или опровергают проверяемое доказательство.

Оценка доказательств сопутствует сбору и проверке доказательств и логически заканчивает ход доказывания. Оценка доказательств является мыслительной деятельностью дознавателя, следователя, прокурора и суда, которая приводит их к убеждению об относимости, допустимости, достоверности, значимости и достаточности их совокупности с целью разрешения уголовного дела.

Однако следует отметить, что не каждая информация может использоваться как доказательство по делу и выступать в качестве основы для принятия процессуальных решений (например, сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий).

Ключевой проблемой оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса является внедрение материалов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Эта трудность появилась с введением научно-технических средств в работу по раскрытию преступлений.

Весьма значимым является вопрос об источнике оперативной информации, наличие данных о котором считается обязательным. Это связано с тем, что в последующем следует проверить предоставленные сведения и предъявить подозреваемому проверенные материалы в течение уголовного процесса.

Статья 11 Закона об ОРД устанавливает границы использования сведений, полученных путем проведения оперативных мероприятий в ходе доказывания. В соответствии с данной статьей они имеют возможность

быть примененными для подготовки и выполнения следственных и судебных действий, могут являться поводом и основанием возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, и использоваться в доказывании согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, которое регламентирует сбор, проверку и оценку доказательств.

Следовательно, сведения, полученные оперативным путем, могут быть использованы для подготовки и осуществления процессуальных действий, ориентированных на получение новых доказательств, а также для построения версий [5, с. 229].

Суть уголовно-процессуальной деятельности - изучение обстоятельств совершенного преступления, что осуществляется по общим правилам познавательной деятельности. Спецификой познания, реализуемого органами предварительного расследования и судом, считается то, что они должны понять произошедшее не только для себя, но и удостоверить это данными, которые следует зафиксировать и отразить в материалах уголовного дела. Познание в уголовном процессе обладает удостоверительным характером и поэтому называется доказыванием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина Ю.А. Судебные доказательства: общетеоретическое доказывание. М.: Трибуна, 2009. 270 с.

2. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учеб. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 832 с.

3. Кронов Е.В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России. М.: Юристъ, 2013. 48 с.

4. Наумов А.В. Уголовный кодекс Российской Федерации: науч.-практ. комментарий. М.: Проспект, 2008. 317 с.

5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Л.Н. Башкатов и др.: отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 688 с.

6. Уголовный процесс: учеб. / Н.С. Манова, Ю.В. Франциферов. М.: ИД Юрайт, 2010. 356 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гирина Мария Сергеевна, курсант 301 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Научный руководитель - **Гришин Андрей Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *доказывание, уголовный процесс, познание, оперативно-розыскные мероприятия.*

УДК 343.14

Зубцов Ю.Н.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ТЯЖКИЕ И ОСОБО ТЯЖКИЕ ДЕЯНИЯ, ПОДПАДАЮЩИЕ ПОД ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена актуальным проблемам и теоретико-правовому анализу эффективности применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие деяния, подпадающих под признаки преступлений, в том числе недостаткам наблюдения за данной категорией граждан в быту после прохождения лечения, влекущие к рецидиву противоправного поведения.

Зачастую у следствия возникают вопросы, связанные с производством предварительного следствия по уголовным делам данной категории. В своей практической деятельности органам предварительного следствия надлежит учитывать не только требования УПК РФ, но и положения международных правовых актов и практику Европейского суда.

К участию на досудебной стадии уголовного судопроизводства по данной категории дел в обязательном порядке следует привлекать законных представителей лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Ими в соответствии с частью 1 статьи 437 УПК РФ признаются близкие родственники - родители, усыновители или другие указанные в пункте 4 статьи 5 УПК РФ лица. При отсутствии близких родственников либо их отказе от участия в деле законным представителем может быть признан орган опеки и попечительства. Участие законного представителя является обязательным. Если законный представитель действует в ущерб интересам представляемого им лица, он отстраняется от участия в деле, и законным представителем лица, в отношении которого ведется

производство о применении принудительной меры медицинского характера, признаются другие лица, указанные в пункте 4 статьи 5 УПК РФ, а при их отсутствии - орган опеки и попечительства.

Следует учитывать, что в силу пункта 3 части 1 статьи 51 и статьи 438 УПК РФ в производстве о применении принудительных мер медицинского характера участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле. Отказ от защитника по этим делам не может быть принят судом. В случае нарушения указанных требований в ходе предварительного расследования такое уголовное дело подлежит возвращению прокурору в порядке, установленном статьей 237 УПК РФ.

В соответствии с требованиями пункта 3 статьи 196 УПК РФ по каждому уголовному делу в обязательном порядке необходимо назначать судебно-психиатрическую экспертизу, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого или обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

К обстоятельствам, вызывающим такие сомнения, могут быть отнесены, например, наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь (у него диагностировалось врачами психическое расстройство, ему оказывалась амбулаторная психиатрическая помощь, он помещался в психиатрический стационар, признавался невменяемым по другому уголовному делу, негодным к военной службе по состоянию психического здоровья и т.п.), о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, о получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном наличии психического расстройства, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др.

Ввиду вышеизложенного рекомендуем осуществлять сбор характеризующих данных в полном объеме на первоначальной стадии предварительного расследования с целью назначения при наличии оснований стационарной психолого-психиатрической судебной экспертизы, минуя проведение амбулаторной психолого-психиатрической судебной экспертизы. Кроме того, на законодательном уровне следует разработать и обсудить предложения по повышению эффективности взаимодействия между органами внутренних дел, органами здравоохранения и управлениями Следственного комитета Российской Федерации по субъектам РФ в данной сфере, с участием представителей вышеназванных ведомств.

При назначении судебно-психиатрической экспертизы на разрешение экспертов следует ставить вопросы, позволяющие выяснить характер и степень психического расстройства во время совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, в ходе предварительного расследования установить, могло ли лицо в указанные периоды осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Перед экспертами следует ставить также вопросы и о том, связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него и других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда, нуждается ли такое лицо в применении принудительной меры медицинского характера и какой именно, а также может ли это лицо с учетом характера и степени психического расстройства лично осуществлять свои процессуальные права.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зубцов Юрий Николаевич, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *принудительные меры медицинского характера, лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие деяния, признаки преступления, лечение, рецидив противоправного поведения, УПК РФ, ответственность.*

УДК 343.1

Гришин А.В., Гришина М.В.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛНОТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОК И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, ПРЕКРАЩЕНИИ И ПРИОСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА)

Статья посвящена рассмотрению современного состояния законодательства в части определения критериев достаточности доказательств, полноты проведения проверок и предварительного

расследования для принятия процессуальных решений на досудебной стадии уголовного судопроизводства (решения об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении и приостановлении уголовного дела).

Определение критериев достаточности доказательств, полноты проведения проверок и предварительного следствия для принятия процессуальных решений на досудебной стадии уголовного судопроизводства в настоящее время достаточно актуальны.

Заметим, что, одним из основных требований к законности принятого решения о прекращении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела является полнота проведенной проверки либо предварительного расследования, под которой понимается выяснение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию и предусмотренных ст. 73 УПК РФ, а также устранение имеющихся в материале либо уголовном деле противоречий. В то же время, единые критерии полноты доследственной проверки (предварительного расследования), достаточности собранных доказательств отсутствуют, что может влечь за собой неоднократное принятие решений со стороны руководителя следственного органа либо прокурора об отмене принятого следователем решения.

В этой связи, пожно порекомендовать следователям следственных органов МВД Российской Федерации, иных правоохранительных органов в каждом случае принятия решения о прекращении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела принимать меры к правильному определению предмета доказывания; при формировании комплекса доказательств использовать качественный и количественный критерии, учитывая, что получение одного и того же доказательства из нескольких источников повышает его достоверность; использовать все допустимые законом способы собирания доказательств, не ограничиваясь установлением очевидных фактов; в обязательном случае принимать все допустимые законом меры по устранению противоречий; постановление о принятии процессуального решения выносить мотивированно, с анализом собранных доказательств, системой доводов и аргументов, обосновывающих решение о прекращении.

По материалам следственных органов Следственного комитета Российской Федерации наибольшее количество отмен процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела принято по уголовным делам о должностных преступлениях (ст. 285,286, 292, 293 УК РФ), что свидетельствует о необходимости принятия дополнительных мер методического характера.

В целях совершенствования практических навыков и правильного применения законодательства, как видится, необходимо провести учебно-методический семинар со следователями и руководителями следственных органов, в ходе которых довести до следователей методику проведения

проверок по сообщениям о преступлениях данной категории, и отработать практические навыки по определению предмета доказывания, тактики планирования и осуществления предварительного расследования.

Для этого необходимо подготовить развернутые методические рекомендации для следователей о необходимом объеме работы, собранных доказательств, выполненных процессуальных и следственных действий для принятия решения о приостановлении предварительного следствия по каждому из предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований.

Решения о приостановлении предварительного следствия также должны быть приняты при соблюдении определенных условий, определенных ст. 73, 208-211 УПК РФ, и на них распространяются требования о достаточности собранных доказательств и полноте производства предварительного расследования для принятия решения; однако данные критерии являются разными для различных оснований приостановления предварительного расследования [1].

С учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, ч. 6 ст. 148 УПК РФ, не предполагает произвольную и неоднократную отмену решения следователя по одному и тому же основанию, в том числе по причине неполноты проведенной проверки, так как в отношении лица на протяжении многих лет сохраняется угроза уголовного преследования; в то же время в условиях отсутствия единых критериев полноты проведенной доследственной проверки или расследования возможна отмена любого вынесенное следователем решения, причем неоднократно и в течение неопределенного промежутка времени. Представляется, что в этом случае нарушаются конституционные прав граждан - участников досудебной стадии уголовного судопроизводства, которые вынуждены отстаивать его в судебном порядке.

Налоговые преступления представляют повышенную опасность для общества, провоцируя социальную напряженность и политическую нестабильность в нем, затрагивают национальные интересы государства. Общественная опасность налоговых преступлений определяется высокой значимостью налогов в хозяйственной деятельности общества [2, с. 43].

Изменения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (п. 4 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2009 № 383-ФЗ), в частности отнесение с 1 января 2011 г. расследования налоговых преступлений к подследственности Следственного комитета Российской Федерации (далее - СК РФ), предопределили новые задачи в разрешении вопросов и проблемы выявления, расследования и квалификации налоговых преступлений [2, ст. 43-44].

В связи с указанными обстоятельствами в ОВД из СК РФ поступают поручения о проведении проверочных и оперативно-розыскных

мероприятий по материалам налоговых органов, не содержащих в себе практически никаких документов и сведений о наличии в действиях налогоплательщика признаков преступлений. Однако сотрудникам ОВД в ограниченные нормами УПК РФ сроки затруднительно провести всестороннюю и полную проверку по таким материалам, что приводит к вынесению необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел [2, с. 44-45].

Полагаем, что дальнейшее ослабление правоохранительной и в целом контрольной функции государства в области налогообложения в совокупности с повышением ставок налогов и деформированным правосознанием налогоплательщиков приведет к еще большему уводу налогооблагаемого капитала «в тень», т.е. сокрытию его от налогового администрирования и налогового контроля, либо выводу в оффшорные или иные налоговые юрисдикции с низкими ставками налогов, с которыми у Российской Федерации есть соглашения об избежание двойного налогообложения [3].

В целях устранения пробелов в действующем уголовно-процессуальном законодательстве направить в Следственный департамент МВД РФ и Следственный комитет Российской Федерации анализ практики обжалования отмены процессуальных решений гражданами в судах Орловской области с целью использования при проработке вопроса о внесении в законодательные органы инициативы о внесении изменений в действующее законодательство в части предоставления следственным органам полномочий по обжалованию принятых прокурорами решений об отмене постановлений следователей об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении и приостановлении уголовного дела, как дополнительной гарантии соблюдения конституционных прав граждан-участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, рекомендуется подготовить проект совместного с органами прокуратуры организационно-распорядительного документа, вырабатывающего единые критерии оценки собранных по делу либо материалу проверки доказательств, требования к полноте проверки либо расследования и к итоговому процессуальному решению, принять меры к согласованию его с органами прокуратуры и совместному использованию в дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришина Е.Б. К вопросу о соотношении показаний с иными документами и вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве // Научный вестник МВД России имени В.В. Лукьянова. 2014. № 3 (60). С. 30-33.

2. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 3 (68). С. 43-45.

3. Гришин А.В. Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сборник статей / Редкол.: А.В. Гришин [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 42-43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришина Марина Викторовна, ведущий специалист по контролю контрактования и соблюдения процедур, АО «Орёлнефтепродукт».

Служебный адрес: 302001, г. Орел, ул. Маяковского, д. 40.

Ключевые слова: *УПК РФ, МВД, СК РФ, критерии достаточности доказательств, проведение проверок, предварительное расследование, принятие процессуальных решений, решение об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении и приостановлении уголовного дела, уголовное судопроизводство.*

УДК 343.1+347.1

Гришин А.В., Гришина М.В., Дроздова Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исходя из законодательного определения, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания.

Преступление как деяние обладает обязательными признаками, присущими каждому такому деянию. В Особенной части Уголовного

кодекса РФ преступления располагаются по родовым и видовым объектам преступлений.

Преступления в сфере предпринимательской деятельности содержатся в Главе 22 Особенной части Уголовного кодекса. В зависимости от непосредственного объекта все преступления можно разделить на три группы:

а) посягающие на законную предпринимательскую деятельность (ст. 169-171, 171.1, 172-174, 174.1, 175-180, 183-185, 185.1, 187, 195-197 УК РФ);

б) посягающие на государственную монополию в сфере экономической деятельности (ст. 181, 186, 190-193 УК РФ);

в) таможенные и налоговые (ст. 188, 189, 194, 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ).

Видовым объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, возникающие в сфере экономической деятельности, то есть такая деятельность, при которой происходит производство, распределение, обмен и потребление материальных благ и услуг.

Непосредственным объектом в зависимости от преступления выступают конкретные общественные отношения, связанные с определенной сферой предпринимательской или иной экономической деятельности, и регулируемым экономическим отношениям [3].

Объективная сторона большинства рассматриваемых преступлений в сфере экономической деятельности заключается в совершении их путем действий (например, в нарушение положений Гражданского кодекса РФ, понуждение к совершению сделки или к отказу от совершения такой сделки). Часть преступлений может совершаться путем бездействия (например, неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности).

Также по форме составов преступления, деяния указанной главы Уголовного кодекса РФ делятся на преступления с материальной конструкцией, предполагающие обязательное наступление негативных последствий от совершенных противоправных деяний (незаконная банковская деятельность) и составы с формальной конструкцией, когда для квалификации деяния необходим только факт совершения преступного деяния (незаконные организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны).

По субъектному составу виды преступлений, обозначенные главой 22 УК РФ также отличаются. Субъектом преступлений в сфере экономической деятельности могут быть как общие субъекты – физические вменяемые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, так

и специальные субъекты - должностные лица (регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом).

Субъективная сторона преступлений в сфере экономической деятельности предполагает умышленную форму вины либо может иметь две формы вины. При совершении преступлений в сфере экономической деятельности в большинстве случаев присутствует умышленная форма вины. При этом, качественной характеристикой преступлений является наличие факультативного признака вины – мотива. Для рассматриваемых преступлений такими мотивами чаще всего являются корыстные мотивы, что неразрывно связано со спецификой совершаемых преступных деяний [1; 4] .

Следует упомянуть о том, что преступления указанной сферы весьма разнообразны, и учитывая признак наказуемости, как один из основных признаков для определения деяния как преступления и его квалификации, законодателем постоянно вносятся изменения в Главу 22, дополняются составы и виды преступных деяний, совершенных в данной сфере.

Так, за период с 2009 по 2013 г. УК РФ был дополнен такими новыми составами преступлений, как незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1), незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2), нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185.2), воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4), фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5), неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6), совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1), контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1) [3].

В дальнейшем, за период с 2013 по настоящее время в главу 22 УК РФ внесено 8 новых общественно опасных деяний: Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170.2), Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (171.3), Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (171.4), Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (172.1), Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (172.2), Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (191.1),

Уклонение страхователя - физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (199.3), Уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (199.4).

При таких обстоятельствах, основными задачами уголовно-процессуальной политики состоит в незамедлительной реагировании на изменений экономических процессов, быстрой квалификации совершенных деяний и внесение изменений и дополнений в уголовное законодательство (криминализация общественно опасных деяний). Для исполнительных органов, непосредственно реализующих функции уголовно-процессуальной политики основной задачей при возникновении общественно опасных деяний является их изучение, предупреждение а также выработка методических рекомендаций для эффективного выявления таких деяний, проведения методик процесса их расследования (для формирования законодательной базы при производстве уголовного преследования), а также раннего выявления таких деяний для их возможного пресечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладких В.И., Курчеев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. С. 125.

2. Кириченко Ю.Н. Переход права в результате сделок с земельными участками // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 2 (15). С. 47-52.

3. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. М.: Юстицинформ, 2014. С. 68.

4. Зайцев А.О. Реализация уголовно-процессуальной политики // Пробелы в российской законодательстве. 2014. № 5. С. 152.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришина Марина Викторовна, ведущий специалист по контролю контрактования и соблюдения процедур, АО «Орёлнефтепродукт».
Служебный адрес: 302001, г. Орел, ул. Маяковского, д. 40.

Дроздова Елена Владимировна, мировой судья судебного участка № 1 Железнодорожного района г. Орла.
Служебный адрес: 302006, г. Орел, ул. Московская, д. 159.

***Ключевые слова**: уголовная ответственность; Уголовный кодекс РФ; преступление в сфере экономической деятельности; уголовно-процессуальная политика; ответственность.*

УДК 343.1

Гришин А.В., Дроздова Е.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЁ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Уголовно-процессуальная политика в сфере экономической деятельности регламентируется множеством нормативных правовых актов, в том числе законодательных и распорядительных (изданных исполнительными органами власти), ведущими из которых являются Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ и иные правовые акты.

Основными направлениями реализации уголовно-процессуальной политики в любой сфере уголовного закона являются:

1) Деятельность специально уполномоченных органов, направленная на выявление преступлений, осуществляемая по факту совершенных преступных деяний, в том числе, регистрация сообщений о преступлении, расследование преступлений, привлечение лиц, виновных в совершении преступления к уголовной ответственности. Данный вид деятельности является основополагающим, предусматривает уголовно-процессуальное преследование лица, совершившего преступное деяние, процесс уголовного судопроизводства и исполнения наказания специализированными государственными органами. Расследованием преступлений занимаются уполномоченные на то органы: МВД, ФСБ, органы таможенной службы, органы ФССП РФ;

2) деятельность органов государственной власти, направленная на предупреждение преступлений. Основным нормативно-правовым актом для указанных целей является Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ

«Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1].

В деятельности по пресечению преступлений принимают участие следующие органы:

1) федеральные органы исполнительной власти;

2) органы прокуратуры Российской Федерации;

3) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации;

4) органы государственной власти субъектов Российской Федерации;

5) органы местного самоуправления.

Осуществляя деятельность по предупреждению совершения преступлений органы, на которые законодательством возложены такие функции, организовывают работу по выявлению, оценке и прогнозированию криминогенных факторов социального характера, с учетом анализа преступности по отдельному региону в разрезе по видам преступления и характеристике лиц, совершивших их, то есть анализируя криминогенную обстановку для принятия соответствующих мер. В процессе такого анализа также важное значение приобретает выявление и устранение причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений, в том числе на почве социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Кроме этого, каждый из указанных органов, в границах своей компетенции разрабатывает государственные и муниципальные программы в сфере предупреждения преступлений, в том числе путем совершенствования механизмов эффективного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений с лицами, участвующими в профилактике правонарушений, по вопросам профилактики правонарушений.

Основным органом по расследованию преступлений в сфере экономической деятельности в структуре органов Министерства внутренних дел является отдел экономической безопасности и противодействия коррупции, функционирующий в соответствии с Указом Президента РФ от 01.03.2011 № 248 (ред. от 15.07.2017) [2].

В сферу полномочий по расследованию преступлений, отделу экономической безопасности и противодействия коррупции подведомственно расследование практически всех преступлений, содержащихся в главе 22 УК РФ.

Высшим руководящим органом отделов экономической безопасности является Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции.

Основными направлениями руководящего органа по реализации уголовно-процессуальной политики в сфере экономической деятельности являются:

- обеспечение экономической безопасности и осуществление борьбы с преступлениями экономической и коррупционной направленности, в том числе совершенными организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящими транснациональный или межрегиональный характер, либо вызывающими большой общественный резонанс;

- осуществление мероприятий, направленных на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, подрыв экономических основ организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), борьбу с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности и фальшивомонетничеством;

- документирование преступлений экономической и коррупционной направленности.

При расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, отделы экономической безопасности и противодействия коррупции помимо общих основных начал деятельности по осуществлению уголовного преследования подозреваемого (обвиняемого), содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, руководствуются следующими законодательными и иными нормативно-правовыми актами:

- Федеральным законом «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011 г.;

- Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ от 12.08.1995 г.;

- Положениями Налогового кодекса РФ (в частности, статьями 36, 37, 82) № 146-ФЗ от 31.08.1998 г.;

- инструкциями, приказами и иными нормативно-правовыми актами уполномоченных органов исполнительной власти.

Учитывая характер расследуемых преступлений, органы МВД при проведении такой деятельности взаимодействуют с многими территориальными органами министерств и ведомств. Одним из таких органов является Федеральная налоговая служба. Для эффективного взаимодействия между двумя органами исполнительной власти, руководством таких органов принят совместный Приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» [3]. В данном приказе раскрывается суть взаимодействия между органами для эффективного выявления преступлений, передача материалов, свидетельствующих о совершении преступления и иные положения.

Статистические данные по расследованию преступлений в сфере экономической деятельности за 2016 год, опубликованные Министерством Внутренних дел Российской Федерации говорят о том, что общее количество преступлений экономической направленной по стране

снизилось по сравнению с предыдущим годом на 0,1 % и составило 18 927 преступлений. Такое снижение является незначительным и говорит о том, что, в целом, криминогенная обстановка в отношении таких преступлений не изменилась. Подавляющее количество преступных деяний в указанной сфере совершается путем изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг – 12254 преступления, что составляет 64,7 % от общего количества преступлений. Однако, уровень преступности данной направленности уменьшился на 10,9 %, что является довольно существенным показателем эффективности проведения уголовно-процессуальной политики. Существенно увеличился прирост преступлений следующей направленности:

- производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, который хотя и занимает незначительное место среди преступлений в сфере экономической деятельности (34), но имеет значительный прирост в размере 70% по сравнению с предыдущим годом.

- незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга, доля прироста которых составила 80,6 % по сравнению с показателями предыдущих годов [4,5].

По остальным преступлениям в сфере экономических преступлений динамики по существенному увеличению или снижению не наблюдается.

В январе 2017 года ситуация претерпела некоторые изменения – увеличилась доля преступных действий в виде неправомерных действий при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, доля которого по отношению к предыдущему периоду увеличилась на 40 %, процент преступных деяний в виде незаконного предпринимательства уменьшился вполовину – 51 %, такого же снижения достиг показатель доли легализации (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо приобретенных другими лицами преступным путем.

Лидирующие позиции с почти аналогичным показателем прошлого года занимает по прежнему преступления, совершаемые путем изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг.

По статистическим показателям, публикуемым МВД России преступления в сфере экономической деятельности в общей массе преступлений имеют небольшой удельный вес – 5,11 % от общего количества преступлений по стране. Кроме того, в целом за 2017 год уровень преступности в сфере экономической деятельности снизился на 3,4 % по сравнению с предыдущим аналогичным периодом.

Проиллюстрировав наглядно криминогенную обстановку в стране по преступлениям в сфере экономической деятельности, необходимо сделать вывод об эффективности проведения уголовно-процессуальной политики,

ввиду того, что законодателем своевременно проанализированы и внесены изменения в статьи УК РФ преступления, предусмотренные статьей 171.1, 190 УК РФ. По результатам такой деятельности возрос процент привлечения лиц, совершивших преступные деяния к уголовной ответственности.

Уже, на протяжении многих лет в России идет судебная реформа. Утвержденная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 году Концепция судебной реформы сформулировала задачи, достижение которых, по мысли ее авторов, должно способствовать становлению России как действительно правового демократического государства [6]. Вместе с тем, анализируя показатели преступной деятельности в сфере экономики необходимо обратить внимание на то, что меры уголовно-процессуальной политики, проводимой государственными органами недостаточно эффективны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ст. 3851.
2. Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. ст. 1334.
3. Российская газета. 2009. № 173.
4. Состояние преступности в России за 2016 г. МВД.
5. Зайцев А.О. Реализация уголовно-процессуальной политики// Пробелы в российской законодательстве. 2014. № 5. С. 152.
6. Ветрова О.А. Судебная система РФ: новеллы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. № 4 (65). С. 30-33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Дроздова Елена Владимировна, мировой судья судебного участка № 1 Железнодорожного района г. Орла.

Служебный адрес: 302006, г. Орел, ул. Московская, д. 159.

Ключевые слова*: уголовная ответственность; Уголовный кодекс РФ; преступление; ответственность; уголовно-процессуальная политика; экономическая деятельность.*

УДК 343.1

Гришина М.В., Гришин А.В.

НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕР УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ И УГОЛОВНО ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ)

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу реализации неотвратимости наказания и применение мер уголовной репрессии в контексте современной уголовной и уголовно процессуальной политики по борьбе с преступностью в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (в сфере экономики).

Уже, на протяжении многих лет в России идет судебная реформа. Утвержденная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 году Концепция судебной реформы сформулировала задачи, достижение которых, по мысли ее авторов, должно способствовать становлению России как действительно правового демократического государства [9].

В современной жизни мы встречаемся с различного рода злоупотреблениями со стороны недобросовестных предпринимателей, представителей сферы ЖКХ и иных субъектов хозяйственной деятельности. В последнее время широкий резонанс приобрели по сути мошеннические действия в сфере банковской деятельности при процедуре банкротства, когда недобросовестные представители банка-банкрота предъявляют иски к вкладчикам о возвращении вкладов для удовлетворения требований кредиторов. Мотивируется это тем, что, по их мнению, это относится к хозяйственной деятельности банка. Отмечу сразу, что в таком случае суд не вправе принимать решение как о возврате уже снятых денежных средств вкладчиков, так и о признании данных вкладов подлежащими включению в состав имущества за счёт которого будут удовлетворены требования кредиторов. Ведь отношения в рамках заключённого договора банковского вклада не относится к хозяйственной деятельности банка! Приоритет должен оставаться за гражданским законодательством!

Но правоприменительная практика здесь весьма разнообразна. И даже если суд в конечном итоге примет соответствующее закону решение в пользу вкладчика, то может пройти довольно продолжительное время, за которое у лица не будет возможности распорядиться своими денежными средствами, либо вообще он может их лишиться. Не говоря

уже об упущенной выгоде, требование о возмещении которой и предъявить будет уже не к кому!

Похожих примеров достаточно много. Достаточно проанализировать судебную и иную правоприменительную практику. В некоторых случаях в организациях существуют «негласные указания», не позволяющие лицу реализовать своё право или воспользоваться правом. Хотя по закону гражданин прав, реальной возможности воспользоваться правом он не имеет. Обращение в суд? Весьма трудоёмкий и затратный во времени и материальных ресурсах (услуги адвоката, иные судебные расходы и издержки) процесс. При этом, когда речь касается незначительных выплат, пособий и т.п. для получения которых необходимо обращаться постоянно и с определённой периодичностью, предоставлять типовые документы даже с точки получения экономической выгоды выглядит абсурдно. А организация при этом получает сверхприбыли. Суд же, как правило, проконстатирует факт, что лицо не вовремя обратилось, не предоставило нужных документов и т.п. Всё это лежит за рамками деяний, предусмотренных УК РФ. А со временем, появляются всё новые и новые виды злоупотреблений. И действующий УК РФ, равно как и УПК РФ и прочие кодифицированные и некодифицированные акты попросту не успевают адекватно реагировать на существующую реальность.

А решение этих проблем как раз лежит в правильности проведения и сбалансированности современной уголовной и уголовно процессуальной политики. В частности - по борьбе с преступностью в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (в сфере экономики), где государство должно становиться на защиту интересов экономически более слабо-защищённой стороны в сфере данной деятельности. А такой стороной, безусловно, и, прежде всего, является потребитель.

Попробуем осветить обозначенную проблему, в том числе, учитывая сформировавшееся правосознание, которое, «…традиционно рассматривается как профессиональное правосознание, отличное от обыденного, т.е. акцентируется внимание на тех моментах, которые приобретают принципиальное значение для правильного определения места и роли правосознания в правоприменительной деятельности» [7].

Уголовно-процессуальная политика как социальное явление, находящееся на стыке политики и права, не может быть охарактеризована без выяснения взаимосвязи и соотношения политики и права. Это тем более необходимо сделать, поскольку взаимодействие политики, права и связанной с ним правовой науки сложный процесс, характер которого, как показывает история нашего государства, претерпевал в разное время довольно значительные и весьма поучительные изменения. В период глубоких законодательных реформ и перехода к правовому государству вопрос этот приобретает особую актуальность.

Степень разработанности темы характеризуется следующими источниками: из крупных научных работ девяностых годов прошлого столетия следует назвать «Основы государственной политики борьбы с преступностью в России: теоретическая модель», авторами которых являются профессора А.Я. Сухарев, А.И. Алексеев, М.П. Журавлев.

Из монографий текущего столетия можно выделить книги Г.Ю. Лесникова «Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики)», А.И. Алексеева, В.С. Овчинского, Э.Ф. Побегайло «Российская уголовно-процессуальная политика: преодоление кризиса», Б.Я. Гаврилова «Современная уголовная политика России: цифры и факты», Н.А. Лопашенко «Уголовная политика» и др. Данные работы отличаются неординарностью суждений и отвечают потребностям времени [1].

Государственная политика в сфере борьбы с преступностью (уголовная политика) всегда была одним из приоритетных направлений уголовно-правовых исследований.

Так, по мнению В.Н. Кудрявцева, понятие и содержание юридической политики (в первую очередь уголовной политики) включают в себя:

- определение видов общественных отношений, подлежащих правовому регулированию;
- определение методов правового регулирования соответствующих общественных отношений;
- разработку оптимальных систем организации правотворческой и правоприменительной деятельности;
- планирование основных направлений законодательной и правоприменительной деятельности на текущую и долгосрочную перспективу;
- определение содержания и методов правового воспитания населения и повышение его правовой культуры.

Уголовную политику в теории уголовного и уголовно-процессуального права можно рассматривать с нескольких позиций: как комплекс теоретических знаний, как область практической деятельности государства посредством органов государственной власти.

Уголовная политика как направление науки представляет собой систему доктринальных взглядов, способствующую раскрытию основных понятий и механизмов воздействия в сфере общественных отношений, регулируемых уголовным законодательством, выработке наиболее эффективных стратегий, методик и способов противодействия преступности на основе анализа социальных, экономических, политических и других факторов влияния, выявления причин и условий преступной деятельности, а также путем координирования научных

разработок, направленных на совершенствование отправления уголовного правосудия.

Уголовная политика как область практической деятельности государства – социально обусловленная, основанная на использовании совокупности стратегических и тактических методов и приемов деятельность государства, направленная на устранение причин и условий преступности, предупреждение преступлений, а также защиту человека, общества и государства от преступных посягательств [2].

Уголовно-процессуальная политика в свою очередь представляет более узкую стезю государственной деятельности – деятельность органов государственной власти и должностных лиц по определению приоритетов в правовом регулировании уголовного судопроизводства, созданию эффективного механизма уголовно-процессуального регулирования и его совершенствованию, обеспечению надлежащего выполнения участниками уголовного судопроизводства возложенных на них функций и реализации назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Таким образом, рассмотрев понятие уголовно-процессуальной политики, необходимо отметить, что регулирование общественных отношений в сфере уголовного права осуществляется императивными нормами уголовного законодательства. Если для определения деяния как преступного используются теоретические основы уголовного права при неукоснительном следовании нормам Уголовного кодекса Российской Федерации, то деятельность органов принуждения при этом регламентируется законодательными процессуальными предписаниями, в частности, Уголовно-процессуального кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Помимо этого, существует множество иных законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих процесс уголовно-правового понуждения.

Российская Федерация осуществляет уголовно-процессуальную политику при условии соблюдения не только внутреннего массива законодательства, но и международных норм права, в частности, общих положений о правах и свободах человека, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [3], Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенная в г. Риме 04.11.1950 [4]. В числе специальных международных актов, применительных к отдельным категориям граждан, Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными, принятые в г. Женеве 30.08.1955 и многие другие.

Как и любые другие общественные отношения, уголовно-правовая политика содержит субъектный состав. К субъектному составу необходимо отнести участников уголовно-политической деятельности, которые в различной форме, с различным объемом полномочий и сферой

осуществления деятельности, установленной законом, осуществляют функции предупреждения и устранения преступности. Кроме того, они анализируют существующее положение в государстве, уровень преступности в зависимости от регионов Российской Федерации, а также по видам совершенных преступных деяний.

Субъектный состав уголовно-правовой политики можно условно разделить на несколько видов в зависимости от осуществляемого вида деятельности. Так, существуют органы государственной власти, наделенные властными полномочиями по созданию, формированию и принятию высших нормативно-правовых актов в государстве – Совет Федерации РФ. Именно данный орган, используя аналитические, статистические и иные данные о преступных деяниях, а также рекомендации иных государственных органов принимает уголовный закон и вносит изменения в его положения. В уголовном праве такое участие в уголовно-процессуальной политике государства можно проанализировать криминализацией (декриминализацией) общественно опасных деяний, то есть отнесением общественно опасных деяний в категории преступлений путем его внесения новых статей в Особенную часть Уголовного кодекса и наоборот.

Другой категорией субъектного состава уголовно-процессуальной политики являются органы государственной власти, наделенные полномочиями по применению таких законодательных норм на практике, контролю за соблюдением действующего законодательства, предупреждению преступных проявлений. Такими органами являются прежде всего органы Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности, таможенной службы и другие правоохранительные органы.

Особое место в уголовно-процессуальной политики занимают органы судебной системы РФ, которые непосредственно осуществляют реализацию уголовно-процессуальной политики в части постановления приговора и назначения вида и меры наказания.

Также в числе отдельных участников уголовно-процессуальной политики можно назвать прокуратуру Российской Федерации, которая выступает в роли наблюдателя, то есть осуществляет прокурорский надзор за правильным и точным исполнением законов, а также, в силу статьи 8 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» [5], Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 07.12.2016) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [6] координируют деятельность правоохранительных органов, анализируют показатели преступности в государстве и вырабатывают основные направления борьбы с преступностью.

Некоторые пути решения обозначенных проблем, на наш взгляд, должны сводиться к следующему.

Закон един для всех! Именно на реализацию этого постулата должна быть направлена современная уголовная и уголовно-процессуальная политика.

Необходима чёткая концепция уголовной и уголовно-процессуальной политики, основанная на реализации принципа неотвратимости наказания и применения мер уголовной репрессии к лицу, совершившему преступление. Для современного российского общества необходим механизм общественного контроля за законотворческой и правоприменительной деятельностью. Для этого необходимо построение полноценного гражданского общества «снизу» (как в развитых государствах), а не путём распоряжений по созданию отдельных организационных структур, которые «отвечают за институты гражданского общества», но на деле являются псевдогосударственными структурами с неопределёнными функциями. Начать построение гражданского общества можно на принципах формирования законодательной (и иной выборной) власти на принципах неотвратимости ответственности за принятые решения. Причём не голословно, а путём выработки механизма оценки деятельности и привлечения к ответственности за действия, которые наносят ущерб интересам общества, граждан, государственной безопасности страны, в целом.

Далее, полагаем, что на законодательном уровне необходимо прописать более чёткую иерархию законов. Приоритет должен оставаться за кодифицированным федеральным законом перед некодифицированным. Прописать приоритет возможно в федеральном конституционном законе. Там же следовало бы прописать ответственность судьи, принявшего не соответствующее закону решение и возможность прямого обжалования такого решения в аппарат Верховного суда, а затем и в ЕСПЧ! Отметим – не незаконное, а не соответствующее закону! Так как за незаконное решение итак должен наступать уже другой вид ответственности!

Пути совершенствования уголовно-процессуальной политики.

Несмотря на принятый массив законодательства Российской Федерации для реализации уголовно-процессуальной политики в отношении преступлений в сфере экономической деятельности, на сегодняшний день только принятием нормативно-правовых предписаний достичь значительных результатов по борьбе с преступностью в указанной сфере не представляется возможным.

Для совершенствования уголовно-процессуальной политики необходимо принятие ряда мер:

- обеспечение актуальности уголовного законодательства существующим криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности путем постоянного мониторинга совершаемых общественно опасных деяний для своевременного их включения в статьи Уголовного кодекса РФ и признание тем самым указанных деяний преступлениями,

поддерживать действующее уголовно-процессуальное законодательство в актуальном состоянии, обеспечить отсутствие пробелов в праве и исключить производство следственных и иных видов деятельности по аналогии закона;

- достичь качественного улучшения реального состояния преступности, в первую очередь путем снижения объема и уровня организованной, рецидивной, террористической и насильственной преступности, а также преступности несовершеннолетних посредством внедрения на практике положений Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;

- привести в полное соответствие уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и практики его применения конституционным и международно-правовым стандартам прав человека;

- гарантировать права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, обеспечив их безопасность и создав условия для полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливый суд и компенсацию причиненного преступлением вреда;

- преобразовать систему уголовно-правовых последствий совершения преступлений с учетом необходимости одновременного решения карательных, восстановительных, социальных и иных задач.

К сожалению, на сегодняшний день отсутствует единое представление о том, какая идея или какие идеи выступают базовыми в российском общественном правосознании [7].

Для реализации целей, указанных в предыдущем абзаце, в первую очередь, необходимо выполнить следующие задачи:

1) детализировать критерии отграничения преступлений в сфере экономической деятельности от иных правонарушений, в первую очередь от административных правонарушений дополнительными критериями, кроме суммы ущерба от совершенного правонарушения. Минимизировать объемы усмотрения правоприменителя в решении вопроса об отграничении преступлений от непреступных деяний;

2) конкретизировать содержание и укрепить юридическое значение нормативной категоризации преступлений, посредством которой установить особые правила расследования и судопроизводства для преступлений в сфере экономической деятельности, привлекать в обязательном порядке специалистов в сфере экономики и финансов для проведения соответствующих экспертиз;

3) в соответствии с принципом обеспечения права человека на безопасность совершенствовать систему обстоятельств, исключающих преступность деяний, с целью активизации антикриминальной активности граждан;

4) обеспечить оптимальный баланс карательных, восстановительных и предупредительных средств уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования, комплексное применение которых будет способствовать достижению целей уголовной политики, разработать концепцию совмещения уголовного наказания, ужесточить вид и меру ответственности за преступления в сфере экономики при причинении крупного и особо крупного размера ущерба, исключить при наступлении такого размера ущерба внести в статью 73 УК РФ положения, ограничивающие применение условного осуждения для лиц, совершивших преступление в сфере экономической деятельности в особо крупном размере;

5) согласовать предусмотренную законодательством систему мер уголовно-правового и уголовно-процессуального характера с системой правоограничений и запретов, установленных для лиц, совершивших преступления, в финансовом и налоговом законодательстве, в случае совершения преступлений в сфере экономической деятельности должностными лицами в обязательном порядке применять к субъектам преступления ограничение права занятия определенных должностей в дальнейшем, лишение должностных чинов, рангов, наград и пенсионного обеспечения (перевод на общую систему назначения страховой пенсии);

6) внедрить уголовно-процессуальные конструкции, создающие основу для решения задач обязательной компенсации причиненного ущерба лицами, совершившими преступление в сфере экономической деятельности.

Уголовно-процессуальная политика в реализуется посредством деятельности институтов гражданского общества, правоохранительных органов, а также других государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

Но следует иметь в виду, что возможности уголовного и уголовно-процессуального права в борьбе с преступностью объективно ограниченны. Это объясняется тем, что применение уголовного наказания само по себе не устраняет причин и условий, порождающих правонарушения. Поэтому в борьбе с преступностью особое внимание должно уделяться предупреждению правонарушений, устранению причин и условий, их порождающих, а также осуществлению мер социально-экономического, нравственно-правового и культурно-воспитательного характера. Важную роль при этом играет повышение материального благополучия людей, рост их культурного уровня, повышение нравственного и духовного потенциала общества.

Профилактика и предупреждение преступлений и иных правонарушений - наиболее гуманный, а, следовательно, и самый целесообразный способ борьбы с ними. Они не позволяют допустить того

вреда, который мог бы быть нанесен личности, обществу и государству совершением преступления, обеспечивают возможность с наименьшими издержками положительно влиять на людей, склонных к совершению правонарушений. Поэтому концепция современной уголовной политики должна определять условия, содержание и порядок действий органов публичной власти по обеспечению социальной обоснованного и эффективного законодательства по предупреждению преступности и практики его применения. Корректировка концепции отечественной уголовной политики должна осуществляться с учетом следующих положений [8] .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев А.О. Реализация уголовно-процессуальной политики // Пробелы в российской законодательстве. 2014. № 5. С. 152.
2. Дрыга В.А. Понятие уголовной политики // Российский юридический журнал. 2017 № 3. С. 84. С. 88.
3. Российская газета. 1995. № 67.
4. Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
6. Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.
7. Ветрова О.А. Содержательные свойства современного российского правосознания // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 2(67). С. 25.
8. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. М.: Юстицинформ, 2014. с.68.
9. Ветрова О.А. Судебная система РФ: новеллы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. № 4 (65). С. 30-33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришина Марина Викторовна, специалист по контролю контрактования и соблюдения процедур, АО «Орёлнефтепродукт».

Служебный адрес: 302001, г. Орел, ул. Маяковского, д. 40.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: уголовная ответственность; Уголовный кодекс РФ; преступление; налоговые преступления; ответственность.*

УДК 343.1

Гришина М.В., Дроздова Е.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье отмечается актуальность обсуждаемого вопроса, так как в практической деятельности у следователей и оперативных работников возникает ряд проблем, связанных с условиями правомерности применения необходимой обороны.

Сегодня криминализация общественных отношений, состояние реального сектора отечественной экономики, международные угрозы, создают широкий спектр проблем для личности, общества и государства и, конечно, для национальной безопасности страны [1; 2].

В настоящее время имеются **определенные критерии применения необходимой обороны. 1).** Право на необходимую оборону имеют в равной степени все лица, независимо от их профессиональной и специальной подготовки и служебного положения; **2).** Право на необходимую оборону сохраняется за лицами, независимо от возможности избежать общественно - опасного посягательства (убежать, закрыться в помещении) либо обратиться за помощью к другим лицам (прохожим, соседям, родственникам) или органам власти (например, в полицию). Для большинства лиц необходимая оборона является субъективным правом, в то же время, например, уклонение сотрудником полиции от реализации этого права в случае, когда посягательство создает опасность для другого лица, может повлечь юридическую ответственность. Таким образом, право на необходимую оборону для сотрудников правоохранительных органов в ряде случаев является одновременно и их обязанностью; **3).** Из содержания ст. 37 УК РФ также следует, что право на необходимую оборону включает защиту не только собственных интересов лица, подвергшегося нападению, но и интересов других лиц, общественных и государственных интересов, например, от причинения вреда здоровью третьего лица, от совершения хулиганских действий в общественном месте и пр.

Обратим внимание и отметим признаки необходимой обороны. 1). Необходимая оборона - это, прежде всего, акт человеческого поведения

в виде осознанного и волевого поступка, который выражается в действиях обороняющегося от общественно опасного посягательства; 2). Необходимая оборона внешне сходна с определенным преступным деянием, в связи с чем и возникает вопрос об отграничении поведения человека в таких случаях от конкретного преступления. Такой поступок и соответствующий состав преступления характеризуются одинаковыми признаками субъекта и объекта, а также совпадают по фактическим признакам объективной стороны. Например, причинение тяжкого вреда здоровью нападающего при защите от его преступного посягательства имеет много общего с преступлением, предусмотренным ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; 3) Поведение человека при необходимой обороне является правомерным, что основывается на его соответствии нормам уголовного закона (ст. 37 УК РФ); 4) Необходимая оборона по своему социальному содержанию не является общественно опасным поведением, то есть является общественно полезным, социально приемлемым либо допустимым.

Заметим, что **условия правомерности** необходимой обороны делятся на условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству, и условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите.

Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству:

Посягательство должно быть общественно опасным и предусмотренным особенной частью УК РФ, то есть должно непосредственно причинять либо создавать угрозу немедленного причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Практика показывает, что необходимая оборона чаще всего осуществляется при отражении посягательства на жизнь, здоровье человека, собственность, хотя возможна и при отражении посягательства на иные объекты уголовно - правой охраны.

Необходимая оборона правомерна против незаконных действий, превышающих пределы необходимой обороны, или против мнимой обороны, возможна от преступных посягательств, не являющихся общественно опасными (например, против посягательства со стороны невменяемых либо лиц, достигших установленного законом возраста уголовной ответственности).

Однако неправомерна необходимая оборона против подобных непреступных действий - необходимой обороны, крайней необходимости или против правомерных действий при задержании лица, совершившего преступление.

Не признается находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, которое спровоцировало нападение, чтобы использовать его как

повод для совершения противоправных действий (для причинения вреда здоровью, хулиганских действий, сокрытия другого преступления и т.п.).

Не признается правомерным и такое причинение вреда другому лицу, когда посягательство последнего формально содержит признаки какого-либо преступления, но для причиняющего вред в состоянии необходимой обороны заведомо не представляет общественной опасности в силу малозначительности. Во всех этих случаях лицо, причинившее вред, подлежит ответственности на общих основаниях.

Следующим условием правомерности необходимой обороны является наличность посягательства.

Наличным посягательством признается: а) посягательство, которое начало осуществляться и еще не закончено; б) посягательство не начато, но имеется настолько очевидная угроза его непосредственного осуществления, что было ясно - данное посягательство может немедленно осуществиться. Непринятие предупредительных мер в таких случаях ставит лицо в явную, непосредственную и неотвратимую опасность.

3. Посягательство должно быть действительным (реальным), а не мнимым, то есть существующим в объективной действительности, а не только в воображении защищающегося лица. Признак действительности посягательства отличает необходимую оборону от мнимой обороны. Мнимая оборона - это оборона против воображаемого, кажущегося, но в действительности не существующего посягательства. Юридические последствия мнимой обороны определяются по правилам о фактической ошибке. В соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

В тех случаях, когда лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности.

Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований

полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях.

Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите.

1. При необходимой обороне вред причиняется посягающему, а не третьим лицам. При необходимой обороне вред причиняется личности в виде нарушения телесной неприкосновенности посягающего или других его интересов. Вред выражается в лишении жизни, причинении вреда здоровью, лишении свободы, повреждении или отобрании имущества посягающего.

Определенную сложность на практике представляет вопрос допустимости использования различных приспособлений, животных, предназначенных для предотвращения общественно опасного посягательства.

В п.17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняется, что правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. Если в указанных случаях причиненный посягавшему лицу вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведении в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях.

2. Защита не должна превышать пределов необходимой обороны.

В ч. 2 ст. 37 УК РФ говорится, что превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства. Исходя из смысла ч. 1 ст. 37 УК РФ, при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу. Установление соразмерности причиненного вреда в этом случае не требуется.

В общем вопросе борьбы с преступностью заслуживает внимания и точка зрения А.В. Гришина и О.Г. Селютиной на идею узаконивания в нашей стране доктрины, аналогичной американской, в части пределов применения насилия в целях защиты собственности и жилища [3].

В 2008 г. широкую огласку получила история, когда боксер убил педофила, защищая восьмилетнего сына. Из средств массовой информации известно, что «убийство Александр Кузнецов совершил в новогоднюю ночь в состоянии аффекта, когда увидел, что неизвестный пытается в подъезде изнасиловать его приемного восьмилетнего сына». По словам А. Кузнецова, его ребенок был избит, раздет и находился в обморочном состоянии. Отчим мальчика, в прошлом профессиональный боксер, несколькими ударами убил обидчика. Как выяснилось позднее, это был 20-летний уроженец Узбекистана, студент одного из российских вузов Бахтишод Хайриллаев [3; 4].

Уголовное дело было возбуждено по статье «Причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть человека». Суд счел факт нападения на ребенка смягчающим обстоятельством. Отягчающим обстоятельством было признано наличие у обвиняемого условного срока. Не совсем понятно, в чем заключалось превышение пределов необходимой обороны со стороны боксера [3].

Не случайно в тексте статьи на аналогичную тематику А. В. Гришин и О. Г. Селютина обращают внимание на следующее: «при необходимой обороне, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни не только обороняющегося, но и другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В связи с этим непонятно, почему суд не учел указанные положения УК РФ при вынесении приговора по делу с боксером» [3].

В соответствии с п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» следует отграничивать убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (часть 1 статьи 108 и часть 1 статьи 114 УК РФ) от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) (статья 107 и статья 113 УК РФ), принимая во внимание, что для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны. Кроме того, обязательным признаком преступлений, совершаемых в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного действиями потерпевшего, является причинение вреда под влиянием именно указанного волнения, тогда как для преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, этот признак (наличие аффекта) не обязателен.

Если оборонявшееся лицо превысило пределы необходимой обороны в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), его действия надлежит квалифицировать по части 1 статьи 108 или части 1 статьи 114 УК РФ.

Институт необходимой обороны может активно выполнять свое предназначение при отсутствии для человека, защищающего не только свои, но и чужие (других лиц, общества и государства) интересы, реальной опасности быть привлеченным к уголовной ответственности.

Обратимся к критерию «явное несоответствие». Из ст. 1 УК РФ четко прослеживается: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный кодекс». Следовательно, и критерий «явное несоответствие» должен получить свое развитие именно в УК РФ либо иметь трактовку в законе более высокой юридической силы (в федеральном конституционном законе, Конституции РФ). Без данного критерия должно вытекать единственно верное решение подобной проблемы: если лицо дает либо признательные показания, из которых следует, что оно не действовало в состоянии необходимой обороны, а совершило уголовно наказуемое деяние в ситуации, по внешним признакам похожей на необходимую оборону, либо указанное обстоятельство следует из материалов уголовного дела, то и судить его должны за совершение конкретного преступления, а не за превышение пределов [3].

Другой пример реальной необходимой обороны. Улица, полночь, темный переулок. Гражданин Н. возвращается домой после работы. Навстречу идут двое подвыпивших парней спортивного телосложения и, подойдя к Н., требуют отдать им деньги и мобильный телефон. При этом один из нападавших демонстрирует предмет, похожий на нож. Гражданин Н., защищая свою жизнь, здоровье и имущество, не говоря ни слова, хватает лежавший на асфальте предмет в виде палки и наносит удар одному из грабителей. Куда приходится удар, он не видит – срабатывает элементарный инстинкт самосохранения. Гражданин Н. не имел цели причинить тяжкий вред здоровью либо убить нападавшего. Однако в результате полученной травмы последний скончался [3].

И дело здесь не в предвзятости суда, а в несовершенстве действующего закона. В частности, есть ст. 37 УК РФ, посвященная необходимой обороне, гласящая, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». Защита от

посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т. е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Более того, «не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения». И если понятию «умышленное действие» с точки зрения концепции состава преступления можно дать четкую юридическую формулировку, то что такое «явное несоответствие» – в законе не прописано. Значит, нет и четкого критерия того, когда необходимая оборона перестает быть таковой и переходит в разряд уголовно наказуемого деяния [3].

Более того, практически любые здравые попытки более четко обозначить данный критерий почему-то наталкиваются на усиленное сопротивление. Так, недавно вице-спикер Государственной Думы Игорь Лебедев предложил в очередной раз расширить права россиян на применение оружия, когда кто-то угрожает их жизни. Кроме того, депутаты обсуждают идею узаконивания в нашей стране доктрины, аналогичной американской в части пределов применения насилия в целях защиты собственности и жилища. Предлагается, в частности дать гражданам России право с помощью оружия пресекать любые попытки проникновения в частное жилище. В качестве положительного примера называется как имевшийся в нашей стране опыт до известных событий 1917 г., так и современные наблюдения. В частности, когда в России разрешили хранение дома в целях самообороны охотничьих ружей, количество нападений и попыток вломиться в жилища и на дачи граждан значительно уменьшилось. Боязнь получить пулю остудила прыть даже самых дерзких «отморозков» [3; 4].

На наш взгляд, заслуживает внимания предложение о внесении в федеральное законодательство изменений в части исключения института превышения пределов необходимой обороны: «при этом любой вред, причиненный посягающему в процессе защиты, признавать правомерным. На основании изложенного полагаем, что в УК РФ необходимо законодательно закрепить презумпцию, что к лицу, совершающему (совершившему) преступное посягательство, и (или) при предотвращении такового, а также в случае, когда преступное посягательство окончено и (или) лицо, совершившее деяние, объективно содержащее признаки преступления, доставляется в компетентные государственные органы, могут применяться любые меры, вплоть до причинения вреда, влекущего смерть лица, совершившего преступление» [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветрова О.А. Содержательные свойства современного российского правосознания // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 2 (67). С. 25.

2. Гришин А.В. Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сборник статей / Редкол.: А.В. Гришин [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 40.

3. Гришин А.В., Селютина О.Г. К вопросу о квалификации деяний, направленных на защиту личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства с точки зрения теории правовых презумпций // Образование. Наука. Научные кадры. Москва: Издательство «Юнити-Дана», 2015. № 1. С. 54–57.

4. Рудицкий Р. Не влезай – убьют? // Аргументы и факты. 2014. № 42. С. 5. Цит. по: Гришин А.В., Селютина О.Г. К вопросу о квалификации деяний, направленных на защиту личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства с точки зрения теории правовых презумпций // Образование. Наука. Научные кадры. Москва: Издательство «Юнити-Дана», 2015. № 1. С. 54–57.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гришина Марина Викторовна, специалист по контролю контрактования и соблюдения процедур, АО «Орёлнефтепродукт».

Служебный адрес: 302001, г. Орел, ул. Маяковского, д. 40.

Дроздова Елена Владимировна, мировой судья судебного участка № 1 Железнодорожного района г. Орла.

Служебный адрес: 302006, г. Орел, ул. Московская, д. 159.

***Ключевые слова**: уголовная ответственность; Уголовный кодекс РФ; преступление; необходимая оборона; ответственность.*

УДК 343.1

Гришина Е.Б.

ПРОБЛЕМЫ ДИСКРИМИНАЦИИ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА ПРИРЕАЛИЗАЦИИ ИМИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Статья посвящена проблеме нарушения прав лиц женского пола при обращении в суд. Отказу в удовлетворении ходатайства женщине о рассмотрении ее уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Конституция Российской Федерации признает и гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод как основное неотчуждаемое право человека и закрепляет в числе основополагающих гарантий данного права и в качестве его непременной составляющей право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Положения статьи 19 Конституции Российской Федерации [1], закрепляющие равенство всех перед законом и судом независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе независимо от пола, и наделяющие мужчину и женщину равными правами и свободами и равными возможностями для их реализации, отвечают принципам, провозглашенным Генеральной Ассамблеей ООН 7 ноября 1967 года в Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин [2], и в полной мере соотносятся с положениями принятой в целях осуществления этих принципов Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года [3], в соответствии с которыми недопустимо любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, направленное на ослабление или сводящее на нет признание, пользование или осуществление женщинами прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области на основе равноправия мужчин и женщин; государства обязуются установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации, принимать все соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих уголовных законов, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин.

Вместе с тем, в сложившейся системе уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования в Российской Федерации дифференциация подсудности уголовных дел определенной категории в зависимости от возможности назначения наиболее строгого вида

наказания, до внесения изменений в УПК РФ Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей», допускала дискриминацию лиц женского пола при реализации ими права на судебную защиту [4].

Особую роль в разрешении указанной проблемы занимает Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 года N 6-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь.

В соответствии с Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 года № 6-П гражданка А.С. Лымарь обвинялась в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части второй статьи 105 УК Российской Федерации (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека).

Постановлением судьи Брединского районного суда Челябинской области от 7 августа 2015 года А.С. Лымарь было отказано в удовлетворении ходатайства о рассмотрении ее уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в порядке пункта 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, согласно которому уголовные дела о преступлениях, указанных в пункте 1 части третьей статьи 31 данного Кодекса (за исключением некоторых из них), по ходатайству обвиняемого рассматриваются судьей федерального суда общей юрисдикции и коллегией из двенадцати присяжных заседателей. Сославшись на то, что часть третья статьи 31 УПК Российской Федерации относит уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, к подсудности областных и равных им по уровню судов лишь при наличии возможности назначения обвиняемому наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, которые в силу части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации А.С. Лымарь, как лицу женского пола, назначены быть не могут, судья рассмотрел ее уголовное дело единолично.

Гражданка А.С. Лымарь в своей жалобе оспаривала конституционность пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации.

В Постановлении Конституционный суд указал о признании положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК

Российской Федерации, ими исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе. Федеральному законодателю было предписано внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменения, обеспечивающие женщинам реализацию права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, как это право определено Конституцией Российской Федерации, на основе принципов юридического равенства и равноправия и без какой бы то ни было дискриминации [5].

Впоследствии в порядке реализации предписания Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 года № 6-П в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, обеспечивающие женщинам возможность осуществления права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, как это право определено Конституцией Российской Федерации.

Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» часть вторая статьи 30 УПК Российской Федерации была дополнена пунктом 2.1, предоставившим с 1 июня 2018 года лицам, которые обвиняются в преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105, статьями 277, 295, 317 и 357 УК Российской Федерации, и которым в соответствии с положениями данного Кодекса в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, а также в преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 105 и частью четвертой статьи 111 данного Кодекса, право на рассмотрение их уголовных дел судом первой инстанции в составе судьи районного суда, гарнизонного военного суда и коллегии из шести присяжных заседателей.

Соответственно, с 1 июня 2018 года подсудность уголовных дел о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК РФ, частью пятой статьи 131 УК РФ, частью пятой статьи 132УК РФ, частью шестой статьи 134УК РФ, частью четвертой статьи 210 УК РФ, частью пятой статьи 228.1 УК РФ, частью четвертой статьи 229.1 УК РФ, статьей 277 УК РФ, частью третьей статьи 281 УК РФ, статьями 295 УК РФ, 317 УК РФ и 357 УК РФ, за исключением уголовных дел, по которым в соответствии с положениями УК РФ в качестве наиболее строгого вида

наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, определяется в зависимости от такого условия, как возможность (невозможность) назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы: уголовное дело по обвинению женщины в совершении какого-либо из указанных преступлений (без соучастия с мужчиной) подсудно районному суду, а по обвинению мужчины - верховному суду республики, краевому, областному или другому равному им по уровню суду.

Вместе с тем, полагаем, что вышеуказанные изменения УПК РФ в полной мере не разрешили проблему дискриминации прав женщин, поскольку уголовные дела по обвинению женщины в любом из преступлений, в качестве санкции за совершение которых соответствующей статьей УК РФ предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, должны рассматриваться верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом, как и в случаи рассмотрения аналогичных уголовных дел по обвинению мужчины [6].

Таким образом, следует отметить, что современное уголовно-процессуальное законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании с целью неукоснительной реализации принципов юридического равенства и равноправия, и исключения любого рода дискриминаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС Консультант Плюс.

2. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин (Принята 07.11.1967 Резолюцией 2263 (XXII) на 1597-ом пленарном заседании 22-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС Консультант Плюс.

3. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Заключена 18.12.1979) // СПС Консультант Плюс.

4. Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // СПС Консультант Плюс.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 года № 6-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь // СПС Консультант Плюс.

6. Гришина Е.Б. Проблемы формирования показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2008. № 10-1. С. 88-92.

7. Гришина Е.Б. Особенности допроса свидетеля в уголовном процессе // Научный вестник МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. № 3 (64). С. 36-39.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Елена Борисовна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *дискриминация, судебная защита, конституционные права.*

УДК 343.1

Диденко Н.С., Джелали Т.И.

К ВОПРОСУ ЗНАЧИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу значимости введения мер пресечения альтернативных заключению под стражу.

В целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также их защиты перед органами уголовного судопроизводства стоит важная задача, которая заключается в своевременном реагировании на нарушения уголовно-процессуального законодательства и предупреждения их в будущем. Для этого органам уголовного судопроизводства предоставлены специальные средства, такие как меры уголовно-процессуального принуждения, которые призваны обеспечить нормальное осуществление уголовно-процессуальной деятельности, надлежащее выполнение задач уголовного судопроизводства [11]. Иными словами, меры принуждения в уголовном процессе представляют собой меры ограничивающего или запрещающего характера, которые посягают на нормальное функционирование основных прав и свобод личности, применяемые в соответствии с основаниями, указанными в законе, специально уполномоченными на то лицами.

Из сказанного следует, что сущность мер уголовно-процессуального принуждения связана с порядком судопроизводства и с надлежащим исполнением участников судопроизводства процессуальных обязанностей, установленными уголовно процессуальным законом. В случае неисполнения этих обязанностей необходимо и целесообразно применить меры процессуального принуждения в превентивном и пресекательном порядке, а также применить меры ответственности.

Всем известно, что заключение под стражу является одной из самых радикальной из всех мер пресечения, предусмотренных УПК РФ [1]. В результате ее применения лица, привлекаемые к уголовной ответственности, лишаются свободы и не в состоянии скрыться от следствия или суда. Для субъектов, осуществляющих расследование, такие лица находятся, что называется, «под рукой», что, безусловно, очень «выгодно» [2].

Однако установлен ряд негативных последствий избрания этой меры пресечения:

Применение этой меры пресечения в ряде случаев (и как показывает статистика, достаточно часто) не вызывалось необходимостью. Генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка в ежегодном докладе в Совете Федерации отметил, что ежегодно 40-45% заключенных под стражу оказываются оправданными, из них впоследствии около 35 % обращаются в судебные инстанции для возмещения морального вреда. Известно, что Европейский суд по правам человека присуждает немалые суммы компенсаций в пользу лиц, незаконно и необоснованно содержащихся под стражей в российских ИВС и СИЗО.

- Заключенные под стражу чаще подвержены инфекционным и другим заболеваниям и даже умирают в стенах ИВС и СИЗО, не дождавшись приговора суда, что является фактом грубого нарушения прав человека. Более того, в юридической литературе отмечаются факты негуманного содержания заключенных: побои, унижение.

- Пагубно отражается заключение под стражу на несовершеннолетних, усваивающих традиции и привычки преступного мира.

- Частыми являются случаи изменения показаний содержащихся под стражей, а то и сговор, если под стражей находятся соучастники преступления.

- И наконец, финансирование мест содержания под стражей огромным бременем ложится на федеральный бюджет.

Таким образом, общество и государство в прямом и переносном смысле платят слишком высокую цену за последствия применения этой меры пресечения [3].

Но, несомненно, для некоторых категорий лиц, представляющих особую опасность для окружающих, заключение под стражу единственно

возможная мера обеспечения национальной безопасности. Да и как показывает практика, в ряде случаев сразу невозможно избрать более мягкую меру пресечения, вследствие недостаточности информации о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, возникающих сложностях при квалификации преступного деяния и т.д. [4].

Между тем, исходя из смысла положений ч. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый задержанный или заключенный под стражу имеет право на освобождение до суда [5]. Речь идет также о принципе презумпции невиновности. Право находиться на свободе при соблюдении определенных обязательств предусматривается конституциями ряда стран мира.

Заключение под стражу в Российской Федерации происходит на основании решения суда. До вынесения судебного решения о применении высшей меры пресечения – заключения под стражу, как считает Генпрокурор РФ Ю.Я. Чайка и другие правоведы, необходимо использовать иные меры пресечения [6].

В УПК РФ, кроме заключения под стражу, содержатся другие меры пресечения: подписка о невыезде, залог, домашний арест, личное поручительство [1]. Однако не все более мягкие меры пресечения, содержащиеся в УПК РФ, могут претендовать на роль именно альтернативных мер пресечения.

В настоящей работе рассматривается проблема назначения мер пресечения, являющихся альтернативными по отношению к заключению под стражу.

Под словом «альтернатива» в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова понимается необходимость выбора одного из двух единственно возможных решений [7].

В части 71 ст. 108 УПК РФ установлена возможность избрания меры пресечения в виде залога или домашнего ареста вместо заключения под стражу при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ [1].

В то же время следует иметь в виду характер и объем правоограничений, устанавливаемых при избрании альтернативной меры пресечения.

Известно, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу сопровождается таким объемом и характером правоограничений, которые при применении других мер пресечения не возникают.

Если применение какой-либо меры пресечения, не являющейся заключением под стражу, может привести к такому же или аналогичному количеству правоограничений, какие имеют место при применении заключения под стражу, только в этом случае, можно говорить об альтернативных мерах пресечения. При этом, чтобы привлекаемое к уголовной ответственности лицо не лишалось свободы, а могло бы быть

ограничено в свободе, альтернативные меры пресечения должны быть усовершенствованы в таком направлении, чтобы по своему характеру и объему правоограничения, эти меры пресечения приближались бы к правоограничениям, устанавливаемым при заключении под стражу. Ряд адвокатов, судей, делясь опытом в своих работах, касаясь совершенствования имеющихся мер пресечения, предлагают комбинирование мер пресечения, например залог и домашний арест, распространенные в практики юрисдикции США [8].

Стоит сказать о том, что еще в 2012 году Европейский суд по правам человека сетовал на то, что в России «…ни залог, ни домашний арест так и не стали реальной альтернативой для обвиняемых». Правовой анализ и поиск в данном направлении позволили найти оптимальные решения.

В апреле 2018 года были внесены изменения в уголовно процессуальное законодательство Российской Федерации, а именно статья 105.1 – «**Запрет определенных действий**».

Суд сможет назначать запрет на следующие конкретные действия:

- на выход из дома в определённое время;
- посещение некоторых мероприятий;
- общение с определёнными людьми;
- пользование интернетом или другими средствами связи;
- управление автомобилем.

Установленные запреты могут использоваться как отдельно от других мер пресечения, так и в совокупности с ними в любой момент производства по уголовному делу.

Представляется, что введение данных изменений безусловно позитивно повлияет на порядок соблюдения прав человека, повышения эффективности уголовного преследования, сокращения репутационных потерь, связанных с жалобами россиян в Европейский суд по правам человека.

Предложена такая новая правоограничительная мера пресечения как электронное наблюдение. Электронное наблюдение может применяться как самостоятельно, так и с другими мерами пресечения, например с домашним арестом.

Электронное наблюдение включает в себя принудительное закрепление на какой-либо части тела гражданина, привлекаемого к уголовной ответственности, электронных браслетов и осуществление контроля за их применением. В настоящее время в Российской Федерации идет эксперимент по внедрению электронного наблюдения в отношении осужденных. Не исключается целесообразность электронного наблюдения в отношении подозреваемых и обвиняемых в качестве меры пресечения.

В юридической литературе отмечается что «научно-техническая революция создала возможность еще одной альтернативы заключению под стражу до суда - обвиняемого обязывают постоянно быть на «электронной

привязи», то есть носить на себе электронное устройство, которое передает сигнал в полицию о местонахождении лица в каждый данный момент времени, и если с устройством манипулируют, оно передает сигнал в полицию о том, что обвиняемый, возможно, пытается скрыться от правосудия» [10].

Как представляется, одновременное применение нескольких мер пресечения и тем более электронного наблюдения может выступить реальной альтернативой заключению под стражу.

Таким образом, введение новых мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, могло бы в большей степени реализовать поставленные перед УПК РФ задачи - обеспечить охрану прав и свобод лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и сократить издержки, возникающие при применении мер процессуального принуждения.

По результатам проведенного нами исследования правового регулирования заключения под стражу в качестве меры пресечения сделаны следующие выводы.

Заключение под стражу является мерой пресечения, применяемой на основании судебного решения в отношении обвиняемого (в исключительных случаях подозреваемого) и заключается в изоляции лица и помещении его в специально предназначенное для этого учреждение в предусмотренном законом порядке.

Согласно ст. 105.1 УПК РФ, суд теперь может устанавливать иные меры пресечения. В частности, суд может запретить обвиняемому или подозреваемому в определённые периоды времени: покидать помещение, в котором он проживает, общаться с определёнными лицами, пользоваться интернетом или мобильными средствами связи, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, управлять автомобилем или другим транспортом, если совершённое преступление связано с нарушением ПДД. Между тем подозреваемый или обвиняемый может пользоваться телефоном для вызова скорой помощи, полиции, аварийно-спасательных служб во время чрезвычайных ситуаций, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем или следователем. Возникает закономерный вопрос, каким образом будет осуществляться контроль за соблюдением данных ограничений. Для обеспечения исполнения меры в некоторых случаях на подозреваемых будут надеваться электронные браслеты. Законом оговариваются предельные сроки применения новой меры пресечения: по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести он составит 12 месяцев, тяжких преступлениях – 24 месяцев, особо тяжких – 36 месяцев.

Данная мера пресечения будет способствовать расширению практики альтернативных мер вместо заключения под стражу. Ведущий юрист Европейской юридической службы А.Ю. Спиридонов указывает, что «Положительный эффект от введения этой меры связан с тем, что

снижаются расходы государства на содержание лиц под стражей. К тому же, если выяснится, что лицо, в отношении которого возбуждено дело или предъявлено обвинение, не виновно, то размер компенсации морального вреда за привлечение к ответственности будет существенно ниже».

Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения являются неотъемлемой частью хода предварительного расследования и судебного разбирательства на современном этапе развития общества. Они признаны обеспечить организацию определенной модели надлежащего поведения обвиняемого, независимо от характера и объема применяемых мер. Однако, на современном этапе развития общества и государства, а также учитывая опыт зарубежных стран, хотелось бы сказать о том, что несмотря на вводимые изменения все равно остается большое количество проблемных вопросов касающихся применения мер пресечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018).
2. Карцева И.И. К вопросу о классификации оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Общество и право. 2008. № 3.
3. Семенюк В.И. Некоторые вопросы обеспечения прав человека в условиях следственного изолятора // Актуальные проблемы и перспективы развития следственных изоляторов в России: сб. Материалы международной научно-практической конференции / Под общ. ред. В.И. Семенюка. М., 2007. С. 14.
4. Метельский П.С. Спорные вопросы в практике применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс. 2010. № 6.
5. Меморандум Комитета министров Совета Европы от 12.02.2007. Содержание под стражей в Российской Федерации: меры по исполнению постановлений Европейского Суда по правам человека // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 5.
6. О развитии органов прокуратуры / Ю.Я. Чайка; Материал подготовила Л. Григорьева // Адвокат. 2016. № 7. С. 39-41. (Журнальный вариант выступления Генерального прокурора в Совете Федерации.)
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953. С. 17.
8. Морева Е.Ю. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе // Новый юридический вестник. 2017. № 2. С. 50-53.

9. Руднев В.И. О необходимости разработки новых мер пресечения альтернативных заключению под стражу // Журнал российского права. 2009. № 6.

10. Цискаришвили В.А., Рачеева С.В. Правовое регулирование института судебного ареста // Дела судебные. Адвокаты делятся опытом. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. А.Д. Бойков. М., 2004. С. 151-152.

11. Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 90-97.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Диденко Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, врио начальника кафедры уголовного процесса, ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

Служебный адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Джелали Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

Служебный адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

Ключевые слова*: мера пресечения, меры уголовно-процессуального принуждения, заключение под стражу, УПК РФ.*

УДК 343.1

Ермакова А.Л., Гришин А.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу реализации уголовно-процессуальной политики судами Российской Федерации.

Одного только анализа статистических данных для характеристики уголовно-процессуальной политики РФ недостаточно. Для описания реализации политики и ее основных направлений необходимо также проанализировать судебную практику по преступлениям, совершенным в сфере экономической деятельности.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2015 год осуждено 4 225 лиц по статьям главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», что

составляет 0,9 % от общего количества осужденных. Из общего числа, назначено по видам наказаний удельный вес приходится на наказания в виде лишения свободы – 734 приговора, назначение уголовного штрафа – 785 приговоров, условное осуждение к лишению свободы – 684 приговора.

Исходя из показанной статистики, судами чаще всего при постановлении приговора и назначении наказания применяется лишение свободы и штрафы. Однако, стоит заметить, что условное осуждение также является преимущественным видом наказания, и часто используется при постановлении приговора ввиду положений статьи 73 УК РФ, которая позволяет применять такие привилегии для лиц, осужденных менее чем на 8 лет лишения свободы. Представляется, что для преступлений в сфере экономической деятельности такой подход не служит положительной чертой уголовно-процессуальной политики РФ в указанной сфере, ввиду того, что позволяет избежать реального отбывания наказания даже за преступления, квалифицированные по признаку крупного и особо крупного размера причиненного ущерба.

К примеру, Апелляционным определением Верховного суда Чувашской Республики от 03.10.2017 по делу N 22-2203/2017м [1] рассмотрена апелляционная жалоба защитника по уголовному делу.

Х. и А. осуждены за осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации и без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере (п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ), и за три факта создания юридических лиц через подставных лиц, совершенные группой лиц по предварительному сговору (п. «б» ч. 2. ст. 173.1 УК РФ).

Оба подсудимых признаны виновными в совершении преступлений в совокупности и приговорены к 3 годам 6 месяцам лишения свободы каждый, с учетом статьи 73 УК РФ – к условному осуждению сроком на 4 года. Из материалов дела усматривается, что в результате деятельности осужденные незаконно извлекли доход в особо крупном размере на общую сумму не менее 13 894 727,73 руб.

Апелляционный суд указывая на правильность постановления приговора в суде первой инстанции обратил внимание на то, что к осужденным не применен акт амнистии согласно Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 года N 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Таким образом, осужденные Х. и А. апелляционным определением освобождены от отбывания наказания и с них снята судимость.

Анализируя данное определение можно сделать вывод о неисполнении принципа одного из основополагающих принципах

уголовного права – соразмерности наказания совершенному преступлению и наказуемости преступного деяния.

Также можно привести следующий пример: Басманный районный суд города Москвы вынес приговор по уголовному делу № 1-149/2014 в отношении Н., М., Е., обвиняемых в совершении организованной группой тяжких преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 187, ч. 2 ст. 187, ч. 2 ст. 187, ч. 2 ст. 187, ч. 2 ст. 187, ч. 2 ст. 187, ч. 2 ст. 187, ч. 2 ст. 187 УК РФ: считать условным наказание, назначенное каждому в виде лишения свободы; по уголовному делу № 1-243/15 в отношении Е., обвиняемого в тяжком преступлении, предусмотренном п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ: считать условным назначенное наказание в виде лишения свободы [2].

Корректировка карательной политики осуществляется также путем амнистии, помилования, что служит достижению целей экономии уголовной репрессии, однако может привести к снижению эффективности уголовно-процессуальной политики государства. Амнистия распространяется на относительно широкий круг лиц и не связана с субъективностью оценки деяния и лица, его совершившего.

Отдельно следует вспомнить о некоторых юридических и организационных проблемах наложения ареста на имущество в уголовном процессе и процессуальный порядок его осуществления [8].

В работах, в которых в той или иной степени исследуется наложение ареста на имущество, внимание также акцентируется преимущественно на целевом назначении данной процессуальной меры и практических аспектах ее применения [3].

В Модельном УПК РФ была предпринята попытка сформулировать основания для наложения ареста на имущество в самостоятельной статье. Так, в ст. 274 этого Кодекса они определялись следующим образом: «Наложение ареста, на имущество может применяться органами, ведущими уголовный процесс, лишь в том случае, когда собранные по уголовному делу материалы дают достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый или другое лицо, у которого находится имущество, могут скрыть, испортить или издержать имущество, на которое может быть обращено взыскание. Не может налагаться арест на имущество, если не предъявлен подлежащий обеспечению гражданский иск, и за совершение приписываемого подозреваемому или обвиняемому преступления не может быть назначено наказание в виде; конфискации имущества» [4]. В целом подобное определение оснований для наложения ареста на имущество можно признать удачным.

Вместе с тем здесь не учтены ситуации, которые имеют или могут иметь место в рамках имущественных правоотношений в уголовном процессе.

Согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ арест на имущество налагается для обеспечения не только гражданского иска, но и других видов имущественных взысканий.

Поэтому данное нормативное предписание, включенное в ст. 115 УПК РФ, несомненно, является законодательной новеллой.

К иным имущественным взысканиям могут быть отнесены процессуальные (судебные) издержки, денежное взыскание, которому участники процесса подвергнуты судом за ненадлежащее выполнение процессуальных обязанностей (ст. 117-118 УПК РФ), штраф в качестве возможного уголовного наказания и др. [6] С формально юридических позиций исполнение решений суда в этой части потенциально должно обеспечиваться еще в стадии предварительного расследования.

Для реализации положений ч. 1 ст. 115 УПК РФ о наложении ареста на имущество в обеспечение исполнения приговора в части названных видов имущественных взысканий дознавателю, следователю в ходе расследования преступления необходимо устанавливать данные, указывающие на возможный объем расходов, связанных с производством по уголовному делу, которые взыскиваются с осужденных. При этом надлежит руководствоваться предписаниями ст. 131-132 УПК РФ.

При наложении судом денежного взыскания в порядке ст. 117-118 УПК РФ арест имущества гипотетически может выступать как мера, обеспечивающая фактическое взыскание с лица соответствующей суммы, верхний предел которой установлен для отдельных участников уголовного процесса в сто минимальных размеров оплаты труда (ст. 103 УПК РФ).

В уголовно-процессуальной теории этот вопрос в самом общем виде обсуждался Ф.Н. Багаутдиновым. Им отмечено, что поскольку закон разрешает арест имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих материальную ответственность за их действия, то наложение ареста на имущество в целях обеспечения исполнения приговора суда в части имущественных взысканий, предусмотренных ст. 117 УПК РФ, возможно только в отношении указанных выше лиц.

Однако, денежное взыскание в порядке ст. 117-118 УПК РФ, по нашему мнению, не может налагаться на подозреваемого, обвиняемого, что исключает и арест имущества этих лиц в целях обеспечения возможных денежных взысканий [5].

В правовой литературе обсуждалась проблема обеспечения реального возмещения ущерба по уголовным делам о преступлениях, когда для устранения возможности заинтересованным лицам скрыть или реализовать имущество необходимо срочно наложить на него арест, а достаточные данные для предъявления обвинения таким лицам, их задержания или избрания в отношении них меры пресечения отсутствуют. Предлагалось в этой связи предоставить следователю право в исключительных случаях производить розыск и наложение ареста на

имущество до предъявления обвинения лицам, в отношении которых добыты достаточные сведения, дающие основания подозревать их в совершении преступления [7]. Подобное предложение оказалось реализованным в действующем уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 1 ст. 115 УПК РФ).

Кроме того, судебная практика демонстрирует крайнюю неоднородность применения видов и размеров наказания к одинаковым по квалификации преступлениям.

Исключением, пожалуй, можно считать осуждение лиц по статье 186 УК РФ, за совершение преступных деяний в виде изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг. В данном случае практически всеми судами при постановлении приговора назначается наказание в виде реального лишения свободы без применения правил статьи 73 УК РФ. Различия в приговорах чаще всего отражаются сроками лишения свободы и видом исправительного учреждения в зависимости от размера причиненного таким преступлением ущерба.

Так, Московским городским судом по делу № 10-14473/15 рассмотрена апелляционная жалоба осужденного К. на приговор Таганского районного суда г. Москвы от 26 октября 2015 года.

Приговором суда К. признан виновным в совершении изготовления в целях сбыта поддельной иностранной валюты, а также хранении, перевозке в целях сбыта и сбыте заведомо поддельной иностранной валюты, в крупном размере, осужден по ч. 2. ст. 186 УК РФ к 5 годам лишения свободы. С учетом прежней судимости К. по совокупности приговоров назначено наказание в виде 6 лет лишения свободы, с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

К. просил суд апелляционной инстанции смягчения приговора и замены его с учетов статьи 73 к условному осуждению. В подтверждение слов приводил смягчающие обстоятельства: несовершеннолетние дети на иждивении, сотрудничество со следствием, раскаяние.

Вынося определение об оставлении апелляционной жалобы без удовлетворения суд постановил, что назначенное осужденному К. наказание соответствует требованиям закона, в том числе о его справедливости, чрезмерно суровым не является, оснований к его смягчению, применению ст. 64, 73 УК РФ, судебная коллегия не усматривает.

Таким образом, проанализировав судебную практику назначения наказания лицам за совершенные преступления, предусмотренные Главой 22 УК РФ, можно заключить, что судебная практика в Российской Федерации достаточно неоднородна. В большинстве случаев назначения меры наказания используется статья 73 УК РФ и реальное отбывание наказания заменяется условным, что во многих случаях не соответствует совершенным деяниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. URL https://www.consultant.ru.
2. Москаева Н.Н. Пенализация преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Казанстkого юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 72.
3. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений. М., 2002. С. 100-111.
4. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ. С. 221.
5. Багаутдинов Ф.Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Российский следователь. 2002. № 10. С. 5.
6. Ласточкина С.Г., Хохлова Н.Н. Сборник постановлений Пленумов Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам. М., 2003. С. 75.
7. Газетдинов Н.И. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба. М., 2001. С. 51-52.
8. Ермакова А.Л., Гришин А.В. Некоторые юридические и организационные проблемы наложения ареста на имущество в уголовном процессе и процессуальный порядок его осуществления // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства: сборник статей / Редкол.: А.В. Гришин [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. С.70-78.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермакова Алина Леонидовна, курсант 401 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: политика, уголовно-процессуальная политика, уголовный закон, УПК РФ, суд.*

УДК 343.1

Жиляева С.К., Садертдинова И.И.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С ПОДРАЗДЕЛЕНИЕМ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена формам взаимодействия участкового уполномоченного полиции с подразделением по делам несовершеннолетних по снижению общего уровня преступности, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних.

Сегодня, удельный вес преступности несовершеннолетних составляет 11 %, что в 2,5 раза больше удельного веса самих несовершеннолетних в структуре населения страны. Ежегодно в стране выявляется более 300 тыс. преступных деяний несовершеннолетних. При этом около 100 тыс. из них совершается подростками, не достигшими возраста уголовной ответственности, 25 % – лишаются свободы, 75 % – осуждаются условно [1].

Проблема подростковой преступности становится все более актуальной проблемой, привлекающей острое внимание граждан, общества и государства. В свою очередь, государство в лице своих органов реализует деятельность по профилактике, предупреждению и борьбе с противоправной деятельностью несовершеннолетних лиц. Одним из государственных органов, занимающимся данным вопросом являются ОВД.

Согласно статье 20 Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2], на органы внутренних дел возложена комплексная обязанность, в рамках своих полномочий, по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. В основном данное положение касается подразделений полиции, осуществляющих охрану общественного порядка. Именно на ОВД возлагается ответственность за динамику детской преступности и административных правонарушений несовершеннолетних. Под системой профилактики понимается широкий комплекс органов и учреждений, их деятельность по предупреждению и профилактике правонарушений несовершеннолетних, включающую не только пресечение и отправление правосудия в отношении подростков, но и анализ уровня детской преступности, психологическое, нравственное, морально-эстетическое воспитание несовершеннолетних, а также их социальная реабилитация. Профилактика противоправных деяний осуществляется профилирующими органами и учреждениями по работе с несовершеннолетними.

Реализуя свои служебные задачи, инспектор по делам несовершеннолетних (далее ПДН) осуществляет взаимодействие с сотрудниками различных подразделений органов внутренних дел, но в первую очередь с участковым уполномоченным полиции (далее УУП). Так как именно в лице участкового граждане видят всю полицию, потому что он является тем сотрудником, к которому граждане обращаются за защитой своих прав и свобод. И это неслучайно, ведь во главе его деятельности стоят такие задачи, как охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, борьба с преступностью на своем административном участке. Поэтому участковый уполномоченный полиции стоит на первом месте по выгодности взаимодействия, в том числе и для инспекторов ПДН. Подтверждается это обширным кругом обязанностей участкового [3].

В настоящее время вся деятельность УУП регламентирована как федеральными законами, так и ведомственными нормативными правовыми актами, согласно которым участковые уполномоченные полиции должны принимать участие в рамках своей компетенции в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории административного участка [4].

Так, участковый, предупреждая и пресекая преступления и административные правонарушения, обязан выявлять организаторов, содержателей притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ, занятия проституцией, а также лиц, которые вовлекают несовершеннолетних в совершение противоправных деяний и иных антиобщественных действий, в том числе в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством. УУП должен принимать все возможные меры к ним, в пределах предусмотренных законодательством [5].

Взаимодействие с ПДН участковый осуществляет в процессе выявления родителей или лиц, их заменяющих, которые не исполняют, либо ненадлежащим образом исполняют свои обязанности по воспитанию и обучению детей, а также работников образовательных, воспитательных, лечебных либо иных учреждений, которые нарушают права и законные интересы несовершеннолетних, совершающих в отношении их противоправные действия. Таким образом, участковый уполномоченный полиции способствует в выявлении подростков, живущих в несоответствующих условиях, а также родителей и иных законных представителей, которые оказывают отрицательное воздействие на лиц, не достигших 18 лет. В таком случае в Приказе МВД России № 1166 от 31 декабря 2012 года установлена прямая обязанность участкового сообщать о данных фактах сотрудникам подразделений ОВД по делам несовершеннолетних.

В пункте 12 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции» установлена обязанность участкового уполномоченного по взаимодействию с ПДН, в розыске несовершеннолетних лиц, самовольно покинувших семьи или специализированные учреждения для несовершеннолетних, которые нуждающихся в социальной реабилитации, специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органа управления образованием.

УУП осуществляя индивидуальную профилактику правонарушений с лицами, состоящими на профилактическом учете, должен уделять особое внимание несовершеннолетним правонарушителям, состоящими на учете в ПДН. Это положение полностью реализуется в процессе непосредственного взаимодействия инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних. В России производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних отличается сложностью для дознавателя, следователя, прокурора и суда, которая обусловлена наличием расширенного предмета доказывания и других дополнительных процессуальных гарантий обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, а также особенностями тактики производства процессуальных действий, связанных с психологическими особенностями несовершеннолетних [6].

Участковый в процессе своей компетенции обязан документировать отдельные аспекты своей работы с несовершеннолетними, что также имеет важное значение для последующей работы с несовершеннолетними лицами инспекторов ПДН. Например, УУП несет обязательство по ведению учета несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, с обязательными отметками в паспорте на административный участок [7].

Рассмотрев некоторые направления взаимодействия УУП и ПДН, можно выделить конкретные формы их взаимодействия, а именно:

- совместный анализ и оценка оперативной обстановки, характеризующие состояние безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на обслуживаемом административном участке;
- совместное планирование и разработка мероприятий по комплексному использованию сил и средств, в разработке и проведении профилактических мероприятий, рейдов, систематического обхода совместно с участковым его административного участка и участия в операциях типа «Забота», «Подросток-игла», «Семья», «Полиция и дети», «Лидер», «Внимание, дети», «Мак» и др.;
- совместное проведение совещаний, подготовка различных документов и обязательное информирование;
- совместная обработка информации, проведение бесед с общественностью, направленных на разъяснение прав и обязанностей несовершеннолетних, родителей и законных представителей;

- совместная работа по индивидуальной профилактике правонарушений с несовершеннолетними;

- оказание взаимной помощи путем выполнения взаимных заданий, поручений, поддержки имеющимися силами и средствами при решении конкретных оперативно-служебных задач, обмена передовым опытом работы, совместной учебы, информирования друг друга по вопросам, представляющим обоюдный интерес и другие [8].

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что в процессе взаимодействия участкового уполномоченного полиции с подразделением по делам несовершеннолетних реализация возложенных на них задач происходит более оперативно и качественно, а также непосредственно влияет на снижение общего уровня преступности, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резник Ж.Я., Товарнова М.О. Причины преступности несовершеннолетних и проблемы их социальной адаптации // Ведомости УИС. 2011. № 1. С. 16–20.

2. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3. Приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. №1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

5. Гришин А.В. Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Сборник статей «Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства» по материалам регионального круглого стола и всероссийской заочной научно-практической конференции. 2017. С. 117.

6. Ветрова О.А. Особенности современной российской модели ювенального уголовного судопроизводства // «Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» Сборник материалов Всероссийской конференции. 2015. С. 98-105.

7. Жиляева С.К. Теоретические подходы к изучению проблемы беспризорности. // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 2 (71). С. 44.

8. Федяев Е.А. Взаимодействие инспектора подразделения по делам несовершеннолетних с участковым уполномоченным полиции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-2. С. 28-30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жиляева Светлана Константиновна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры ГПиЭД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Садертдинова Ильмира Инзифовна, курсант 404 учебной группы, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: преступность несовершеннолетних, участковый уполномоченный полиции, безнадзорность, беспризорность.*

УДК 343.1

Журавлева Н.М.

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕГО УПРОЩЕНИЯ

Появление в отечественном уголовном судопроизводстве сокращенного дознания вызвало немало дискуссий среди ученых-правоведов и правоприменителей о достижении процессуальной экономии при применении данной уголовно-процессуальной формы. На основе анализа действующего законодательства и практики применения автор предлагает возможные пути сокращения сроков предварительного расследования при применении упрощенного дознания посредством облегчения процессуального порядка производства по уголовному делу.

С момента вступления в силу федерального закона № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», прошло уже более пять лет. В связи с чем введенная

указанным нормативно-правовым актом упрощенная уголовно-процессуальная форма предварительного расследования – дознание в сокращенной форме в определенной мере прошла свою апробацию.

Определить процесс адаптации упрощенного дознания на территории Российской Федерации в период с момента законодательного закрепления по настоящее время возможно посредством анализа статистических данных ГИАЦ МВД России. Так, согласно сведениям сводного отчета за 2015 г. в производстве у дознавателей находилось 1281186 уголовных дел, из которых 62416 дел расследовалось с применением дознания в сокращенной форме. В свою очередь в указанный период времени окончено и направлено суд дознавателями органов внутренних дел 365128 уголовных дел, из которых 57142 окончено с применением положений главы 32.1 УПК РФ [1]. За аналогичный период 2016 г. в производстве у должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания, находилось в производстве 1340994 уголовных дел, из них по 97499 делам применялось упрощенная форма дознания. По результатам расследования уголовных дел дознавателями органов внутренних дел окончено и направлено в суд 409071 дело, из них по 90103 уголовным делам утверждено обвинительное постановление [2]. Кроме того, за 12 месяцев 2017 г. в производстве у должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания, находилось 1210783 уголовных дела, из них по 106871 делу удовлетворены ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме. По результатам работы дознавателей за 2017 г. окончено и направлено в суд 384514 уголовных дел, из которых по 99081 делу утверждено обвинительное постановление [3]. В течение двух месяцев текущего года в производстве дознавателей находилось 263953 уголовных дела, из которых 35944 дела расследовались с применением упрощенной уголовно-процессуальной формы. За указанный период 2018 г. сотрудниками органов дознания окончено и направлено в суд 63917 уголовных дел, из которых по 16337 делам прокурором утверждено обвинительное постановление [4; 5]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что с момента появления сокращенного дознания указанная уголовно-процессуальная форма при производстве предварительного расследования по уголовным делам применялась крайне редко. Начиная с 2015 г. прослеживается увеличение количества дел, расследуемых с применением положений главы 32.1 УПК РФ. На сегодняшний день показатели работы сотрудников органов дознания свидетельствуют о том, что свыше 25-26 % уголовных дел от общего числа направленных в суд оканчиваются утверждением обвинительного постановления. Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о возрастающем значении института дознания в сокращенной форме.

Анализ практики применения положений главы 32.1 УПК РФ показал, что общий срок дознания по уголовным делам, расследуемым в форме сокращенного дознания, мало отличается от предусмотренных ч. 3 ст. 223 УПК РФ. Это связано с тем, что первый допрос подозреваемого по уголовному делу производится не всегда в первые сутки, на практике встречаются случаи заявления ходатайства о применении упрощенной уголовно-процессуальной формы по истечении 10 и более суток дознания. Решение указанного вопроса нам представляется во внесении в действующее законодательство изменений, касающихся закрепления в положениях главы 32.1 УПК РФ допустимого предела временного ограничения первого допроса подозреваемого тремя сутками со дня возбуждения уголовного дела.

Согласно положениям ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель по своему усмотрению вправе не допрашивать лиц, объяснения которых были получены в соответствии с действующим законодательством в ходе проведения доследственной проверки, за исключением конкретных случаев, предусмотренных законодателем в п. 2 ч. 3 указанной нормы. Не исключено, что в ходе производства предварительного расследования по делу с применением упрощенной уголовно-процессуальной формы возникают ситуации, когда при опросе полученные пояснения содержат существенные противоречия, устранение которых требует проведения очных ставок. Согласно действующему законодательству описанные обстоятельства влекут за собой производство допросов с последующим проведением очной ставки, что требует определенных временных и производственных затрат. Полагаем, что решением указанного вопроса будет внесение изменений в положения главы 32.1 УПК РФ, а именно законодательно закрепление возможности проведения очной ставки без производства допросов лиц, в объяснениях которых содержатся существенные противоречия, для устранения последних при применении по делу упрощенного дознания.

Согласно п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель при наличии в материалах дела заключения специалиста вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, которые разрешены в ходе уже проведенного исследования, при отсутствии исключительных обстоятельств, предусмотренных в указанной норме. В ходе применения по делу дознания в сокращенной форме не исключены случаи поступления со стороны потерпевшего или его представителя, подозреваемого и его защитника ходатайств о производстве судебной экспертизы на основании имеющихся сомнений в выводах специалиста. При этом данное ходатайство перечисленные участники уголовного судопроизводства могут заявить не только для установления истины по делу, но и из личных побуждений: в целях затягивания сроков предварительного расследования, воспрепятствования органам дознания производству по делу и других.

Учитывая, что, как правило, дознаватель знакомит потерпевшего или его представителя, подозреваемого и его защитника с заключением специалиста по окончании производства по делу при ознакомлении обвинительным постановлением и материалами уголовного дела. В связи с чем возможность заявить вышеуказанное ходатайство о назначении и проведении судебной экспертизы у перечисленных участников возникает «весьма несвоевременно», что влечет за собой возвращение к предварительному расследованию и как неблагоприятный исход переход на дознание в общем порядке. Полагаем, что предотвратить вышеописанные ситуации позволит внесение изменений в действующее законодательство, касающихся законодательного закрепления обязательного ознакомления при производстве дознания в сокращенной форме соответствующих участников уголовного дела с заключением специалиста.

Подводя итоги изложенному, считаем, что сокращенное дознание, как упрощенная уголовно-процессуальная форма прошла этап апробации. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России применение дознания в сокращенной форме занимает не маловажное место в деятельности органов дознания и дает свои результаты. Полагаем, что приведенные нами выше предложения о внесении изменений в действующее законодательство позволят предотвратить возможные дополнительные затраты сил и средств в ходе предварительного расследования по делу, упростят процессуальный порядок производства дознания в упрощенной форме и в определенной мере позволят сократить общий срок дознания по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сведения об основных показателях сокращенной формы дознания за январь-декабрь 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt120_201512.001.txt.

2. Сведения об основных показателях сокращенной формы дознания за январь-декабрь 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt120_201612.001.txt.

3. Сведения об основных показателях сокращенной формы дознания за январь-декабрь 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt120_201712.001.txt.

4. Сведения об основных показателях органов дознания ОВД за январь-февраль 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt199_201802.024.txt.

5. Сведения об основных показателях сокращенной формы дознания за январь-февраль 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt199_201802.025.txt.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлева Наталья Михайловна, адъюнкт адъюнктуры, Уральский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Научный руководитель - **Балакшин Виктор Степанович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет.

Ключевые слова: *дознание в сокращенной форме, процессуальный порядок, сроки.*

УДК 343.137

Зырянова Е.Е.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ НУЖДАЕТСЯ В РЕФОРМИРОВАНИИ

В статье речь идет об объеме процессуальных полномочиях начальника подразделения дознания. Особое внимание уделено проблеме усеченности его процессуального статуса. Автором обосновывается мысль о том, что статья 40[1] УПК РФ требует реформирования. Такой взгляд будет интересен специалистам в области уголовного процесса и сотрудникам специализированных подразделений дознания.

Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере.

К. Маркс

Уголовно-процессуальное право это отрасль российского права, состоящая из совокупности правовых норм, регулирующих правоотношения и деятельность участников уголовного процесса в сфере решения вопросов об уголовной ответственности конкретных лиц [1, с. 12].

За последние годы действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, являясь нормативным воплощением уголовно-процессуального права, претерпел достаточно серьезных изменений. На это влияли реализация положений Конституции РФ, Концепции судебной

реформы 1991 г., норм международного права, а также социально-политические и экономические перемены, произошедшие в государстве в целом.

Однако следует заметить, что с учетом современных реалий практики предварительного расследования преступлений, необходимость в совершенствовании ряда положений УПК РФ еще не отпала.

С целью повышения законности, эффективности борьбы с преступностью, усиления правовой защищенности граждан предлагается продолжить системное совершенствование отдельных уголовно-процессуальных норм и институтов, а также продолжить работу над восполнением имеющихся в них пробелов.

Одной их таких уголовно-процессуальных норм, как мы считаем, является статья 40^1 УПК РФ. Она, закрепляя процессуальный статус начальника подразделения дознания, как участника уголовного процесса со стороны обвинения, продолжает требовать реформирования.

В первую очередь это связано с тем, что объем процессуальных полномочий, которым наделен начальник подразделения дознания в настоящее время не в полной мере отвечает современным реалиям его повседневной деятельности.

В соответствии с дефиницией указанной в п. 17 ст. 5 УПК РФ, начальник подразделения дознания – это должностное лицо органа дознания, возглавляющее соответствующее специализированное подразделение дознания.

На наш взгляд, это понятие не позволяет сделать однозначный вывод о полном функционале деятельности данного участника уголовного судопроизводства и о количественном составе, выполняемых им полномочий.

Однако мы думаем, никто не будет отрицать тот факт, что начальник подразделения дознания это в первую очередь руководитель. Его деятельность в рамках уголовного процесса, прежде всего, связана с управленческой сферой и с выполнением различного рода управленческих действий.

На сегодняшний день управление в правоохранительных органах считается одним из важнейших факторов, который повышает эффективность служебной деятельности подразделений полиции.

Под управлением (организацией), применительно к деятельности органов предварительного расследования, традиционно понимается воздействие на данную деятельность как систему с целью ее оптимизации, то есть для достижения наилучших результатов при наименьших усилиях и затратах [2, с. 5-10].

Система, которой приходится управлять (организовывать) начальнику подразделения дознания, это разновидность организационно-

социальной системы, действующей в условиях строгого процессуального и административного режимов.

Эта система (специализированное подразделение дознания) представляет собой общность людей, совместно реализующая общую цель и действующая на основе определенных законом процедур и правил [3, с. 10]. В силу этого, специализированное подразделение дознания обладает очень важным системным качеством, а именно способностью успешно реализовывать те цели, ради которых это подразделение было создано и функционирует. Поэтому именно управленческое воздействие со стороны начальника подразделения дознания так важно. Оно призвано обеспечить развитие этой способности и достижение успеха в подразделении дознания.

Вот почему, мы считаем, что первоочередной, главенствующей (но не единственной) функцией выполняемой начальником подразделения дознания является процессуально-организационная функция, основой содержания которой выступает процессуальное руководство и контроль над качеством расследования преступлений, подследственных специализированным подразделениям дознания с целью предупреждения нарушений уголовно-процессуального закона.

В первую очередь процессуально-организационная функция начальника подразделения дознания проявляется в создании (то есть определении и конкретизации), поддержании и развитии системы слаженных, законных действий, а также необходимых условий для подчиненных сотрудников по расследованию преступлений. Только в результате организационного законодательного оформления подразделения дознания фигурой начальника подразделения дознания у этого подразделения появилась реальная возможность успешно достигать значимых целей.

Процессуальное воздействие в рамках названной функции начальника подразделения дознания проявляется в реализации им своего влияния на сознание и волю подчиненных дознавателей с целью приведения, производимого ими дознания в соответствии с требованиями УПК РФ.

Характер, форма и степень такого воздействия базируется исключительно на нормах уголовно-процессуального закона и адресована только сотруднику специализированного подразделения дознания. При этом наличие таких организационно-процессуальных воздействий в руках начальника подразделения дознания не уменьшает процессуальную самостоятельность дознавателя.

Фактически на сегодняшний день начальник подразделения дознания существенно ограничен в возможности влиять на принятие и содержание решений по наиболее важным процессуальным вопросам дознания. Он лишь располагает некоторыми процессуальными средствами воздействия

на их подготовку, а также на выбор необходимых способов сбора материала по сообщениям о преступлениях или уголовным делам. Что в современных условиях общества, заинтересованного в профессиональном, компетентном и эффективном процессуальном руководителе подразделения дознания, не может быть признано удовлетворительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный процесс: учебник [Александрова Л.А. и др.]; под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Кобузенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. 1056 с. С. 12.
2. Управление органами расследования преступлений. Курс лекций. Ч. 1 / Колесников И.И., Модогоев А.А.; Под ред.: Колесников И.И. М.: Академия управления МВД России, 2007. 172 с. С. 5-10.
3. Бурков В.Н., Коргин Н.А., Новиков Д.А. Введение в теорию управления организационными системами. Учебник. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зырянова Елена Евгеньевна, адъюнкт адъюнктуры, Уральский юридический институт МВД России.
Служебный адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

***Ключевые слова**: дознание, начальник подразделения дознания, статус, функции, полномочия.*

УДК 343.136

Кириченко Ю.Н.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С СОВРЕМЕННЫМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с предупреждением и пресечением захвата заложников на объектах транспорта. Автор пытается разграничить нормы Уголовного кодекса, раскрывающие захват заложника от террористического акта.

В условиях быстрых темпов развития межгосударственных, экономических, политических, межконфессиональных, социальных и других отношений, задачей ОВД становиться обеспечение высокого уровня охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, который бы соответствовал современным тенденция. Кроме этого органы внутренних дел, выполняя повседневные оперативно-служебные задачи, призваны обеспечить охрану общественного порядка и безопасности и при возникновении особых условий.

Специфика деятельности ОВД и внутренние войска национальной гвардии РФ [1] в специальной операции по пресечению захвата заложников предъявляет повышенные требования к уровню подготовки личного состава, необходимым условием которой является постоянное совершенствование. Один из важнейших элементов подготовки к действиям в специальной операции по освобождению заложников является заблаговременная подготовка руководящего и начальствующего состава к выполнению оперативно-служебных и служебно-боевых задач. Также основу подготовки составляет разработка и изучение тактических приемов и способов действий в специальной операции по освобождению заложников, применения оружия, боевой и специальной техники, специальных средств, боевых порядков, маневра силами и средствами, овладения руководителями и начальствующим составом методикой управления подчиненными силами [3].

В настоящее время имеется необходимая нормативно-правовая база по вопросам подготовки органов внутренних дел и внутренних войск к действиям в специальной операции по освобождению заложников. Эта ситуация позволила провести комплексный организационно-правовой, обще и специально тактический анализ действий сил ОВД в специальной операции по освобождению заложников [2].

К нормативным документам, регламентирующим деятельность ОВД при предупреждении и пресечении захвата заложников, относятся: Конституция РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму», другие законы и правовые акты РФ, международные конвенции, межведомственные и ведомственные нормативные акты.

Особое место в проявлениях международной законодательной инициативы, в вопросе пресечения захвата заложников, проявили государства участники Международная конвенция о борьбе с захватом заложников [4].

В соответствии с конвенцией любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать заложника для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц – совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве

прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление – захват заложников.

Государства-участники конвенции сотрудничают в предотвращении захвата заложников, путем:

a) принятия всех практически осуществимых мер по предотвращению подготовки в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений в пределах или вне пределов их территорий, включая принятие мер для запрещения на их территории незаконной деятельности лиц, групп и организаций, которые поощряют, подстрекают, организуют или участвуют в совершении актов захвата заложников;

b) обмена информацией и координации принятия административных и других соответствующих мер для предотвращения совершения таких преступлений.

Российский законодатель дает более узкую трактовку термина захват заложников – это неправомерное физическое ограничение свободы человека, при котором его последующее возвращение к свободе становится в зависимость от выполнения требований субъекта, обращенных к государству, организации, физическим или юридическим лицам.

Заложник – физическое лицо, захваченное и (или) удерживаемое в целях понуждения государства, организации или отдельных лиц совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения удерживаемого лица.

Захват заложников и похищения людей в политических целях, в транспортных средствах, жилых домах, на улицах и в других местах скопления людей, стало наиболее устрашающим проявлением терроризма. С каждым годом подобная практика со стороны террористов приобретает все более широкий характер, т.е. фактически такая тактика на современном этапе становиться «оружием террора».

Несмотря на это в целом в России отмечена устойчивая тенденция к снижению количества зарегистрированных преступлений по ст. 206 УК РФ [5].

В последние годы среди лиц, совершивших захват заложников, наиболее активной группой являются граждане возрастной категории от 21 до 30 лет – это вполне сформировавшиеся личности с явной антиобщественной направленностью. С увеличением возраста преступников (31-41 год) снижается общественная опасность совершенного преступления.

Захват может осуществляться тайно или открыто, без насилия или с насилием не опасным либо опасным для жизни и здоровья.

Вместе с тем, лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится состава иного преступления.

Захват заложников характеризуется определенными мотивами при его совершении (политические, общеуголовные, психические).

В системе обеспечения охраны государственного строя, личности и прав граждан от преступных посягательств основную роль играет Уголовный кодекс РФ, содержащий нормы, предусматривающие ответственность за захват заложников (ст. 206 УК) [5].

Нормы уголовного кодекса решают ключевой вопрос отграничения захвата заложника (ст. 206 УК РФ) от террористического акта (ст. 205 УК РФ). Разграничение следует проводить по дополнительному непосредственному объекту, потерпевшему, объективной стороне, целям и условиям освобождения от уголовной ответственности.

Дополнительным непосредственным объектом террористического акта являются общественные отношения, обеспечивающие альтернативно: безопасность жизни или здоровья личности; права собственности, не связанные с порядком распределения материальных благ; нормальное функционирование органов власти и международных организаций. Дополнительным непосредственным объектом захвата заложника являются общественные отношения, обеспечивающие свободу личности.

В ст. 205 УК РФ [5] предмет преступления и потерпевший не названы, а следовательно, они не являются обязательными признаками состава террористического акта. Обязательный признак состава захвата заложника - потерпевший - лицо, захваченное или удерживаемое в качестве заложника.

С объективной стороны террористический акт выражается альтернативно в двух формах: а) в совершении взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий; б) в угрозе совершения указанных действий. Как видим, в зависимости от законодательной формулировки объективной стороны можно говорить о двух формах террористического акта. Захват заложника от террористического акта отличается по признакам объективной стороны - захватом или удержанием человека. При захвате заложника насилие, кроме насильственного ограничения свободы или воспрепятствования оставить определенное место и возможных последствий (вплоть до смертельного исхода), ни в чем другом не проявляется. Для захвата заложника характерно отсутствие опасности для неопределенно широкого круга людей. Создание опасности для неопределенно широкого круга людей при захвате заложника - редкость и, как правило, возможно, если захват заложника является составной частью, например, террористического акта или угона судна воздушного или

водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава. Так, часто при угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ) захватываются заложники (экипаж, пассажиры), ставится под угрозу их жизнь и здоровье, выдвигаются требования властям. Нередко угон или захват с целью угона судна является продолжением захвата заложников и началом террористического акта (например, когда террористы предварительно захватили автобус с людьми, требуя предоставить самолет, «загнали» в него людей, после чего выдвинули требования властям о выводе войск из Чечни, освобождении сообщников и вылете за границу). В таких случаях возникает необходимость разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 205, 206 и 211 УК РФ.

Террористический акт и захват заложника отличаются также по целям: при террористическом акте - это воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями, при захвате заложника – понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения как условие освобождения заложника. Иными словами, в случае захвата заложника отсутствует цель террористического акта.

Согласно ведомственным приказам МВД РФ, предусматривается порядок планирования действий ОВД при предупреждении и пресечении захвата заложников, расчета сил и средств, особенности формирования группировки, а также организацию управления и связи.

Федеральная служба безопасности и МВД России проводят специальные операции по освобождению заложников самостоятельно или совместно, в зависимости от складывающейся оперативной обстановки, объекта посягательств, наличия сил и средств, возможности локализовать и пресечь захват заложников с наименьшими потерями для них, без угрозы безопасности окружающих лиц.

Таким образом, основными целями проводимых специальных операций по освобождению заложников является: защита жизни, чести, здоровья, достоинства граждан и предотвращение ущерба имуществу различных форм собственности; выполнение всех международных конвенций, соглашений по вопросам борьбы с терроризмом; выполнение договоренностей с государствами-участниками СНГ в области обеспечения безопасности; обеспечение исполнения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства России; обезвреживание лиц, захвативших заложников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кириченко Ю.Н. Роль паспортных аппаратов советской милиции по розыску лиц, потерявших связь с родными и близкими в годы Великой Отечественной войны // Черные дыры в Российском законодательстве. 2009. № 2. С. 157-160.

2. Кириченко Ю.Н., Семенов Е.А. Правовая дефиниция участников уголовного процесса при производстве осмотра трупа: пути совершенствования законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 3. С. 90-93.

3. Кириченко Ю.Н., Кухарев Ю.С. Ответственность по новому законодательству, за проживание без регистрации и нарушение её правил, умышленную порчу и незаконное изъятие документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации – паспорта, а также представление ложных сведений для его получения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. № 1. С. 51-58.

4. Семенов Е.А. Особенности применения технических средств специалистами при расследовании преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С. 190-195.

5. Кириченко Ю.Н., Медведев А.В. Историко-правовой анализ паспортного законодательства СССР в преддверье Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. Т. 1. № 5 (62). С. 125-130.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириченко Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

***Ключевые слова**: общественная безопасность, общественный порядок, специальная операция, захват, заложник, террористический акт.*

УДК343

Ковалев М.В.

К ВОПРОСУ О ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИИ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ

В статье рассматриваются актуальные проблемы воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов. Анализируется особенности субъектного состава преступления. Автором вносятся предложения по совершенствованию законодательства направленного на совершенствование нормы о воспрепятствовании деятельности средства массовой информации и реализации права на свободу слова.

Конституция РФ гарантирует гражданам свободу мысли и слова (ст. 29) [1]. В соответствии с декларируемым положением применение принуждения, а равно иного другого воздействия в отношении граждан в целях возможности влиять на выражение ими своих взглядов и мировоззрений запрещено. Каждый человек, находящийся на территории России, в целях реализации своих прав, в рамках действующего законодательства, может осуществлять сбор, получать и передавать, производить и распространять имеющуюся у него информацию. В Российской Федерации правовыми средствами обеспечена свобода массовой информации и запрещена цензура. Осуществление сбора и распространение информации о событиях окружающей действительности, злободневной общественно-значимой информации является основной сферой деятельности для средств массовой информации и в особенности для журналистов. В целях защиты журналистов законодатель нормативно установил уголовную ответственность для лиц, воспрепятствующих профессиональной деятельности журналистов и ущемляющих их права.

Если рассматривать законодательную конструкцию преступления, и исходить из буквального толкования нормы, то в диспозиции говорится лишь о воспрепятствовании деятельности журналистов, и не упоминается о воспрепятствовании средству массовой информации в цело, что является недостатком законодательное техники при конструировании нормы и еще больше вызывает несогласованность в свете Закона «О средствах массовой информации», в котором предусмотрен перечень мер принуждения в целях воспрепятствования в отношении органа массовой информации.

Факты «явного» воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста не вызывают сложности как для их выявления, так и для пресечения и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Сложность вызывает применение нормы, когда воспрепятствование осуществляется работе всего органа массовой информации. Именно такого рода воспрепятствование законной

журналисткой деятельности содержит в себе большую степень общественной опасности, так как фактически, посягательство направлено на информационную безопасность общества, посредством принуждаемого ограничения свободы деятельности средства массовой информации. Более того, для оказания давления на средство массовой информации необходимо обладать значительными властными полномочиями которые бы вытекали из должностного положения виновного.

По мнению А.И. Коробеева под использованием служебного положения следует понимать использование не только непосредственного должностного воздействия на журналиста, но и возможности, вытекающих из статуса лица [2]. Статус лица, его должностное положения, авторитет занимаемой должности в данной ситуации будет иметь решающее значение в процессе незаконного вмешательства в работу средства массовой информации. Обладая значительным потенциалом сил и средств орган массовой информации способен аккумулировать достаточно большие объемы информации в различных сферах человеческой жизнедеятельности, в большинстве своем, как ранее отмечено, общественно полезной и значимой. И не всегда бывает, что значимая информация для общества, безопасна для того или иного лица, в том числе и должностного.

Предпринимаемые усилия правоохранительных органов направленные на борьбу с коррупционными преступлениями выявили множество преступлений должностных лиц. При этом не малая заслуга в этом принадлежит в том числе и средствам массовой информации. Посредством журналистских расследований, хотелось бы отметить, проводимых в рамках действующего законодательства, вскрываются факты не обоснованного обогащения чиновников различных рангов. Это в свою очередь, небезосновательно тревожит лиц, в отношении которых средствами массовой информации получена компрометирующая информация. И в этот момент должностное лицо пытается использовать весь потенциал своего должностного положения, авторитета занимаемой должности для того, чтобы воспрепятствовать распространению компрометирующей его информации. Говорить о возможности принуждения органа массовой информации к нераспространению информации любым должностным лицом было не корректным, и не уместным. Это лишь под силу должностному лицу, обладающему в силу занимаемой должности достаточными полномочиями, способному реально воспрепятствовать работе средства массовой информации. В данном случае речь не идет о возможности издания любым должностным лицом акта, запрещающего работу журналистов на том или ином предприятии. Виновное лицо всегда пытается воспрепятствовать потерпевшему в реализации его законных прав и исполнении служебных обязанностей исключительно до того момента, пока информация не стала достоянием

гласности не ограниченного круга лиц. Под признаки преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ не подпадают действия лица, в отношении которого была распространена информация в средствах массовой информации, совершенные по мотивам мести за ее уже состоявшееся обнародование.

К сожалению, в норме статьи содержащей квалифицированный вид преступления акцент сделан лишь на использовании лицом служебного положения. Приходится, констатировать скудность субъекта квалифицированного вида преступления, при том что субъектный состав в специальных составах преступлений в той или иной степени связанные с сокрытием, искажением или не предоставлением информации значительно расширен. А ведь использовать свое служебное положение в рамках воспрепятствования законной деятельности журналиста может любое лицо. И в этом есть определенная положительная составляющая рассматриваемой нормы. Однако не любое лицо может использовать свое служебное положение в целях воспрепятствования работе средства массовой информации в целом, в том числе воздействую на руководство его управляющих органов. И в этом кроется существенный недостаток квалифицированного воспрепятствования законной деятельности. Зачастую на работу средств массовой информации влияют как должностные лица органов государственной власти, так и органов местного самоуправления. В связи с эти необходимо законодательно расширить перечень специальных субъектов преступления рассматриваемой нормы.

Между тем совершение преступления лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления существенно увеличивает общественную опасность деяния, что потребует увеличения размера наказания за его совершение.

Не стоит также забывать, о том, что осуществляя воспрепятствование деятельности средства массовой информации, достигнутой целью которого явилось прекращение либо приостановление работы, результат деяний может быть в виде иных тяжких последствий. К иным тяжким последствиям в рамках рассматриваемой статьи можно отнести: прекращения либо приостановления работы одного средства массовой информации, как дезорганизующий фактор для работы другого (с возможным прекращением деятельности); срыв выполнения государственно важных задач (невозможность организации и проведения международного публичного мероприятия, срыв церемонии открытия и закрытия спортивных игр); невыполнении обязательств по заключенным договорам результатом которых стали крупные материальные долги; безработица сотрудников средства массовой информации, следствием

которой, явилось их тяжелое материальное положение; самоубийство главного редактора или собственника средства массовой информации и другие. При этом достижение преступного результата в виде иных тяжких последствий может выражаться, как в форме косвенного умысла, так и по неосторожности.

Беспрецедентное давление, оказываемое на российские средства массовой информации, осуществляющие свою деятельность на территории иностранных государств, направленное на принуждение средств массовой информации к отказу от распространения информации, вынуждает принимать ответные защитные меры. В этой связи установление уголовной ответственности за воспрепятствование должностным лицом международной либо иностранной организацией или их представителем работе российского средства массовой информации на территории иностранных государств будет являться действенной мерой защиты от незаконного вмешательства в их работу.

В результате проведенного анализа нормы о воспрепятствовании законной деятельности журналистов необходимо внести в ее содержание изменения и изложить в следующей редакции:

Статья 144. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов

1. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, а также средства массовой информации путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации, - наказывается.

2. Те же деяния, если они совершены лицом, с использованием своего служебного положения, либо лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, - наказывается.

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные должностным лицом международной либо иностранной организацией или их представителем, - наказывается.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, соединенные с насилием над журналистом или его близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой применения такого насилия, а также если в результате таких деяний наступили иные тяжкие последствия, - наказывается.

Предложенные дополнения, помогут в полном объеме обеспечить самостоятельность, а также защиту от воспрепятствования законной деятельности журналистов и средства массовой информации, что в конечном итоге приведет к гарантированному Конституцией России праву на свободу слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Коробеев А.И. Полный курс Уголовного права: учебник / Под ред. А.И. Коробеева; СПб., 2008.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковалев Максим Викторович, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин, Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Служебный адрес: 241050, г. Брянск, 2-й переулок Советский д. 2[а].

Ключевые слова: *воспрепятствование, деятельность журналиста, должностное лицо, служебное положение, общественная опасность, квалифицирующий признак, преступление.*

УДК 343.1

Коробов А.А., Королёв В.В.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ РЕЙДЕРСТВУ ПРИ ПОМОЩИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА

Статья посвящена противодействию интеллектуальному рейдерству при помощи современного правового механизма.

Противодействие интеллектуальному рейдерству должно базироваться на нормах действующего законодательства и параллельно совершенствовать его нормы, в частности нормы УК РФ и КоАП РФ.

На сегодня в УК РФ содержатся только две статьи (статья 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» и статья 147 УК РФ «Нарушение изобретательских и патентных прав»), которые предусматривают меры уголовной ответственности и могут служить для целей противодействия интеллектуальному рейдерству.

Для целей профилактики массовых проявлений рейдерства в сфере ИС и посягательств на исключительные права, а также препятствования

использованию в дальнейшем незаконно запатентованных ОИС, целесообразно дополнить действующий УК РФ статьями, предусматривающими ответственность за незаконное патентование (присвоение авторства), особенно в тех случаях, когда незаконные деяния привели к причинению крупного ущерба государству или иному собственнику или правообладателю и предусматривающими санкции в виде конфискации незаконно полученных патентов, а также доходов, полученных преступным путем. Подобные нормы содержатся в законодательстве США, Великобритании и Франции. Что же касается американского опыта, то за незаконное присвоение прав на чужой ОИС предусмотрены весьма внушительные финансовые санкции, а также меры уголовного преследования, если незаконное использование данных ОИС привело к получению незаконных доходов.

По аналогии с западными правовыми системами необходимо внедрение в отечественное законодательство мер ответственности за оформление и получение незаконным путем патентов, включая ответственность за патентование на способов производства товаров, промышленых, полезных моделей, и иных общедоступных ОИС.

Также необходимо совершенствовать и административное законодательствов части ответственности нарушения в сфере использования ИС.

Например, в КоАП РФ присутствуют всего две статьи, которые предусматривают такую ответственность: статья 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» и статья 7.28 «Нарушение установленного порядка патентования объектов промышленной собственности в иностранных государствах». По нашему мнению, здесь также необходимо расширение субъектов и мер ответственности путем включения ответственности должностных лиц, содействовавших незаконному оформлению и использованию РИД.

Такжепозволит отчасти решить проблему правовой защиты РИД своевременное внесение дополнений и изменений в положения гражданского законодательства, касающиеся следующих вопросов:

1. ограничению полномочий руководителей организаций (по аналогии с крупными сделками материального характера) единолично распоряжаться служебными и иными патентами, другими ОИС без ведома правообладателей;
2. касающихся исключения возможности выдачи патентов на общеизвестные способы производства товаров и ОИС, например объектов строительства и строительных конструкций, общеизвестные архитектурные решения, а также производство продуктов питания и другие известные технические решения;
3. принятию мер государственного стимулирования создания и использования, а также учета ОИС, предоставлению авторам и

хозяйствующим субъектам, использующим ОИС в своей деятельности, различных льгот и преференций в бизнесе, льготному кредитованию на стадии старт-апа и т.д.;

4. установлению норм, предполагающих закрепление прав государства (в случае появления охраноспособных решений) на результаты работ через патентование и установление через ноу-хау режима коммерческой тайны при проведении торгов на размещение государственных заказов.

При этом ведущую роль в сборе информации в отношении рейдеров в сфере ИС играет Роспатент, поскольку именно в Роспатент обращаются злоумышленники, собирающиеся присвоить себе права на чужие РИД.

Одним из приоритетных направлений является защита прав и интересов собственников и правообладателей как составная часть национальной безопасности РФ.

При этом Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года от 12 мая 2009 г. № 537 является, по сути, основным нормативно-правовым актом, регламентирующим данные вопросы. В данной стратегии в частности в числе угроз национальной безопасности особо выделены ослабление научного потенциала страны, снижение числа стратегически важных исследований, отток за рубеж специалистов и ИС, что неизбежно повлечет за собой утрату РФ передовых позиций в мире, деградацию наукоемких производств, усиление внешней технологической зависимости.

Одновременно, существенную угрозу развитию отечественных средств телекоммуникации, информатизации и связи, а также обеспечению потребностей рынка в продукции информационной индустрии, а также обеспечению аккумулирования и эффективного использования национальных информационных ресурсов могут представлять:

1. усиление оттока квалифицированных специалистов за рубеж, создателей и правообладателей ИС;

2. активное противодействие проникновению РФ в сектор новейших информационных технологий, равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству отечественных и зарубежных производителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права: учебник / Под ред. И.А. Близнеца. М.: Проспект, 2015.

2. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности. Авторское право (Теория и практика гражданского права и гражданского процесса). СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

3. Баркалова Г.И. Правовой статус Суда по интеллектуальным правам в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12; Боннер А.Т. Некоторые соображения по совершенствованию деятельности арбитражных судов // Закон. 2012. № 1.

4. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): Научно-практическое пособие / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2015.

5. Иванов А.А. Проблемы действия ст. 8.1 ГК РФ в отношении объектов интеллектуальной собственности // Вестник экономического правосудия. 2016. № 1. С. 25-30.

6. Казарян А.В. Специализированные суды по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 8. С. 73-75.

7. Кайль А.Н. Комментарий к части IV ГК РФ. Правовая охрана интеллектуальной собственности. М.: ГроссМедиа: РОСБУХ, 2016. С. 15-16.

8. Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. 225 с.

9. Оводов А.А. Интервью с Председателем Суда по интеллектуальным правам доктором юридических наук Людмилой Александровной Новоселовой // Юридический мир. 2014. № 1. С. 10-12.

10. Пустыльников П.Ю. Теоретические аспекты соотношения между правом на защиту от недобросовестной конкуренции и правом интеллектуальной собственности. М.: РГОТУПС, 2005.

11. Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: ИНФРА-М, 2015.

12. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Коробов Алексей Александрович, кандидат экономических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Королёв Валерий Валерьевич, начальник отдела оперативного дежурства, ФССП по Орловской области.
Служебный адрес: 302010, г. Орел, ул. Авиационная, д. 5.

***Ключевые слова**: УК РФ, ОИС, РИД.*

УДК 343.1

Красова А.А., Якубина Ю.П.

ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СУДАХ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИЙ

В данной статье рассмотрены особенности рассмотрения решений суда об избрании меры пресечения в суде апелляционной и кассационной инстанции.

Меры пресечения в виде запрета на определенные действия, залога, домашнего ареста, заключения под стражу избираются только судом в судебном заседании путем вынесения судебного решения.

На постановления судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста; о продлении срока действия данных мер пресечения и об отказе в этом в стадиях досудебного производства по уголовному делу в течение 3 суток со дня их вынесения могут быть принесены в порядке, установленном ст. 389.3 УПК РФ, апелляционные жалоба и представление, подлежащие рассмотрению в такой же срок со дня поступления жалобы или представления в суд апелляционной инстанции. В связи с этим судам первой инстанции, которые вынесли (избрали) меру пресечения, после поступления жалобы и (или) представления на указанные решения, т.е. об избрании конкретной меры пресечения, необходимо незамедлительно направлять соответствующие материалы для апелляционного рассмотрения.

Апелляционное производство в уголовном процессуальном праве России представляет собой процесс пересмотра решений суда первой инстанции по апелляциям (жалобам, представлению) сторон – участников уголовного судопроизводства не вступившим в законную силу. В кассационном производстве рассматриваются кассационные жалобы (представления), которые направлены сторонами на решения суда апелляционной инстанции, на решения суда первой инстанции, которые вступили в законную силу. В случае, когда речь идёт о назначении мер пресечения, апелляционные и кассационные жалобы принимаются на постановление судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под

стражу или домашнего ареста, о продлении срока действия данных мер и об отказе в этом.

Данные правоотношения регламентируются Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации» от 18.12.2001 года № 174-ФЗ, а именно главами 45.1 и 47.1. [2], а также Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [1].

Апелляционную и кассационную жалобы можно сравнивать по ряду оснований. Во-первых, сроки подачи жалоб в апелляционную и кассационную инстанцию отличаются. В апелляционной инстанции данный срок на стадиях досудебного производства составляет 3 суток со дня вынесения постановления судьи. Учитывая то, что данный срок считается сокращённым, участники уголовного судопроизводства должны быть извещены о времени, дате и месте судебного заседания в наиболее достаточный для обеспечения их участия в нём срок. Эти жалобы и представления подлежат рассмотрению в такой же срок.

В кассационной инстанции иные сроки, которые установлены в общем порядке, предусмотренном нормами УПК РФ. До одного месяца – если уголовное дело не было истребовано, а если уголовное дело было истребовано – до двух месяцев.

В суд апелляционной инстанции должен быть представлен ряд процессуальных документов, которые позволяют суду проверить законность и обоснованность вынесенного решения. К таким документам относятся заверенные копии из уголовного дела: постановление о возбуждении уголовного дела; протокол задержания обвиняемого или подозреваемого; постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого; постановления о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу, домашнего ареста или залога; ходатайства и постановления о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста; постановлений о приостановлении и возобновлении следствия, о соединении и выделении уголовного дела, о принятии уголовного дела к своему производству, о направлении уголовного дела в суд и т.п.; протокол судебного заседания или выписку из него, сведения об участии в деле защитника, потерпевшего; документы, подтверждающие необходимость или отсутствие необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, в том числе сведения о личности обвиняемого.

Во-вторых, участники уголовного судопроизводства. В данных производствах различны обязательные участники уголовного судопроизводства. В апелляционной инстанции обязательным участником является защитник (ст. 51 УПК РФ). При этом, если судья при назначении судебного заседания установит отсутствие заявления лица, в отношении

которого рассматривается вопрос об избрании меры пресечения, об отказе от защитника и сведений о том, что защитник установлен им самим или его законным представителем, то судья назначает защитника самостоятельно и принимает меры по обеспечению его участия в суде. В кассационной инстанции таким участником является прокурор (ст. 401.13 УПК РФ).

В-третьих, решения, которые могут быть вынесены апелляционной и кассационной инстанцией. В апелляционной инстанции возможна отмена постановления и передача материалов дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. Но это возможно, если допущенные нарушения уголовно-процессуального закона не могут быть установлены в суде апелляционной инстанции. Так же, возможно изменить или отменить постановление и принять новое решение без передачи материалов на рассмотрение суда первой инстанции. Однако данное решение возможно, если допущенные нарушения уголовно-процессуального закона могут быть устранены в суде апелляционной инстанции. В кассационной инстанции принимаются иные решения. Такие решения как отмена приговора суда апелляционной инстанции и передача уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение, а также, отмена решения суда кассационной инстанции и передача уголовного дела на новое кассационное рассмотрение.

Исследуя данный вопрос, необходимо указать о целях подачи кассационных и апелляционных жалоб (представлений). Следует отметить, что отменяя приговор или иное решение суда, а также при передаче дела на новое судебное разбирательство в нижестоящий суд либо возвращая уголовного дело прокурору, суды данных инстанций в целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а так же соблюдения принципов уголовного судопроизводства (а именно, ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства») обязаны решать вопрос о мере пресечения в отношении лица, содержащегося под стражей, по ходатайству прокурора либо по собственной инициативе. Суды апелляционной и кассационной инстанций в соответствии со ст. 98 УПК РФ имеют право выбрать любую меру пресечения, при условии, что она обеспечит беспрепятственное осуществление уголовного судопроизводства.

Таким образом, исходя из всего вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что принятие судьёй решения об избрании меры пресечения может быть обжаловано в суде апелляционной или кассационной инстанции. Благодаря своему законодательному закреплению, апелляционное и кассационное производства на постановления суда об избрании меры пресечения различаются по таким основаниям как стадии, сроки, решения, однако служат для достижения единой цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ [Электронный ресурс]. «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 10.06.2018).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [Электронный ресурс]. «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184 (дата обращения: 10.06.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Красова Анна Андреевна, курсант 2 курса факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Якубина Юлия Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

***Ключевые слова**: суд, апелляционная инстанция, кассационная инстанция, меры пресечения, сроки, решения, процессуальные документы.*

УДК 343.1

Лаптев В.И.

К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПРАВЕ В РОССИИ

В данной статье рассмотрены особенности правоприменения в решениях судов, где роль прецедента в некотором смысле выполняют постановления Пленумов Верховного суда.

О роли прецедентного права в России сложилось столько предрассудков и мифов, что даже профессионалам становится все труднее понять, является ли Россия страной прецедентного права, если нет, то почему, или оно характерно, лишь для англосаксонских государств.

Итак, давайте попробуем разобраться в реалиях. Во-первых, роль законодательства в англосаксонских странах колоссальна и вряд ли уступает роли его в России и странах континентального права (Германии, Франции и др.). Во-вторых, обязанность судов следовать прецедентам не установлена в Англии и США никаким законом или конституцией – это только обычай, который воспринимается всеми как нечто само собой разумеющееся: если суд однажды так решил, то понятно, что и в другом сходном деле он тоже должен так решить. Иное означало бы, что право применяется к разным лицам неодинаково и непредсказуемым образом. Следовательно, прецедент основывается на принципе равенства лиц перед законом и судом.

Этот принцип конечно же является общеправовым, универсальным, и точно так же признается в континентальных странах, включая Россию, – с тем отличием, что у нас термин «прецедент» суды стараются не употреблять. Но отказ от слова отнюдь не означает отсутствие явления. Единственная разница с англосаксонскими юрисдикциями состоит в том, что в них некоторые отрасли права (главным образом гражданского) изначально регулируются в основном прецедентами. Однако ничто не мешает законодателю заменять их регулирующими актами, что нередко и происходит. Однако впоследствии применение этих актов также опосредуется прецедентами толкования, которые в конечном итоге и составляют основной массив прецедентного права.

В России же законы и иные нормативные акты всегда первичны, а почти все прецеденты являются именно «прецедентами толкования» законодательных норм [1]. К ним добавляются иные, нежели прецедент, судебные источники права – разъяснения пленумов высших судов, а также издаваемые этими судами правила (например, регламенты судов), которые так или иначе затрагивают интересы не только тех, кто работает в судебных органах, но и обращающихся к ним граждан.

При таких обстоятельствах, различие между англосаксонскими и иными юрисдикциями (в частности Россией) состоит не в наличии судебных источников права как таковых, а в их статусе и соотношении с другими источниками права, Несмотря на то, что в России прецедент почти во всех случаях служит «производным источником права», можно с полным основанием говорить о том, что фактически прецедентное решение обладает даже большей силой, нежели истолкованный в нем «первичный» текст закона, поскольку именно оно непосредственно определяет исход будущих аналогичных дел [2].

Разновидностью критикуемого нами тезиса является следующее утверждение: «В Российской Федерации прецедент не является источником права». При этом выдвигающие это положение авторы обычно забывают пояснить, а где же, собственно, следует искать исчерпывающий перечень этих источников.

Совершенно очевидно, что норма ст. 120 Конституции РФ («Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону») ни в коей мере не может считаться подобным перечнем – в противном случае пришлось бы отказать в статусе источника права, к примеру, всем подзаконным нормативным актам или региональному законодательству.

Сравнительно более подробные нормы ГПК и АПК РФ, касающиеся применяемого судами права (ст. 11 и 13 соответственно), в силу ряда причин также не могут рассматриваться как акты, содержащие исчерпывающий перечень источников права. Каждый из кодексов обращен лишь к одной из ветвей судебной власти; между ними имеются смысловые расхождения (например, касающиеся роли обычаев делового оборота); в них вовсе не упоминаются общепризнанные нормы и принципы международного права (хотя согласно АПК РФ (ст. 304), их нарушение является основанием для пересмотра дел в порядке надзора, а ГПК РФ аналогичной нормы не содержит).

Источники права являются конституирующим элементом правовой системы. Следовательно, если формальный их перечень вообще нужен (а большинство правовых систем без него прекрасно обходится), то устанавливаться он должен на уровне Конституции или как минимум конституционного закона. Кодексы же, как известно, являются лишь простыми федеральными законами. Поэтому расхожее представление о том, что существует-де некий законченный и надлежаще утвержденный список «источников права», в котором нет места прецедентам и толкованиям пленумов высших судов, является лишь юридическим предрассудком, который держится силой привычки, а не доводов.

Вообще, господствующая теория «источников» или «форм» права не очень хорошо накладывается на политико-правовые реалии Российской Федерации. Традиционно считается, что правотворчеством называется «деятельность государственных органов по созданию правовых норм или по признанию правовыми сложившихся, действующих в обществе правил поведения» [3]. Однако в нашей стране нормы права легально устанавливаются и негосударственными органами, например муниципальными, а также саморегулирующимися организациями с обязательным членством, которые вырабатывают и утверждают стандарты и правила соответствующей деятельности, обязательные для выполнения всеми членами этих организаций.

Между тем, как верно заметил У.З. Батлер, в российском праве нет нормы, запрещающей судьям следовать прецеденту. Не было ее и в советском праве: отрицание прецедента было всего лишь доктринальной позицией советских юристов [4].

Между тем обязанность российских судов следовать прецеденту без труда выводится из ст. 19 Конституции РФ, согласно которой «все равны

перед законом и судом». Разнобой в судебной практике откровенно нарушает это фундаментальное требование. Коль скоро считается, что суд – это лишь «уста права» и что он призван применять закон, не давая воли собственным воззрениям, то трудно понять, как можно говорить о наличии законности и отсутствии произвола, если одна и та же норма применяется по-разному в сходных ситуациях, и это признается нормальным (например, со ссылкой на независимость судьи). Это равносильно признанию того, что закон един лишь на бумаге, а на деле различен – в одном случае его текст значит одно, а в другом случае – совершенно другое. Поэтому прецедент не есть чья-то прихоть или вопрос субъективных предпочтений, он является неизбежной и органической формой права в том смысле, что игнорирование судами своих прежних решений грубо нарушает принципы правовой определенности и равенства лиц перед законом и судом.

Многие считают, что в России пора ввести прецедентное право. В действительности же оно и так существует, существовало и будет существовать – просто потому, что без него невозможно обойтись. Говоря обобщенно, судебный прецедент – это даже не англосаксонское, а средневековое китайское «изобретение» [5].

Если же обратиться к отечественной истории, то нужно констатировать, что прецеденты зародились еще в судебно-административной практике Московской Руси и активнейшим образом применялись в деятельности судов Российской империи [6]. И даже в СССР не было законодательного запрета на их использование. Так что вводить прецеденты не нужно – речь идет лишь о том, чтобы несколько упорядочить их употребление и овладеть техникой их использования (в первую очередь изменить стиль судебных решений, сделав акцент на подробном изложении фактических обстоятельств и сравнении их с более ранними решениями в сходных делах).

Кроме того, необходимо приучить общественность и судей не бояться самого слова «прецедент». В Континентальной Европе юристы-академики уже давно его не пугаются. Так, изданная в 1997 г. многочисленной группой исследователей фундаментальная работа о толковании прецедентов охватывает десять важнейших юрисдикции Западного полушария, из которых лишь две – Англия и США – принадлежат к англосаксонской традиции «общего права» (common law). Остальные представляют североевропейскую или романо-германскую правовую традиции (Германия, Франция, Латинская Америка, скандинавские страны и др.), на которую традиционно ориентируется и отечественное право. Таким образом, наличие в названных странах прецедентного права рассматривается исследователями этих стран как нечто, не нуждающееся в доказательствах. Кстати, существование в России прецедентного права констатировал и Конституционный Суд РФ: как отмечено в его постановлении, в правовой системе России существует «установленная

законом возможность отмены судебных актов... в случае их расхождения с актами высшего суда в системе арбитражных судов Российской Федерации, дающими разъяснения по вопросам судебной практики», а толкование закона высшими судебными органами «фактически... является обязательным для нижестоящих судов на будущее время» [7].

А можно ли обойтись без прецедентов. На Сенатских чтениях с этим тезисом выступил академик Ю.К. Толстой. По его мнению, достаточно традиционных разъяснений законодательства пленумами высших судов. Но в реальности судебные прецеденты существовали и в СССР (об этом в 1970-е годы писали С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров и другие правоведы) [8], хотя и в «подавленном» виде.

О чем это говорит? Дело в том, что в СССР публиковалась лишь ничтожная часть судебных решений (практически только решения союзного и республиканских верховных судов, и то далеко не все). Тем не менее адвокаты постоянно на них ссылались, а судьи реально им следовали, даже если не упоминали их в тексте своего решения. В противном случае решение было бы отменено как неправильно толкующее закон. И все же основная масса судебных актов была публике неизвестна, доступ к ним имели только официальные лица, а полностью подконтрольная органам КПСС пресса о противоречиях в судебной практике ничего не писала.

В настоящее время ситуация радикально изменилась, поскольку все судебные акты размещаются в интернете, да и пресса стала более свободной. Поэтому вопрос о том, могут ли суды игнорировать свои прежние решения, попросту уже не стоит.

Нет оснований отрицать и обязанность судов применять закон во всех случаях одинаково, что по сути означает следование прецедентам и вообще правовым позициям высших судов. Если же прецедент противоречит закону, то судья вправе мотивированно отказаться применять такой прецедент – точно также, как это происходит в случае противоречия между законом и подзаконным актом. Принцип верховенства закона следованием прецеденту нисколько не нарушается. Поэтому не может не удивлять утверждение о том, будто прецедентные решения Верховного Суда РФ никто не сможет оспорить (проверить на соответствие закону). Обратимся к ст. 120 Конституции РФ: «Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом». Разве постановление Пленума не есть акт государственного органа? Или положение ст. 120 Конституции РФ на него не распространяется? Таким образом, сама Конституция РФ решает вопрос о проверке актов высших судов в порядке конкретного нормоконтроля.

У многих правоведов существует так же мнение, что судебный прецедент несовместим с разделением властей [9]. Сторонникам этого

мнения необходимо разъяснить, почему такой проблемы не возникает там, где имеются как прецедент, так и разделение властей (в Великобритании, США, Канаде и т.д.). Заметим, что речь идет как раз о тех странах, где доктрина разделения властей давно и прочно получила повсеместное признание. Готовы ли сторонники чистоты доктрины разделения властей утверждать, что в этих странах оно является не более чем фикцией? А как быть с нормотворчеством органов исполнительной власти или указами главы государства, которые в совокупности составляют огромный массив юридических норм? Как их существование сочетается с требованием о том, что создание норм должно быть прерогативой лишь одной (законодательной) ветви власти?

На основании изложенного, противникам прецедента можно посоветовать сосредоточить свой критический пыл именно на законодательстве: чем более четким и однозначным оно станет, тем меньшее практическое значение будет иметь судебный прецедент. В настоящее время можно только констатировать: России без него не обойтись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов А.А. Речь о прецеденте // Ведомости. 2010. 19 марта.
2. Четвернин В.А., Юрко Г.В. Судебное правотворчество // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб., 2007. С. 368-395.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1997. Ч. 2. С. 28.
4. Butler W.E Russian Law. Oxford; №. Y, 2003. P. 94.
5. The New Encyclopaedia Britannica: 15* ed. Chicago. 2002. Vol. 16. P. 104. О китайских корнях прецедентного права также см.: NanpingLiu. Judicial Interpretation in China. Opinions of the Supreme People's Court Hong Kong, 1997. P. 34-35.
6. Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси (репринт с изд. 1902 г.). М., 1994. С. 475 и след. См. также: Петров К.В. «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI-XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4. С. 78-83.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. №1-Л.
8. Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М. 1975.
9. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право // Судебная практика как источник права. М. 1997. С. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лаптев Виктор Иванович, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин, Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России.

Служебный адрес: 241050, г. Брянск, 2-й переулок Советский д. 2[а].

***Ключевые слова**: прецедент, прецедентное право, суд, толкование, закон, правотворчество.*

УДК 343.1

Лукьянчикова С.А.

К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассмотрены понятие, предмет, объект и задачи финансово-экономической экспертизы как одной из судебных экспертиз. Приведены точки зрения некоторых авторов относительно предмета экспертизы. Рассмотрены обстоятельства, которые подлежат установлению в ходе производства экспертизы.

Финансово-экономическая экспертиза, в силу своей значимости для практической деятельности сотрудников ОВД, всегда находилась под пристальным вниманием практиков и ученых. Особый вклад в рассмотрение проблем, связанных с исследованием различных вопросов по финансово-экономической экспертизе внесли: М.В. Чадин, Л.Н. Агаева, Н.К. Болдова, Ж.А. Кеворкова, В.В. Голикова, С.П. Голубятников, Л.Л. Михайлова, И.Н. Каревская, Л.П. Климович, А.Ф. Волынский, Н.В. Лысенко, Л.Л. Михайлова, М.Г. Нерсесян, В.К. Степутенкова, и другие. Данными авторами заложен фундамент теоретических основ по рассматриваемому направлению. Однако единого мнения относительно понятия, объекта, предмета финансово-экономической экспертизы не достигнуто.

Ж.И. Ковган дал определение финансово-экономической экспертизы, как род экономической экспертизы, которая изучает отдельные стороны финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования, связанных с проверкой того, как соблюдается очередность осуществления платежей, анализируется процедура закупок товаров (услуг, работ), устанавливается наличие или отсутствие признаков криминальной экономической несостоятельности (банкротства) и т.д.

Предмет финансово-экономической экспертизы определяется, как свойства объектов и процесс их изменения под внешним и (или) внутренним воздействием на них. Они изучаются экспертами, обладающими специальными знаниями в соответствующих областях искусства, науки, ремесла, техники и других сферах деятельности. Изучения проводятся с помощью специальных методик, которые разработаны в пределах определенной компетенции, специально для этих целей и при этом учитываются те вопросы, которые ставит перед ним орган, назначающий данную экспертизу.

Ю.К. Гаджиев, предмет финансово-экономической экспертизы подразделяет на три направления: финансовые операции; финансовые показатели деятельности; фактические данные, отражающие формирование, распределение и использование экономическим субъектом доходов и денежных фондов [1].

Объекты финансово-экономической экспертизы во многом идентичны с объектами судебно-бухгалтерских экспертиз и включают в себя документацию, дающую представление о финансово-кредитной деятельности организации (предприятия), документы, которые отражают затраты и финансовые результаты ее деятельности, финансовые источники и направления их использования. К ним относятся: договоры между предприятиями и организациями различных форм собственности и приложения к ним, накопительные документы бухгалтерского учета, журналы – ордера, ведомости и другие регистры, главная книга, или книга регистрации хозяйственных операций, а также баланс предприятия и приложения к нему. При проведении финансово-экономических экспертиз изучаются не только финансовые операции, а так же фактические данные из документов, на основании которых они совершались.

К примеру, исследуя вопросы, связанные с установлением факта достаточности денежных средств на расчетном счете для погашения долга перед кредитором, анализу подвергаются банковские выписки, а также сведения из документов, которые являются основанием для совершения денежных переводов (например, платежные поручения, заявления на бронирование денежных средств, и т.д.), другими словами, отражают необходимость ее осуществления [2].

Финансово-экономическая экспертиза актуальна во многих спорных ситуациях при кредитных и валютных операциях, банкротстве, хищении имущества и т.д. В результате проведения данной экспертизы эксперты-экономисты устанавливают:

1) нарушения в области кредитования и финансирования;
2) кредитоспособность заемщика;
3) источник доходов организаций, их распределение и расходование;

4) общее финансовое состояние предприятий и эффективность его деятельности;

5) случаи, способы и причины искажения данных о доходах;

6) причины появления разного рода задолженностей;

7) нарушение применения денежных фондов и обоснованности их формирования [3].

При производстве финансово-экономической экспертизы:

- исследуются основные показатели финансово-экономической деятельности и финансового состояния экономических субъектов;

- проверяются результаты и расчеты, которые могут привести к искажению данных о показателях деятельности экономического субъекта;

- исследуется распределяемая прибыль организации, для расчета долевого участия учредителей в имуществе;

- изучаются те признаки и способы, которые могут искажать данные о финансовых показателях, определяющих кредитоспособность, платежеспособность, возвратность и использование кредитов данных субъектов;

- определяются основные направления, которые рассматривают размеры и величины оплаты труда с целью установления расхождений от действующих норм.

Во время проведения данной экспертизы решаются основные задачи, такие как:

- в случаях предоставления ложной информации о доходах или расходах, при проведении экспертизы выявляется реальная и экономическая обоснованность финансовых показателей предприятия;

- изучаются аспекты, по причине которых изменились финансовое состояние и платежеспособность предприятия;

- происходит оценка и анализ структуры, на сколько динамично состояние доходов и расходов в предприятии, с целью определить наличие диспропорций, которые могли оказать влияние на величину балансовой прибыли и показателей, которые с ней связаны;

- определение наличия диспропорций между себестоимостью продукции и динамикой цен в целях установления фактов искажения отчетных данных о прибыли;

- установление негативных отклонений в распределении и использовании прибыли, которые привели к необоснованному завышению сумм денежных средств, оставляемых в распоряжении предприятия; анализ расчетных операций.

Выявление фактов искажения данных бухгалтерского учета и отчетности, изучение и раскрытие сущности экономических показателей является одной из главных задач при оказании помощи судебным и правоохранительным органам.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным констатировать следующее, что финансово-экономическая экспертиза дает представление об обстоятельствах финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования. В ее предмет исследования входят: финансовые показатели; финансовые операции; сведения из документов, являющиеся основанием для совершения финансовых операций. Результаты финансово-экономической экспертизы выступают в качестве доказательств по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковган Ж.И. Предмет финансово-экономической экспертизы // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 2(38). С. 139.

2. Мамкин А.Н. Теоретические основы судебно-экономической экспертизы // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 122-127.

3. Кеворкова Ж.А., Бахолдина И.В. Судебно-экономическая экспертиза. Практикум: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2015. 191 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукьянчикова Светлана Анатольевна, преподаватель кафедры уголовного судопроизводства, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

***Ключевые слова**: финансово-экономическая экспертиза, предмет финансово-экономической экспертизы, объекты финансово-экономической экспертизы, эксперт.*

УДК 343.1

Марковичева Е.В.

ПРОБЛЕМА ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

В статье анализируются проблемы оглашения показаний несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в суде. Обозначены

направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, способствующие установлению баланса между правами участников процесса и назначением уголовного судопроизводства.

В современном российском уголовном процессе процессуальное положение несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля отличается фрагментарностью правового регулирования. Это создает определенный риск нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем, процессуальная деятельность, предполагающая участие несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в производстве по уголовному делу, отличается спецификой, поскольку должна предотвратить вторичную виктимизацию несовершеннолетнего.

Целевая установка на снижение психотравмирующего воздействия уголовного процесса на несовершеннолетних потерпевших и свидетелей получила закрепление и в международных правовых актах. В первую очередь, речь должна идти о Руководящих принципах, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, в которых прямо указывается на то, что «обращение с детьми – жертвами и свидетелями должно основываться на проявлении заботы и учета их интересов в течение всего процесса отправления правосудия, учитывая их конкретное положение и непосредственные потребности, возраст, пол, состояние здоровья и уровень зрелости, и при полном уважении их физической, психической и нравственной неприкосновенности» [1].

В настоящее время российская судебная практика часто сталкивается с необходимостью установления разумного баланса между назначением стадии судебного разбирательства и необходимостью обеспечения охраны прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. С одной стороны, суд должен обеспечить реализацию права на судебную защиту, на надлежащую процедуру судебного разбирательства, с другой, – учесть интересы несовершеннолетних участников процесса.

К сожалению, многие проблемы, возникающие при рассмотрении уголовного дела с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, носит вторичный характер, поскольку проистекают из недостатков предварительного расследования.

К числу таких проблем относится и оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в суде. С целью уменьшения психотравмирующего воздействия на несовершеннолетнего процедуры допроса в судебном заседании уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность оглашения его показаний в судебном заседании с демонстрацией видеозаписи его допроса на предварительном

расследовании. Как отмечают исследователи, в данном случае «применение видеозаписи показаний несовершеннолетнего фактически является императивом» [2, с. 33].

Приходится признать, что в судебной практике нередкими стали случаи поступления уголовных дел, в рамках расследования которых видеозапись следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля не производилась. Обычно, материалы такого уголовного дела содержат отказ законного представителя от проведения видеосъемки. Чтобы противостоять распространению такой практики суды стали выяснять обстоятельства получения такого отказа. При этом может выясниться, что именно следователь склонил законного представителя к написанию такого отказа. К сожалению, в ст. 191 УПК РФ не нашла закрепления норма, обязывающая следователя разъяснять законному представителю последствия отказа от видеосъемки. Однако в случае установления оказания давления на законного представителя у суда появляются основания для вынесения частного определения.

При разрешении таких сложных ситуаций суды ориентируются на п. 12 Постановления Пленума № 51 от 19 декабря 2017 г. «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» [3], в котором указывается на необходимость системного применения судами уголовно-процессуальных норм, закрепленных в ч. 6 ст. 281 и ч. 5 ст. 191 УПК РФ. В интересах несовершеннолетнего суд вправе огласить показания несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля даже при отсутствии видеозаписи.

Следует отметить, что такая позиция Верховного Суда ни в коей мере не противоречит и практике Европейского Суда по правам человека. Например, показательным в этом плане является Решение ЕСПЧ от 20 января 2005 г. по делу «Аккарди и другие против Италии» [4], в котором была дана оценка компенсаторному механизму, обеспечивающему баланс между интересами несовершеннолетних потерпевших и правом обвиняемых на надлежащую процедуру судебного разбирательства. В решении по данному делу ЕСПЧ признал не противоречащим принципу справедливого судебного разбирательства процедуру, при которой суд не стал допрашивать несовершеннолетних потерпевших, ограничившись видеозаписью допроса. Допустимой была признана и процедура, в рамках которой ряд вопросов на предварительном допросе был задан детям не следственным судьей лично, а опосредованно через специалиста социальной службы.

В целом такой подход соответствует не только задаче обеспечения повышенной процессуальной охраны прав несовершеннолетних, но и принципам возрастной психологии. Специалисты-психологи негативно оказывают практику неоднократных допросов несовершеннолетнего как с

точки зрения их психотравмирующего воздействия, так и с точки зрения сохранения позитивного психологического контакта между допрашивающими лицами и несовершеннолетним. Ребенок в силу возрастных психологических особенностей не понимает смысла и значения многократных допросов. Как справедливо отмечает Л.В. Брусницын, «с точки зрения ребенка, повторный допрос означает недоверие к его словам» [5, с. 90].

В качестве перспективных направлений для разрешения ситуаций, связанных с оглашением показаний несовершеннолетних в судебном заседании, следует определить реформирование уголовно-процессуального законодательства и выработку единообразных подходов к его применению. Продуктивным может стать и изучение зарубежного опыта создания компенсаторных механизмов при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Например, в Казахстане с введением института следственного судьи стало возможным депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, которое производится с участием законного представителя и психолога. Интересным с точки зрения обеспечения прав несовершеннолетних видится и использование дистанционного допроса, применяемого в ряде государств.

Обозначенные проблемы должны стать предметом обсуждения научного сообщества с тем, чтобы выработать целостную концепцию реформирования уголовно-процессуального закона и избежать практики внесения «лоскутных» изменений в действующий УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений: Приняты 22.07.2005 Резолюцией 2005/20 на 36-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН // СПС КонсультантПлюс.

2. Кальницкий В.В., Овчинникова М.М. Видеозапись следователем (дознавателем) показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Законодательство и практика. 2016. № 1(36). С. 32-36.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Российская газета. № 297. 29 декабря 2017.

4. Решение ЕСПЧ от 20.01.2005 по делу «Аккарди и другие (Accardi and others) против Италии» (жалоба № 30598/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 6.

5. Брусницин Л.В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марковичева Елена Викторовна, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия.

Служебный адрес: 117418, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.

***Ключевые слова**: уголовное судопроизводство, оглашение показаний, несовершеннолетний, судебное разбирательство.*

УДК 343.1

Мельник Е.А., Гришин А.В.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена заключению под стражу УПК РФ. В ней рассматриваются понятие, юридическая характеристика и назначение меры пресечения в виде заключения под стражу, рассмотрены проблемы так называемого «повторного» задержания.

Заключение под стражу сопряжено со значительным ограничением прав личности, фактического лишения свободы и соблюдения строгого режима в следственных изоляторах. Ввиду сказанного данная мера процессуального принуждения должна применяться только в тех случаях, когда применение других мер пресечения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, будет недостаточным для достижения поставленных целей.

В Международном пакте о гражданских и политических правах [2] в ч. 3 ст. 9 закрепляется, что «каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в

зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора».

Конституцией Российской Федерации [3] установлены жесткие механизмы применения заключения под стражу. В частности п. 2 ст. 22 закрепляет правило о судебном порядке применения данной меры пресечения: «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Заключение под стражу максимально ограничивает права, свободы и личную неприкосновенность человека и гражданина [1].

В соответствии с ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] заключение под стражу «применяется по судебному решению».

Отсутствие у подозреваемого или обвиняемого документов, удостоверяющих его личность, само по себе не свидетельствует о наличии обстоятельства, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Суд должен решать вопрос о заключении под стражу в каждом случае в отношении конкретного лица, официально поименованного в своем постановлении. Установление личности подозреваемого на стадии предварительного расследования сложнейшая задача следствия и одновременно обязательное условие обращения в суд с ходатайством о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство, оно должно быть уместным, так как неприменение или несвоевременное применение заключения под стражу может повлечь наступление негативных последствий в виде безнаказанности виновных, а также опасный и особо опасный рецидив.

Уголовно–процессуальное законодательство Российской Федерации не раскрывает понятия «заключение под стражу», есть только доктринальные определения, которые дают авторы в своих работах. Необходимо рассмотреть различные точки зрения отдельных ученых на понятие «заключение под стражу», чтобы лучше понять сущность данной меры пресечения.

Так, В.В. Вандышев [4] определяет заключение под стражу как: «ограничение личной свободы лица с помещением его в специальное учреждение, именуемое следственным изолятором (СИ, СИЗО), в связи с подозрением или обвинением в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения».

Н.А. Колоколов определяет его как: «физическую изоляцию подозреваемого, обвиняемого от общества, содержание его, в буквальном смысле слова, под стражей в специально для этого предназначенных учреждениях».

А.П. Кругликов считает, что заключение под стражу – «самая строгая мера пресечения, состоящая в изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества путем помещения его в место предварительного заключения, то есть временное лишение его свободы».

Также, в Модельном Уголовно-процессуальном кодексе для государств-участников СНГ дается определение ареста как: «содержания лица под стражей в местах и условиях, определенных законом». В Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, слово «арест» означает «акт задержания лица по подозрению в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа».

Еще одна точка зрения на понятие заключения под стражу определяется в литературе Б.Т. Безлепкиным [5] следующим образом «ограничение личной свободы подозреваемого или обвиняемого с помещением их в специальное учреждение, именуемое следственным изолятором (СИ, СИЗО)».

Таким образом, по мнению большинства ученых, заключение под стражу - это мера пресечения, представляющая собой изоляцию подозреваемого или обвиняемого, виновность которых не установлена вступившим в законную силу приговором суда, от общества, путем помещения в специальное учреждение. Она применяется для того, чтобы они не скрылись от дознания, предварительного следствия и суда, не воспрепятствовали установлению истины по уголовному делу и не продолжили заниматься преступной деятельностью. То есть все те основания, которые перечислены в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и дающие право суду для применения указанной меры пресечения.

Под назначением заключения под стражу в литературе понимается связь оснований применения мер пресечения и целей, обеспеченных государственным принуждением.

В.П. Божьев считает, что «они предназначены для урегулирования правовых отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства, во всех случаях, когда необходимо исключить для подозреваемого, обвиняемого любую возможность скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, продолжить преступную деятельность, уничтожить доказательства или другим путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Мера пресечения может избираться также в целях обеспечения исполнения приговора».

Таким образом, важнейшим назначением заключения под стражу является создание благоприятные условий для реализации задач уголовного процесса, достижение истины по уголовным делам, обеспечение оптимальных условий для повышения раскрываемости преступлений.

В п. 29 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорится о том, что «применение меры пресечения - процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения».

В литературе по поводу правовой природы производства по применению заключения под стражу имеется несколько точек зрения. Так, некоторые авторы считают, что заключение под стражу и содержание под стражей входят в предмет науки уголовно-исполнительного права, а не уголовно-процессуального. Данные авторы, таким образом, приравнивают между собой применение заключения под стражу как меры пресечения и лишение свободы как меры уголовного наказания. Действительно, заключение под стражу как мера пресечения значительно ограничивает права личности и по своей сути граничит с наказанием в виде лишения свободы, но, тем не менее, мы не может утверждать, что меры пресечения являются мерами уголовного наказания.

«Юридическая природа мер процессуального принуждения характеризуется тем, что это не уголовно-правовые санкции, сниженные признанием лица виновным в совершении преступления. Они, в отличие от санкций в уголовном праве, призваны обеспечивать нормальную уголовно-процессуальную деятельность».

Для того чтобы разграничить данные явление, их необходимо сопоставить и выявить существенные различия.

Во-первых, разграничение проводится по целям. Заключение под стражу как мера пресечения применяется к лицу в превентивных целях с тем, чтобы лицо не могло скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, предупреждение им совершение новых преступлений и попыток угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Содержание под стражей не является карой или средством перевоспитания подозреваемого (обвиняемого) за совершенное преступление, а поэтому носит охранительный характер. Наказание в виде лишения свободы, как закреплено в п. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации [6] применяется «в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

Во-вторых, правовое положение в рамках уголовного процесса. Заключение под стражу применяется к лицам подозреваемым

(обвиняемым) в совершении преступления, то есть к лицам, чья вина в совершении преступления будет доказана судом, а значит, она лишь предполагается. Лишение свободы как мера уголовного наказания применяется к лицам, осужденным в совершении преступления, то есть к тем, кто признан виновным, о чем свидетельствует вступившее в законную силу решение суда.

В-третьих, различие также проводится по местам содержания. Лица, заключенные под стражу содержатся в специализированных учреждениях - следственных изоляторах.

Местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых также являются:

1) следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы;

2) изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел;

3) изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности.

4) местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых могут являться учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы и гауптвахты».

«Подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, могут содержаться в тюрьмах или на территориях учреждений, исполняющих наказания, в специально оборудованных для этих целей помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов».

В пп. 9, 10 ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации указано, что «наказание в виде лишения свободы исполняется колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой, а в отношении некоторых лиц, следственным изолятором. Наказание в виде пожизненного лишения свободы исполняется исправительной колонией особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы».

В-четвертых, по воспитательной направленности. Заключение под стражу как мера пресечения не имеет цели исправления и перевоспитания лиц подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления. В то время как в ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации закреплено, что «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами»

В-пятых, применение судом уголовного наказания имеет такое негативное последствие, как признание лица судимым. Применение заключения под стражу не влечет таких последствий [7].

Таким образом, представляется правильным, что вышеприведенные разграничения доказывают различную природу заключения под стражей как меры пресечения и лишение свободы как меры уголовного наказания и соответственно их отнесение к различным отраслям права, а, следовательно, и предметам наук. Меры пресечения является уголовно-процессуальным институтом, а меры уголовного наказания – уголовно-правовым.

Вторая группа авторов считает, что заключение под стражу по своей природе находится на границе уголовного процесса и уголовно-исполнительной деятельности. Таким образом, заключение под стражу, по мнению данных авторов, примыкает как к нормам уголовно-процессуального кодекса, так и к нормам уголовно-исполнительного кодекса. Третья группа авторов считает, что нормы о заключении под стражу имеют самостоятельный предмет правового регулирования. Однако данная точка зрения подвергается критике, хотя бы потому, что они не раскрывают предмет, признаки, а также законодательного акта, который бы регулировал отношения по применению заключения под стражу. Очевидно, что законодателю без надобности не стоит усложнять самостоятельными процессуальными актами заключение под стражу, когда целесообразней оставить их включенными в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Достаточно обвинения в совершении преступления или наличие возможности выдачи лица для избрания одной из мер уголовно-процессуального пресечения. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 19.12.13 г. № 41 указал в абз.2 п.3,что «заключение под стражу не может быть избрано в качестве меры пресечения, если отсутствуют предусмотренные ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации основания».

В качестве оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения [9].

И.М. Гуткин [10] высказал мысль о том, что «в основании применения мер пресечения к лицу до предъявления обвинения обязательно должно входить наличие достаточных данных для подозрения в совершении преступления». Эта идея была воспринята и развита А.А. Чувилевым. Некоторые авторы утверждают, что «основанием

применения мер пресечения являются достаточные данные, из которых можно сделать вывод о возможности обвиняемого совершить то или иное действие, для предупреждения которого избирается мера пресечения». Но данное понятие не отвечает на вопрос о том, в каком случае следует избирать ту или иную меру пресечения.

П.А. Лупинская [11] указывает, что «в уголовно-процессуальной деятельности обстоятельства, составляющие фактическое основание решения, устанавливают путем доказывания – деятельности, состоящей в собирании, проверки оценки доказательств».

Представляется правильным, что материально-правовым основанием является наличие достаточных данных, указывающих на подозреваемого (обвиняемого) как на лицо, совершившее уголовно-наказуемое деяние.

Основаниями с одной стороны могут являться сведения, указывающие на вероятный характер совершения того или иного преступного деяния с другой обстоятельствами, которые образуют неправомерные действия подозреваемого (обвиняемого). Одновременное наличие этих двух условий и будет поводом к избранию данной меры пресечения [12].

Следователь и дознаватель, возбуждая перед судом соответствующее ходатайство, надлежащим образом должны проверить правильность и обоснованность квалификации содеянного. Быть уверенными в подкрепленных достоверными доказательствами материалах дела, подтверждающие обоснованность данного ходатайства, что подозреваемый (обвиняемый) скроется от дознания, предварительного следствия или суда, либо продолжит заниматься преступной деятельностью, либо иным образом воспрепятствует установлению истины по делу или обеспечению исполнения приговора.

Если есть сомнения в применении мер уголовно - процессуального принуждения они не должны применяться, а собранные доказательства должны отвечать всем требованиям закона к относимости, достоверности и допустимости. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что основанием применения мер пресечения следует рассматривать данные, которые свидетельствуют о степени вероятности неправомерного поведения, для предупреждения которого они избираются. Следовательно, если такая вероятность высока, то это является достаточным основанием для применения заключения под стражу. В то же время как небольшая степень вероятности наступления неправомерного поведения позволяет применять иную, более мягкую, меру пресечения [13].

В.Н. Григорьев [14] указывал на сочетание двух условий: «1) необходимости немедленной изоляции подозреваемого из-за опасения, что, оставленный на свободе, он скроется от дознания или предварительного следствия или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью;

2) невозможности немедленного применения меры пресечения – заключения под стражу ввиду отсутствия достаточных оснований либо наличия объективных препятствий для ее ненадлежащего оформления (большая удаленность, ночное время, стихийные бедствия). Если отсутствует хотя бы одно условие, задержание не применяется».

Между тем, конкретный перечень условий не закреплен в уголовно-процессуальном законодательстве, в том числе и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, как к мерам пресечения вообще, так и к заключению под стражу в частности. Законодатель прямо не говорит о том, что при применении заключения под стражу нужно соблюдать условия. Тем не менее, ряд ученых-процессуалистов считают, что именно наряду с основаниями необходимо учитывать условия и в этом случае делается возможной реализация данной меры пресечения.

В заключение приведём данные опроса сотрудников правоохранительных органов, полученные при проведённом анкетировании [15].

На вопрос «Как вы считаете, с какого момента должен исчисляться срок задержания?» ответы распределились следующим образом: ГУ МВД России по Воронежской области (приложение 2.1.) А) с момента фактического задержания – 63,04 %; Б) с момента доставления в уполномоченный орган – 13,04 %; В) с момента процессуального задержания – 23,91 %; Г) иное (указать свой вариант ответа) - 0 %; УМВД России по Липецкой области (приложение 2.2.) А) с момента фактического задержания – 68,05 %; Б) с момента доставления в уполномоченный орган – 14,5 %; В) с момента процессуального задержания – 17,3 %; Г) иное (указать свой вариант ответа) – 0 %; УМВД России по Курской области (приложение 2.3.) А) с момента фактического задержания – 47,6 %; Б) с момента доставления в уполномоченный орган – 9,5 %; В) с момента процессуального задержания – 42,8 %; Г) иное (указать свой вариант ответа) - 0 %; УМВД России по Брянской области (приложение 2.4.) А) с момента фактического задержания – 65,38 %; Б) с момента доставления в уполномоченный орган – 3,85 %; В) с момента процессуального задержания – 33,33 %; Г) иное (указать свой вариант ответа) – 0 %; ГУ МВД России по г. Москве (дознание) (приложение 2.5.) А) с момента фактического задержания – 48,24 %; Б) с момента доставления в уполномоченный орган – 11,76 %; В) с момента процессуального задержания – 25,88 %; Г) иное (указать свой вариант ответа) – 0 %; СЧ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве (следствие) (приложение 2.6.) А) с момента фактического задержания – 30,19 %; Б) с момента доставления в уполномоченный орган – 26,42 %; В) с момента процессуального задержания – 54,72 %; Г) иное (указать свой вариант ответа) – 1,89 %; Следственных подразделений ГУ МВД России по г. Москве (следствие)

(приложение 2.7.) А) с момента фактического задержания – 36,44 %; Б) с момента доставления в уполномоченный орган – 12,71 %; В) с момента процессуального задержания – 50,00 %; Г) иное (указать свой вариант ответа) – 0,85 %; Управление экономической безопасности и противодействия коррупции, УРЛС ГУ МВД России по Московской области (приложение 2.8.) А) с момента фактического задержания – 86,48 %; Б) с момента доставления в уполномоченный орган – 10,81 %; В) с момента процессуального задержания – 5,4 %; Г) иное (указать свой вариант ответа) – 0 % [15].

Интересными представляются ответы на вопрос: «Возможно ли по вашему мнению, **повторное задержание лица *по подозрению в совершении одного и того же преступления***?» ответы распределились следующим образом: ГУ МВД России по Воронежской области (приложение 2.1) А) да, в любом случае – 8,6 %; Б) да, при наличие разных мотивов – 6,5 %; В) да, при наличие разных оснований – 54,34 %; Г) нет, **повторное задержание невозможно – 30,43** %; УМВД России по Липецкой области (приложение 2.2) А) да, в любом случае – 59,7 %; Б) да, при наличие разных мотивов – 14,9 %; В) да, при наличие разных оснований – 25,4 %; Г) нет, **повторное задержание невозможно – 0** %; УМВД России по Курской области (приложение 2.3) А) да, в любом случае – 9,5 %; Б) да, при наличие разных мотивов – 19,04 %; В) да, при наличие разных оснований – 38,09 %; Г) нет, **повторное задержание невозможно – 28,5** %; УМВД России по Брянской области (приложение 2.4.) А) да, в любом случае – 5,13 %; Б) да, при наличие разных мотивов – 15,38 %; В) да, при наличие разных оснований – 34,62 %; Г) нет, **повторное задержание невозможно - 47,44** %; ГУ МВД России по г. Москве (дознание) (приложение 2.5) А) да, в любом случае – 11,76 %; Б) да, при наличии разных мотивов – 5,88 %; В) да, при наличии разных оснований – 29,41 %; Г) нет, **повторное задержание невозможно – 52,94** %; СЧ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве (следствие) (приложение 2.6) А) да, в любом случае – 15,09 %; Б) да, при наличии разных мотивов – 9,43%; В) да, при наличие разных оснований – 37,74 %; Г) нет, **повторное задержание невозможно – 39,62** %; Следственных подразделений ГУ МВД России по г. Москве (следствие) (приложение 2.7) А) да, в любом случае – 16,95 %; Б)–да, при наличии разных мотивов – 5,08 %; В) да, при наличие разных оснований – 33,05%; Г) нет, **повторное задержание невозможно – 43,22** %; Управление экономической безопасности и противодействия коррупции, УРЛС ГУ МВД России по Московской области (приложение 2.8) А) да, в любом случае – 0%; Б) да, при наличие разных мотивов – 8,10 %; В) да, при наличие разных оснований – 56,75%; Г) нет, **повторное задержание невозможно – 27,02** % [15].

Таким образом, в абсолютных показателях по регионам, только в 33,65 % случаев из числа респондентов сотрудников правоохранительных

указали, что **повторное задержание в соответствии с УПК РФ невозможно**. Это **1/3** в общих числах по названным выше регионам. В остальных **2/3** случаев респонденты считают, что **повторное задержание возможно в соответствии с УПК РФ.** Данная мера процессуального принуждения, как показывают данные опроса, регулярно реализуется следователями и дознавателями [15].

Ввиду обозначенных проблем, учитывая данные анкетирования, а также имеющейся следственной и судебной практики, рассмотрим процессуальные аспекты повторного задержания подозреваемого в совершении одного и того же преступления.

Возможность повторного задержания прямо вытекает из норм международных документов, каковыми являются вышеназванные Европейская конвенция о выдаче, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче (Анкара, 1 декабря 2014 года), прямо указывающих на возможность повторного задержания. В совокупности с частью 3 статьи 1 УПК РФ «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства»: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора».

Вышеизложенное говорит о допустимости повторного задержания в уголовном судопроизводстве. А данные статистического опроса в абсолютных показателях по регионам, показывает, что в **2/3** (из 100 %) случаев респонденты считают, что **повторное задержание возможно в соответствии с УПК РФ.** Более того, **повторное задержание** реализуется следователями и дознавателями в своей практической деятельности [15].

В то же время, следует учитывать и аргументацию Абрамочкина В.В., приведённую выше, которая сводится к тому, что «решение вопроса о законности повторного задержания должно основываться на наличии новых обстоятельств, при невозможности иным путем обеспечить явку подозреваемого, обвиняемого в суд для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу» [16].

Добавим, что Конституционный Суд РФ, изучив жалобу А.А. Зиновьева, указал, что ст. 210 УПК РФ, устанавливающая порядок проведения розыска подозреваемого и обвиняемого, как сама по себе, так и в нормативном единстве с положениями ст. 46 и главы 12 УПК РФ, определяющими правовой статус подозреваемого и порядок его задержания, не содержит каких-либо предписаний, которые вопреки ст. 22

(ч. 2) Конституции Российской Федерации допускали бы возможность задержания подозреваемого, объявленного в розыск, на срок более 48 часов без судебного решения [17].

Тем не менее, несмотря на сложившуюся практику, ***закрепление в Конституции Российской Федерации невозможности задержания без судебного решения на срок более 48 часов требует от законодателя новых подходов к решению проблемных вопросов, возникающих в связи с необходимостью повторного задержания***. Следует отметить, что проблематично и изучение рассматриваемых ситуаций, поскольку не существует каких-либо статистических данных, отражающих их сущность. Интервьюирование следователей, судей, адвокатов, представителей юридической науки, в том числе некоторых членов научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации показывает, что исследуемая проблема существует и ее следует решать на законодательном уровне [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 01.05.2017) // Собрание законодательства РФ. 2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976, № 17, ст. 291.
3. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4, ст. 445.
4. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: ВолтерсКлувер, 2016. 700 с.
5. Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 4-е издание (переработанное и дополненное). М.: Проспект, 2014. 393 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.06.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
7. Азаров В.А., Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: монография. Омск: Издательство ОмГУ, 2013. 198 с.

8. Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сборник статей / ред. кол.: В.И. Качалов [и др.]. М.: ВолтерсКлувер, 2015. 511 с.

9. Трунов И.Л. Меры пресечения в уголовном процессе / И.Л. Трунов, Л.К. Айвар (Трунова). СПб.: Юридический центр, Пресс, 2013. 252 с.

10. Гуткин И.М. Некоторые вопросы теории и практики применения мер пресечения в советском уголовном процессе // Труды ВШМ МВД СССР. М., 1971. Вып. 28. 489 с.

11. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1976. 741 с.

12. Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2014. 302 с.

13. Мельников В.Ю. Меры принуждения в ходе досудебного производства / Д.Ю. Мейер; под ред. А.Б. Паламарчук. М.: Академцентр, 2017. 166 с.

14. Григорьев В.Н. Непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания, следователем, прокурором, судом: дис. … канд. юрид. наук. М., 1982. 234 с.

15. Данные анкетирования: ГУ МВД России по Воронежской области – участвовало 46 чел; УМВД России по Липецкой области– участвовало 144 чел.; УМВД России по Курской области – участвовало 21 чел.; УМВД России по Брянской области – участвовало 78 чел.; ГУ МВД России по г. Москве (дознание) – участвовало 85 чел.; СЧ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве (следствие) – участвовало 53 чел.; Следственных подразделений ГУ МВД России по г. Москве (следствие) – участвовало 118 чел.; Управление экономической безопасности и противодействия коррупции, УРЛС ГУ МВД России по Московской области – участвовало 37 чел.

16. Абрамочкин В.В. Задержание подозреваемого, обвиняемого при наличии новых оснований // Вестник МВД России. 2017. № 5. С. 122-123.

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.03.2007 № 175-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зиновьева Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksrf.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельник Евгения Александровна, доцент кафедры «Гражданское право» юридического факультета, ФГБОУ ВО «Российская академия

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Среднерусский институт управления - филиал», Российская Федерация, г. Орёл.

Служебный адрес: 302028, г. Орел, Победы бульвар, д. 5А.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: заключение под стражу, УПК РФ, возбуждение уголовного дела.*

УДК 343.1

Митрофанова О.А.

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ

Статья освещает актуальный вопрос правового регулирования, а также применения на практике такой меры процессуального принуждения как наложение ареста на имущество. Обозначаются особенности данной меры, и условия ее применения.

На современном этапе в правоприменительной практике имеет место быть ненадлежащие исполнение судебных решений в рамках имущественных взысканий. Стоит отметить, что время, которое затрачивается на расследование преступления, а также на судебное рассмотрение дела весьма значительное. Тем самым лицо без особых проблем может и чаще всего предпринимает меры по сокрытию своего имущества, что влечет за собой невозможность его взыскания.

На данный момент основной способ противодействия данному явлению является такая мера процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество. Но как бы, ни казалось данное решение вышеуказанной проблемы простым и однозначным, возникают определенные трудности применения данной меры на практике, а так, же многие аспекты данной меры в теории имеют неоднозначное мнение ученых-юристов.

Под наложением ареста на имущество понимается ограничения права собственности (иного вещного права) для предупреждения ее сокрытия или отчуждения с целью обеспечения исполнения приговора в

части имущественных взысканий [1]. Стоит отметить то, что не во всех случаях возможно физическое изъятие имущества, например, невозможно изъять недвижимое имущество, бездокументарных ценных бумаг или денежных средств и иных ценностей, находящихся во вкладах или на хранении в банках. Для подобных случаев законодатель определил, что арестованное имущество может быть изъято либо передано согласно усмотрению лица, производившего арест, в сохранение владельцу или собственнику данного имущества или другому лицу, которые должны быть предупреждены об ограничениях, которым подвергнуто имущество, и ответственности за его сохранность [1].

Но непосредственно для применения данной меры требуется наличие определенных условий, без наличия которых данная мера применятся, не будет. К данным условиям относят следующее:

1. наличие уже возбужденного уголовного дела;
2. наличие у следователя (дознавателя) процессуальных полномочий на заявление ходатайства о наложении ареста на имущество.

Так, постановлением судьи курганского городского суда от 25 ноября 2010 г. было отказано в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество с. В обосновании постановления, в частности, было отмечено то, что дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ, было возбуждено 2 сентября 2010 г. Дело должно быть завершено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения. При этом суду не было представлено данных о том, что срок предварительного расследования не истек и продлевался в установленном законом порядке [5];

3. направленность применение данной меры процессуального принуждения на достижение указанных в уголовно-процессуальном законе целей, а именно обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска.

То есть обязательно должно присутствовать основание наложения ареста на имущество, к которому относиться обоснованное предположение о том, что подлежащее взысканию имущество может быть сокрыто или отчуждено. Данное предположение должно основываться на конкретных фактах (попытке спрятать вещи, подаче объявления о продаже недвижимости, и другие). На данное обстоятельство обратил внимание Конституционный Суд РФ, который пояснил, что применение ареста, по смыслу ст. 115 УПК РФ, может иметь место лишь при определенных основаниях и условиях, указанных в уголовно-процессуальном законе, - наличии конкретных фактических обстоятельств, предопределяющих необходимость наложения ареста на имущество [3];

4. соблюдение законного порядка избрания данной меры. То есть, обязательное получение судебного решения до проведения действия;

5. круг субъектов, в отношении которых возможно применение данной меры: обвиняемый, подозреваемый; лица, несущие материальную ответственность за действия обвиняемого, подозреваемого[2]; другие лица, у которых находится имущество, в отношении которого есть основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого [1].

Так, в настоящее время законодатель не уточняет в нормативно-правовых актах, на какую сумму, и в каком объеме должно быть арестовано имущество. Из-за отсутствия уточнения в законе возникают проблемы в практике применения данной меры процессуального принуждения.

Здесь представляется логично и целесообразно принимать правило соразмерности, а то есть соответствие стоимости имущества, на которое налагается арест, размеру исковых требований или иных имущественных взысканий. В вопросе об объеме, пределах наложения ареста на имущество надлежит руководствоваться общим принципом о необходимости обеспечения полного возмещения вреда, причиненного преступлением, а имущество, подвергаемое аресту, по своей ценности должно быть эквивалентно ущербу, понесенному пострадавшим от преступления [4].

В настоящее время также проблемным аспектом является следующее, когда имущество субъекта, подлежащее аресту, до начала или в ходе расследования оказывается оформленным или переоформленным на других лиц, чаще всего из числа родных и близких субъекта. Имущество может передаваться даже без всякого оформления. Следовательно, при наложении ареста на подобное имущество требуется достоверно установить его принадлежность субъекту. Данные обстоятельства на основание уголовно-процессуального закона не входят в предмет доказывания по уголовному делу, но их определение обязательно для защиты имущественных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и решения задачи обеспечения полного возмещения вреда, причиненного преступлением. Судебная практика последнего времени показывает, что суды все чаще удовлетворяют ходатайства следователей о наложении ареста на подобное имущество.

На основании выше написанного, можно сделать следующие выводы о том, что такая мера процессуального принуждения как наложения ареста на имущество имеет весомое значение, так как обеспечивает требования потерпевшего о возмещении ему вреда, причиненного преступлением. Наложение ареста на имущество может реализоваться при конкретных обстоятельствах – условиях, с установлением присутствия или отсутствия которых закон определяет возможность использования меры принуждения. Но стоит отметить ее несовершенство в рамках правового регулирования и применения на практике, которые в последующем требуется устранять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч. 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы региональной общественной организации вкладчиков «Объединение вкладчиков "МММ”» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение конституционного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 356-О // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru.

4. Кривощеков Н.В., Булдакова В.К. Наложение ареста на имущество как основная мера обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27).

5. Уголовное дело № 3/8-201-102 // Официальный сайт Курганского городского суда Курганской области. URL: https://kurgansky--krg.sudrf.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Митрофанова Олеся Андреевна, курсант 301 учебной группы, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Научный руководитель - **Гришин Андрей Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: УПК РФ, наложение ареста на имущество, мера процессуального принуждения, обеспечение возмещения вреда.*

УДК 343.1

Морозова Н.В., Рубцова В.В.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена актуальным вопросам оценки доказательств в правоприменительной деятельности. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся формирования внутреннего убеждения при оценке допустимости доказательств. Авторами анализируются объективные и субъективные факторы убеждения следователя в процессе доказывания по уголовному делу.

Доказывание в уголовном процессе является формой познания, которая основана на общих гносеологических закономерностях и в то же самое время ей присущи свои особенности как специфической форме познавательной деятельности. Очевидно, что правильно организованное доказывание - получение доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события – позволяет достичь «правильного результата» и соответствует назначению уголовного судопроизводства. Оценка доказательств по внутреннему убеждению признана одним из основополагающих принципов уголовно-процессуального права, от которого зависит успех процессуальной деятельности. В соответствии со статьей 17 УПК РФ: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [1].

Учитывая специфику и сложность деятельности по расследованию преступлений и многообразие предложенных авторами концепций к определению структуры внутреннего убеждения, данное понятие можно охарактеризовать как весьма емкое и многогранное.

С онтологической точки зрения внутреннее убеждение представляет собой внутреннюю убежденность субъекта в сформировавшемся у него прочно сложившемся мнении, в конкретных знаниях по поводу чего-либо, раскрывающих сущность какого- либо явления.

А.В. Дулов в монографии «Судебная психология» значение термина «убеждение» рассматривает как действие, воздействие на кого-либо с целью склонить его, побудить прийти к определенному выводу, действию [2].

Внутреннее убеждение - это особая обьективно-субьективная категория.

Совокупность доказательств, правила их оценки, указанные в части 1 статьи 88 УПК РФ, и система уголовного и уголовно-процессуального

законодательства являются объективными основаниями внутреннего убеждения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Перечисленные составляющие внутреннего убеждения не зависимы от намерений и совести должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Но законодатель не ограничивает внутреннее убеждение лишь нормативными требованиями, поскольку мыслительная деятельность не может быть строго формализованной. Она протекает по законам мышления, всегда имеет в своей основе внутреннее убеждение [3].

Значительный интерес представляет собой субъективный аспект внутреннего убеждения, поскольку формируясь в сознании конкретного индивида, убеждение является плодом именно его размышлений и основано на его личном опыте.

В отличие от совокупности доказательств и закона внутреннее убеждение в гносеологическом аспекте реализуется через определенный объем знаний, которыми обладает субъект оценки доказательств. В связи с этим, познавая, оценивая и анализируя фактические обстоятельства дела, на основе совокупности знаний в области законодательства формируется твердое убеждение по поводу результата оценки доказательств, наличии либо отсутствии фактических обстоятельств, подлежащих установлению по делу, в доказанности или недоказанности вины лица, подлежащего привлечению либо уже привлеченного к уголовной ответственности.

Чувственное (психологическое) восприятие картины спора на основе свободного волеизъявления так же является субъективным аспектом внутреннего убеждения. Субъект доказывания в условиях исключающих какое-либо вмешательство со стороны удостоверяется в сделанных им суждениях относительно соответствия оцениваемого доказательства требованиям закона, об исследуемых обстоятельствах дела.

Совесть выступает в качестве одного из компонентов субъективного основания формирования внутреннего убеждения в уголовно-процессуальной сфере. Внутреннее убеждение формирует – через совесть и здравый смысл – установку на принятие решения по данному делу, в данной ситуации. Как критерий нравственности, совесть служит внутренним ограничителем вседозволенности и, таким образом, субъекты оценки доказательств испытывают чувство ответственности за принятые ими процессуальные решения перед самим собой, перед окружающими, перед обществом. Совесть представляет собой определенную поведенческую установку, основанную на личном опыте человека, сложившимся в определенном обществе с присущими ему обычаями, традициями и нравами. Законодатель возводит совесть в критерий оценки доказательств, не учитывая, что это изменчивая и преимущественно субъективная категория, которая не имеет конкретной формы выражения. Нельзя не согласиться с тем, что понятие «совесть» носит оценочный

характер, следовательно, одно и то же процессуальное решение может восприниматься разными субъектами, группами лиц неоднозначно. Даже если, руководствуясь по собственному убеждению, совестью, судья, следователь и дознаватель уверенны в правильности принятого ими решения, вопрос об установлении и характере истины, как цели уголовного судопроизводства, остается дискуссионным [4].

Иначе говоря, внутреннее убеждение человека, разумеется, и субъекта оценки как человека – это его личное, субъективное убеждение, сформировавшееся внутри и сугубо личным сознанием [5]. В связи с этим невозможно разработать универсальную формулу выявления «истинности убеждения». Следовательно, поскольку мы не исключаем допущение субъектами уголовно-процессуального права ошибок в своих суждениях при оценке доказательств, принятии решений и совершении действий, имеющих юридическое значение, вполне вероятны ошибки в правоприменительной деятельности.

Очевидно, что ошибки присущи любому виду человеческой деятельности, не является исключением и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Ошибка в общеупотребительном значении трактуется как неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях. В юридической литературе нет единого понятия следственной ошибки, но правоведы, так или иначе, отмечали данное явление в своих трудах. Как правило, данное понятие охватывает собой нарушение существенных положений уголовно-процессуального и уголовного законодательства. Но следует отметить, что ошибка на первоначальном этапе представляет собой неправильность мыслей, которые как следствие порождают неправильность действий и решений, принимаемых следователем. Поэтому, ошибка в первую очередь, в рамках познавательной деятельности, представляет собой непреднамеренное искажение объективной действительности.

Уголовно-процессуальная деятельность должна стремиться к минимизации ошибок, к своевременному выявлению и предупреждению их, поскольку ошибки неизбежно влекут за собой (или могут повлечь) с точки зрения закона неправильный (ошибочный результат) и иные неправильные последствия [6]. В связи с этим ряд правоведов утверждает, что наличие ошибок в деятельности суда и органов предварительного расследования неизбежно приводит к нарушению принципа законности – основополагающему принципу уголовного судопроизводства, в связи с этим вышеуказанные органы не имеют права на совершение ошибок.

В связи с этим следует различать ошибки и совершение должностных преступлений, преступлений против правосудия и государственной власти, которые в действительности являются нарушением законности. Допуская ошибку, субъект добросовестно заблуждается относительно правомерности либо необходимости

совершения процессуальных действий или принятия решений, у него отсутствует преступный умысел, преступная мотивация. Но, безусловно, ошибки представляют собой негативный феномен в уголовном судопроизводстве, в связи с чем, невозможно оправдать их присутствие, вместе с тем искоренить полностью их не возможно.

Существует множество причин существования ошибок в уголовно-процессуальной деятельности – низкий уровень правосознания, отсутствие профессионального мастерства у сотрудников, легкомыслие по отношению к выполняемым обязанностям. В данном случае профессиональная некомпетентность, как следствие недостаточного объёма знаний норм уголовного процесса приводит к непреднамеренному заблуждению субъектов относительно правомерности принятых ими решений, правильности оценки доказательств. Коллизии и пробелы в праве, неопределенность в толковании норм права так же являются факторами, которые приводят к ошибкам в правоприменительной деятельности.

Изобличительный уклон противостояния стороне защиты вместо всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела является одной из причин следственных ошибок. Данная проблема обусловлена состязательной конструкцией уголовного процесса, поскольку в соответствии с УПК РФ следователь представляет сторону обвинения – изобличает подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, и в то же самое время он должен беспристрастно оценивать доказательства, на основании внутреннего убеждения. Данные положения порождают противоречия в деятельности следователя. В связи с этим присутствует обвинительная односторонность следователя, то есть заинтересованность в выигрыше дела [7]. Уголовный процесс носит карательный характер и нацелен на доказывание виновности, таким образом, в основе уголовного правосудия заложены принципы обвинительного уклона. Но ведь следователь – это, прежде всего исследователь. Он не должен стремиться подтвердить приговором суда обвинение, а наоборот обязан установить фактические обстоятельства дела, собирать доказательства не только уличающие обвиняемого, но и оправдывающие, при расследовании применять не только обвинительные версии, но и оправдательные. Не смотря на то, что формально следователь оценивает доказательства «по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью», как правило, именно должностная сущность следователя диктует принять именно такое решение. В связи с этим вопрос профессиональной деформации и профессионального выгорания становится актуальным.

Таким образом, следственные ошибки представляют собой негативный уголовно-правовой феномен, причины которого следует

искать в интеллектуальной (мыслительной) деятельности субъекта, связанной с его внутренним убеждением. Под следственной ошибкой следует понимать непреднамеренные неверные суждения или действия следователя, которые повлекли или могут повлечь существенное нарушение уголовно-процессуальных норм, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Следует отграничивать должностные преступления от ошибок в правоприменительной деятельности – при неосознанной ошибке у субъекта отсутствует преступный умысел. Но, даже малейшее заблуждение, неправильный вывод, обусловленный непреднамеренным искажением окружающей действительности, способны повлечь юридически значимые последствия, как правило, причиняющие вред личности, обществу и государству, и нарушающие законный порядок осуществления уголовного судопроизводства. Поэтому, учитывая значимость проблемы, следует своевременно предупреждать, выявлять и устранять следственные ошибки наряду с преступлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.04.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из системы КонсультантПлюс.
2. Дулов А.В. Судебная психология. Минск, 1975. С. 176-177, 385.
3. Победкин А.В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-otsenki-dokazatelstv-i-ego-vliyanie-na-zakonnost-dosudebnogo-proizvodstva.
4. Чаплыгина В.Н. Нравственные начала в деятельности следователя // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 1 (70). С. 95-97.
5. Балакшин В.С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 4.
6. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 15, 400.
7. Усманова И.И., Морозова Н.В. Условия эффективности взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России. 2015. № 3 (64). С. 178-181.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Морозова Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Рубцова Валерия Витальевна, курсант 301 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова*: оценка доказательств, формирование внутреннего убеждения, процесс доказывания по уголовному делу.*

УДК 343.1

Нефедова М.В., Якубина Ю.П.

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК В ВИДЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ

В данной статье рассматривается такая мера пресечения как заключение под стражу, ее сущность, обстоятельства, при которых она применяется, а так же условия открытости судебного заседания при применении данной меры пресечения.

Актуальность этой темы не вызывает сомнений. Так как в современном мире преступления, к сожалению, стали неотъемлемой частью жизни. Но за каждое преступление лицо должно нести ответственность. Одним из видов такой ответственности является «тюремное заключение», которое, по мнению различных исследователей, является наиболее эффективной превентивной мерой. В работе мы рассмотрим вопрос: лишение свободы на определенный срок в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве.

Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, которая существенно ограничивает права и свободы граждан и, прежде всего, одно из важнейших прав – право на свободу и личную неприкосновенность. Поэтому эта мера выбирается только в том случае, если другие превентивные меры не могут обеспечить надлежащее

поведение и не уклонение от обвиняемого (подозреваемого) и строгое соблюдение ряда гарантий, установленных законом, с тем чтобы обеспечить обоснованность применения этой превентивной меры.

В то же время неприменение или несвоевременное использование заключения под стражу опасных преступников, совершивших серьезные преступления, может привести к совершению новых преступлений. Заключение под стражу - это мера, которая обеспечивает реальное прекращение незаконных действий обвиняемого (подозреваемого) в предотвращение которых направлены названные в ст. 98УПК меры пресечения.

Существующая превентивная мера заключается в принятии решений о задержании обвиняемого (подозреваемого), его размещении в следственный изолятор в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О задержании подозреваемых и обвиняемых в совершении преступленийи его содержание под стражей» до фактического исполнения обвинительного приговора в виде тюремного заключения, если это мера пресечения не будет отменена или изменена.

Заключение под стражу является самой серьезной мерой пресечения, поэтому оно должно действовать только в том случае, если невозможно применить другую, более мягкую меру пресечения

Заключение в качестве меры пресечения в ходе судебного разбирательства применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которое уголовное наказание в виде лишения свободы на срок более трех лет с невозможностью применения другой, более мягкой меры пресечения. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть выбрана в зависимости от предполагаемого или обвиняемого лица в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет при условии наличия одного из следующих обстоятельств: 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; 2) его личность не установлена; 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения; 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд. Подозреваемый, задержанный в порядке, установленном ст. 91 и 92 УПК РФ, доставляется в судебное заседание.

В соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации участие защитника при рассмотрении ходатайства об избрании заключения под стражу является обязательным, если есть основания, предусмотренные ст. 51 УПК РФ.

Это означает, что если подозреваемый, которого обвиняют органы предварительного расследования, не отказался от защитника, а во время рассмотрения этого ходатайства в суде, не имеет защитника по соглашению, тогда суд должен обеспечить участие в деле адвоката для этой цели.

Безусловно, участие адвоката при рассмотрении ходатайства следователя (дознавателя) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не является гарантией того, что заключение под стражу как мера пресечения не будет избрана судом. Однако участие адвоката в данном процессуальном действии является крайне полезным, по следующим основаниям: квалифицированная аргументация возможности избрания иной меры пресечения не связанной с лишением свободы (залог, подписка о не выезде и т.д.) консультации и помощь защитника при сборе необходимых документов для представления суду (сведения о состоянии здоровья, наличие иждивенцев, поручительства о надлежащем поведении и т.д.); в случае избрания судом меры пресечения заключения под стражу, составление и подача аргументированной жалобы в суд кассационной инстанции; и не менее важное – это уяснения какими доказательствами в отношении подозреваемого или обвиняемого располагает следствие (дознание), для формирования дальнейшей позиции по делу.

Из вышеизложенного видно, что законодатель в качестве оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу использует понятия, относящиеся к категории оценочных – «при наличии достаточных оснований полагать», «скроется от предварительного следствия», «может заниматься преступной деятельностью», может угрожать свидетелям». При таких обстоятельствах крайне важно квалифицированная и аргументированная их оценка, которая может повлиять на решение суда.

В судебном разбирательстве также может участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель. Отсутствие без уважительной причины сторон, своевременно уведомленных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки обвиняемого.

Установленное ч. 4 ст. 108 и ч. 13 ст. 109 УПК РФ общее правило, согласно которому вопросы об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения и о продлении срока ее действия рассматриваются судом в судебном заседании с обязательным участием подозреваемого, обвиняемого, имеет исключения. В частности, суд вправе в отсутствие лица: а) принять решение об избрании меры пресечения в

виде заключения под стражу в отношении обвиняемого, объявленного в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ); б) избрать данную меру пресечения в отношении не содержащегося под стражей обвиняемого, который скрылся от суда (ч. 2 ст. 238УПК РФ), при условии, что данный факт с достоверностью установлен судом; в) рассмотреть вопрос о продлении срока содержания под стражей в отношении находящегося на стационарной судебно-психиатрической экспертизе обвиняемого, психическое состояние которого исключает его личное участие в судебном заседании, или при наличии иных документально подтвержденных обстоятельств, исключающих возможность доставления обвиняемого в суд (ч. 13 ст. 109 УПК РФ); г) избрать данную меру пресечения при рассмотрении уголовного дела в суде вышестоящей инстанции, когда осужденный, должным образом извещенный о дате, времени и месте судебного заседания, отказался от участия в заседании суда, который избирает эту меру пресечения.

Суд апелляционной инстанции в случае отмены постановления судьи об отказе в удовлетворении ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу вправе в отсутствие подозреваемого, обвиняемого рассмотреть по существу указанное ходатайство только в отношении обвиняемого, объявленного в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ).

При рассмотрении судами первой и апелляционной инстанций вопросов об избрании заключения под стражу и о продлении срока действия этой меры пресечения в отсутствие подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании обязательно участие защитника.

Рассмотрение вопроса о мере пресечения в отсутствие лица, в отношении которого решается указанный вопрос, не препятствует обжалованию этим лицом судебного решения.

Статьей 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определено, что разбирательство уголовных дел во всех судах открытое, но из этого правила законодательно установлены исключения- При слушании дела в закрытом заседании посторонние не вправе присутствовать в зале, где слушается дело, в процессе присутствуют только его участники – судья, секретарь судебного заседания и стороны: государственный обвинитель, потерпевший, его законный представитель, обвиняемый, его адвокат и законный представитель. Другие участники процесса: свидетели, эксперты и другие лица могут присутствовать на судебном процессе только на время их допроса. Решение о рассмотрении дела в закрытых судебных заседаниях, в котором указаны конкретные обстоятельства, на основании которых суд принял такое решение. В закрытом судебном процессе уголовное дело может рассматриваться как полностью, так и частично.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» рассмотрение ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей проводится в открытом судебном заседании. Исключение составляют случаи рассмотрения таких ходатайств в соответствии с ч. 2 ст. 228 УПК РФ на предварительном слушании и случаи, указанные в ч. 2 ст. 241 УПК РФ, например, если открытое разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны, в том числе тайны следствия, на что должно быть указано в ходатайстве. При рассмотрении ходатайства в закрытом судебном заседании суду надлежит обеспечить сторонам возможность осуществить свои процессуальные права, вытекающие из положений ст. 108 и 109 УПК РФ. Судебное заседание может быть закрытым при наличии оснований строго указанных в законе.

Таким образом, можно сделать вывод, что заключение под стражу является эффективной мерой пресечения, так как оно предупреждает дальнейшее противоправное поведение подозреваемого, обвиняемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 10.06.2018).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184 (дата обращения: 10.06.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Нефедова Мария Викторовна, курсант 2 курса факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Якубина Юлия Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *мера пресечения, уголовный процесс, заключение под стражу.*

УДК 343.1

Пимакова О.Г.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Уголовная политика России, как и политика любого другого государства является необходимой составляющей, а преступность наряду с этим выступает неизбежным спутником. В настоящее время она находится в очевидном кризисном состоянии и связано это с отсутствием социальной обусловленности, научной обоснованности последних изменений в уголовном законодательстве, нестабильностью, рассогласованием с процессуальным законодательством.

В настоящее время работа судебной и правоохранительной системы выступает главным фактором, влияющий на инвестиционный климат в России. Наряду со школой и армией - тюрьма является одним из институтов, влияющих на социокультурные установки россиян.

Развиваясь во многих других сферах, Россия практически не движется в сторону снижения числа заключенных и ресоциализации лиц, совершивших преступления. Мы по-прежнему на восьмом месте в мире и на первом месте в Европе по числу заключенных на 100000 населения. При этом у нас высокий рецидив преступлений.

В последние годы специалисты все чаще и чаще говорят о том, что законотворчество в сфере уголовного права носит хаотичный характер. Во многом это связано с отсутствием уголовной политики. Данная проблема осознается практически всеми. Так опираясь на статистику назначения наказаний, можно сделать вывод, что в нашей стране имеет место быть избыточной репрессивности уголовного закона. Лишение свободы условно или реально назначается в качестве наказания всего 60 % осужденным. Частота выбора этого наказания, равно как и сроки лишения свободы, обусловлены содержанием уголовного кодекса.

Проанализировав современное состояние законодательства можно с уверенностью говорить о том, что в результате постоянного внесения поправок в Уголовный кодекс, уголовное право потеряло свою системность и перестало служить четким руководством для правоприменителя и общества в целом. Так, есть преступления, за которые

судья может выбирать наказание от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы, то есть степень опасности деяния обозначена слабо. Штрафы за преступление могут быть от 3 000 рублей, а за административные правонарушения - несколько сотен тысяч рублей, что также смешивает представления об общественной опасности преступлений и правонарушений.

Современный этап развития уголовного законодательства в России характеризуется зачастую беспорядочными и противоречивыми изменениями УК РФ.

Статистически состояние уголовного закона выглядит следующим образом. Кодекс разделен на две части, 12 разделов, 36 глав и 458 статей. Начиная с 1998 года 198 федеральными законами в УК РФ вносились изменения и дополнения. Интенсивность законотворчества в разные годы в численных показателях варьировалась значительно, однако наиболее значимые изменения вносились в кодекс в 2003–2004, 2009–2011 и 2016-2017 гг.

Как итог, с момента принятия в 1996 г. УК РФ, состоящего из 360 статей, в него уже было внесено более 1 500 изменений, в том числе противоречивых, в результате которых УК РФ утратил свою системность.

К числу одних из технико-юридических проблем УК РФ в настоящее время можно отнести:

• закрепленная в ст. 44 УК РФ система уголовных наказаний потеряла свою логичность, так как в результате многочисленных изменений штраф перестал быть наименее суровым наказанием, а степень тяжести иных наказаний также изменилась;

• рассогласованность санкций статей УК РФ, выражающаяся, например, в необоснованно широких пределах судейского усмотрения при выборе наказания (иногда от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы);

• разбалансирование института соучастия из-за криминализации в Особенной части УК РФ различных форм пособничества, подстрекательства, организаторства, вследствие чего пособники, подстрекатели, организаторы преступления искусственно превращаются в исполнителей самостоятельных преступлений и перестают быть соучастниками основного преступления (например, ч. 3 ст. 205.1, ч. 4 ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности», ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве» УК РФ и др.).

Пожалуй, в настоящее время нет ни одной значимой социальной группы, которая была бы удовлетворена состоянием уголовного законодательствам, хотя причины этой неудовлетворенности самые различные.

Начиная с середины 2000 годов вопрос принятия нового УК РФ периодически поднимается либо в научной среде, либо в органах

государственной власти, и, хотя подобные предложения еще далеки от своего воплощения в жизнь, они требуют внимательного отношения.

В 2016 г. В.М. Лебедев выступил с предложением принятия нового УК РФ и УПК РФ, мотивировав это тем, что многие поправки в действующий уголовный закон вносились в том числе на основании актов Конституционного суда. Такие поправки не всегда соответствуют «концепции УК РФ».

Проект уголовного кодекса был разработан в 2014-2016 г. коллективом авторов из СГЮА под руководством Н.А. Лопашенко. В проекте сохранено многое из действующего уголовного законодательства, при этом наибольшим изменениям подвергнута Особенная часть [1].

Наиболее крупные изменения авторы проекта произвели в системе наказаний:

• исключены из системы наказаний специальные наказания для военнослужащих, арест и смертная казнь;

• система наказаний приведена в соответствие с принципом «от более мягких - к более строгим».

В проекте Особенной части предложена более развернутая система разделов: вместо имеющихся шести - одиннадцать, т. е. почти в два раза больше.

Таким образом, можно обозначить три стратегических этапа развития и реализации уголовной политики на 2017-2025гг:

• 2017-2018 гг. - гуманизация уголовного законодательства и практики его применения;

• 2019-2021 гг. - систематизация уголовно-правового поля;

• 2022-2025 гг. - новая пенализация.

В 2017 г. по данным судебной статистики производство по уголовным делам в первой инстанции окончилось следующим образом:

Итоговое решение по лицам:

0 % (4297) – оправдано;

1 % (10785) – прекращено по реабилитирующим основаниям;

1 % (8574) – принудительные меры медицинского характера;

1 % (12020) – возвращено прокурору;

23 % (231510) – прекращено по другим основаниям;

74 % (762958) – осуждено.

Наибольшее количество уголовных дел прекращалось в связи с применением акта амнистии, примирения с потерпевшим или в связи с деятельным раскаянием, т.е. по нереабилитирующим основаниям [2].

При этом по состоянию на 1 октября 2017 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 640 357 чел.

1 % (2944) – вымогательство;

2 % (11083) – изнасилования, насильственные действия сексуального характера;

5 % (28284) – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью;

6 % (33133) – грабеж;

8 % (41619) – разбой;

10 % (53718) – прочие преступления;

14 % (75245) – кража;

26 % (134245) – преступления, связанные с наркотиками;

28 % (144432) – убийство.

Уровень лишенных свободы по приговору суда составляет в России 362,65 на 100 тыс., всего - 436,97 на 100 тыс. населения. Россия уверенно входит в мировой топ-10 по этому показателю [3].

Хаотично осуществлявшиеся в последние годы изменения уголовного закона привели к появлению в тексте кодекса дублирующихся норм, «мертворожденных» из-за их несоответствия регулятивному законодательству норм, размыванию границ уголовной и административной ответственности.

При этом излишняя криминализация значительных сфер жизнедеятельности, особенно в экономической сфере, не только способствует увеличению коррупции, но и тормозит развитие самого общества. На самом деле существующая система уголовно-правовых мер не просто охраняет экономические отношения, но и регулирует их. Произошло латентное смещение сфер правового регулирования: гражданского и уголовного.

Уже сейчас может быть осуществлена декриминализация ряда деяний, не представляющих большой общественной опасности, с их переводом в административные правонарушения или с полной депенализацией и переносом решения спора в гражданско-правовую область.

Таким образом:

1. Единая уголовная политика на сегодня в Российской Федерации отсутствует.

2. Тактическая уголовная политика находится в состоянии хаоса. Принимаемые решения зачастую противоречивы, лоббируются разными авторами с разными интересами, финансово не просчитаны и не нацелены в будущее, а скорее закрывают имеющиеся недостатки.

3. При этом общим недостатком уголовной политики является слабая опора на статистические и экономические данные. Принимаемые или предлагаемые решения не опираются на статистику преступности, не учитывают механизма работы правоохранительной системы, не анализируются с точки зрения увеличения финансовых затрат на всех этапах уголовного судопроизводства, начиная с доследственных проверок и заканчивая исполнением приговора суда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6 (18).

2. Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.).

3. Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.). С. 27-31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пимакова Ольга Геннадьевна, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *уголовная политика, уголовный закон, наказание, криминализация, этапы развития.*

УДК 343.1

Посохина Д.Г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ СМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Еще с давних времен в общество начали внедряться средства массовой информации. Сейчас это очень популярный и востребованный институт, который можно пронаблюдать в любой сфере общества. В уголовном процессе используются материалы СМИ, поэтому следует рассмотреть все моменты реализации сведений, доводимых до населения путем всеобщего опубликования, в уголовном судопроизводстве. Статья посвящена анализу и особенностям использования материалов СМИ в уголовном процессе.

В современном мире широкое распространение получили средства массовой информации. Несомненно, важной и интересной информации появляется каждый день огромное количество и основным источником доведения ее до населения стало опубликование в разнообразных СМИ.

Отметим, что в соответствии со ст. 2 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Иными словами, это любые сведения, представленные в абсолютно различных формах [1].

Соответственно, исходя из трактовки понятия в данном законе, средства массовой информации – это периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). Определившись со значением терминов, можно сделать вывод о связи СМИ с уголовным процессом. Так как информация, представленная в вышеуказанных источниках может быть различного характера, то соответственно и информация о совершенных или готовящихся преступлениях, а также о доказательствах, используемых при расследовании уголовных дел, и иные сведения могут быть отражены в средствах массовой информации. Отсюда возникает необходимость определить то, как может использоваться информация из средств массового ее доведения до населения в уголовном процессе, определить проблемные вопросы ее использования при расследовании уголовных дел.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации поводом для возбуждения уголовного дела является сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, помимо заявления и явки с повинной [2]. Значит, под иным источником в данном случае вполне могут пониматься средства массовой информации. Таким образом, сведения из СМИ служат поводом для возбуждения уголовного дела, то есть являются значимым компонентом уголовного процесса.

Также можно отметить, что сведения из средств массовой информации могут служить доказательствами. Это не оговорено четко в законодательстве, но Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в п. 6 ч. 2 ст. 74 предусматривает в качестве доказательств «иные документы». Мы можем сделать вывод о том, что данное понятие имеет слишком широкий охват, а соответственно и СМИ подпадают под данное определение.

В ч. 3 ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержится прямое указание на использование СМИ в уголовном процессе. В данной норме указано, что если какая-либо процессуальная информация о реабилитированном лице была опубликована, то по требованию данного лица, либо в случае его смерти по требованию близких родственников, то средства массовой информации обязаны огласить данные о реабилитации.

Также необходимо отметить, что взаимодействие органов уголовного судопроизводства с работниками СМИ четко проявляется в определении обязанностей обеих сторон по принятию сообщения о преступлении, распространенному в средствах массовой информации. Такие положения прописаны в ч. 2 ст. 144 УПК РФ, где сказано, что проверку по данному сообщению проводит по поручению прокурора орган дознания, а по поручению руководителя следственного органа – следователь. При этом редакция, либо главный редактор соответствующего источника по требованию вышеуказанных лиц должны представить сведения, которые подтверждают факт совершения преступления и информацию о лице, которое сообщило о произошедшем или готовящемся преступлении. Немаловажным является такой факт, что если по такому сообщению о преступлении было отказано в возбуждении уголовного дела, то информация об этом обязательно должна быть опубликована в СМИ (ч. 3 ст. 148 УПК РФ).

Касаемо судебного разбирательства, отметим, что согласно Конституции РФ (ст. 123), ч. 1 ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса, а также ст. 9 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» распространяется принцип гласности [3; 4]. Это значит, что судебное разбирательство в России является открытым. Соответственно представители средств массовой информации могут присутствовать на судебном заседании, а также опубликовывать сведения. Это еще один аспект использования данных СМИ в уголовном процессе, следующий из законодательства.

Одной из особенностей использования материалов СМИ в уголовном процессе является то, что на стадии, когда уголовное дело уже возбуждено, представители средств массовой информации могут быть допрошены в качестве свидетелей. Несмотря на то, что в Законе «О средствах массовой информации» указано положение о том, что журналист может не разглашать сведения конфиденциального характера, при уже возбужденном уголовном деле это право теряет свою значимость, так как в данном случае приоритет отдается нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Невзирая на то, что средства массовой информации являются неотъемлемой частью гражданского общества, в уголовном процессе не разработаны какие-либо точные методики использования данных источников. Рассмотрим, с чем это может быть связано.

Во-первых, вся информация в процессуальной деятельности должна быть достоверной. Исследуя различные сведения из СМИ, можно с полной уверенностью обозначить то, что в данной области информация не всегда соответствует действительности. Очень часто там содержатся доводы самих журналистов, их неправильные оценки и суждения. К тому же, всем известно, что для популярности и привлечения внимания средства

массовой информации публикуют такие сведения, которые могли бы вызвать наибольший интерес у населения, став сенсацией выпуска. И как правило, данные публикации носят не правдивый характер, либо же действительность во много раз приукрашена.

Во-вторых, в связи с тем, что качество данной информации является сомнительным, ее помощь в содействии расследования уголовных преступлений не велика. В основном, сведения, добытые из средств массовой информации, могут лишь помочь следователю определить направление расследования, выдвинуть какие-либо версии, установить источник опасности и так как СМИ обычно в курсе всех сенсационных только совершившихся событий, то предположить о месте происшествия, событиях, описательных характеристиках и возможном нахождении преступника. Таким образом, в данном случае расследование журналистами каких-то событий лишь немного помогает следователю в его профессиональной деятельности.

Мы рассматриваем использование материалов СМИ в уголовном процессе прежде всего с точки зрения полезности данного института в уголовном судопроизводстве. На этой основе можно выделить еще один критерий использования. Для того чтобы общество узнало о факте начала расследования совершенного преступления и о результатах данного расследования могут понадобиться средства массовой информации, потому что в основном именно в них оглашается информация подобного характера (по теле-, радио- публикациям, либо же в печатных изданиях). Это удобно и потому, что при возложении таких функций на средства массовой информации сокращается объем полномочий уголовных органов.

Теперь можно сказать об ответственности. Существует ряд моментов, которые необходимо оговорить, а именно, в каких случаях представители средств массовой информации несут ответственность при взаимодействии с органами уголовного судопроизводства.

Во-первых, любая информация о следствии является охраняемой законом тайной. Отсюда следует, что если журналист был официально допущен к таким сведениям, то есть с письменного разрешения прокурора, то за ее разглашение и опубликование он будет нести уголовную ответственность. Это объяснимо, так как, зная, что информация конфиденциальная, лицо должно понимать всю значимость, а значит разглашая ее у него имеет место прямой умысел. Значит это обязательно должно наказываться в соответствии с действующим законодательством. Естественно, что в таком случае журналист заранее предупреждается об ответственности.

Во-вторых, допустим факт разглашения данных сведений прокуратурой в каких-либо пресс-конференциях, интервью. В этом случае представитель средств массовой информации не будет нести ответственность, она перекладывается на прокуратуру.

И последний случай заключается в том, что журналист может быть не предупрежден об ответственности за разглашение сведений и при этом информация все-таки стала ему известна каким-либо образом. В такой ситуации ответственность будет нести тот, кому тайна была доверена на законных основаниях.

Делая вывод, отметим, что вопрос использования материалов СМИ в уголовном процессе и взаимодействия журналистов с уголовными органами совсем мало исследован, хотя это очень актуальная и важная проблема. В общих чертах, средства массовой информации используются в уголовном судопроизводстве, но не оказывают существенное влияние на него. При всем этом подобные случаи взаимодействия являются довольно редкими и скорее всего именно в связи с этим вопрос мало исследован и требует большего внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 25.11.2017) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Посохина Диана Геннадьевна, курсант 301 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Научный руководитель - **Гришин Андрей Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: СМИ, УПК РФ, ФЗ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», массовая информация, сообщения и материалы.*

УДК 343.1

Поталуй Е.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ ПРОКУРОРУ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена отдельным актуальным вопросам института возвращения судом уголовного дела прокурору. Данный институт находит свое закрепление в ст. 237 УПК РФ, но в настоящее время процесс формирования указанного института нельзя считать полностью завершенным. Возвращение уголовного дела прокурора в данной статье рассматривается в качестве средства обеспечения законности в рамках осуществления предварительного расследования.

Институт возвращения уголовного дела судом прокурору выступает актуальным предметом оживленных споров среди ученых-процессуалистов. Вступивший в действие с 1 июля 2002 года Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации внес существенные изменения в российский уголовный процесс, в частности в процессуальную деятельность суда. В связи с чем, новый УПК РФ предусмотрел возможность суда в рамках производства предварительного слушания принимать решение о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Возникновение данного института, главным образом, обусловлено переходом к состязательной форме уголовного судопроизводства. На современном этапе механизм возвращения судом уголовного дела прокурору находит свое отражение в ст. 237 и частично в ст. 236 УПК РФ.

Возвращение уголовного дела прокурору возможно как по инициативе стороны (наличие ходатайства стороны о возвращении уголовного дела), так и по инициативе самого судьи. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает широкий круг оснований, при наличии которых уголовное дело может быть возвращено прокурору. Перечень данных оснований закреплен в ст. 237 УПК РФ.

Возвращение судом уголовного дела прокурору напрямую связано с принципом законности и рассматривается в качестве средства

обеспечения законности предварительного расследования. Принцип законности (ст. 7 УПК РФ) главным образом подразумевает под собой неукоснительное соблюдение и выполнение судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания и дознавателем норм, закрепленных Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Обеспечение законности в уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается с помощью установления различных правовых гарантий. В качестве данных гарантий можно выделить такие разновидности контроля, как внутриведомственный и судебный, а также надзор, осуществляемый органами прокуратуры. За несоблюдение должностными лицами следственных органов и подразделений дознания принципа законности, на данных лиц возлагается обязанность претерпевать неблагоприятные последствия. Главным следствием несоблюдения принципа законности при производстве по уголовному делу является возникновение определенных последствий. При этом, данные последствия, несомненно, будут носить негативный характер, как для государства, так и для большинства участников уголовного судопроизводства [1; 4].

Стоит отметить, что нередкими в деятельности правоохранительных органов являются случаи, связанные с игнорированием закона, при этом на любых стадиях. В связи с данным обстоятельством представляется неизбежной реакция различных участников уголовного судопроизводства на нарушение принципа законности в рамках осуществления предварительного расследования, вследствие чего, полномочия, предоставляемые суду в силу ст. 237 УПК РФ в рамках судебного контроля порождают особый интерес. Таким образом, процедуру возвращения уголовного дела прокурору целесообразно рассматривать как ничто иное, как правовое последствие нарушение принципа законности в рамках осуществления предварительного расследования.

Возвращение уголовного дела судом прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в судебном заседании, позволяет решить ряд задач: (1) осуществляется реализация функции судебного контроля; (2) происходит обеспечение защиты правового статуса участников уголовного судопроизводства; (3) обеспечивается судебная перспектива уголовного дела; (4) происходит экономия сил, средств, а также времени; (5) реализация принципа гуманизма.

Однако, связывая процедуру возвращения уголовного дела прокурору напрямую с нарушением принципа законности, следует отметить, что не во всех случаях такая процедура связана с допущенными нарушениями уголовно-процессуальных норм, хотя и в большинстве случаев выступающая причиной принятия такого решения судом. Анализ уголовно-процессуальной нормы, закрепленной в статье 237 УПК РФ,

позволяет прийти к выводу о том, что все основания возвращения уголовного дела прокурору можно разделить на несколько групп [2; 5].

Первую группу образуют основания, возникшие вследствие нарушений, допущенных в рамках стадии предварительного расследования. К их числу можно отнести следующие:

– п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, в силу чего исключается возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления;

– п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – копия обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления не была вручена обвиняемому;

– п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, закрепленные в ч. 5 ст. 217 УПК РФ;

– ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ – при наличии обстоятельств, указанных в ст. 226.2 и ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ.

Вторая группа включает в себя основания, обладающие неопределенным характером. Неопределенность характера обусловлена тем, что возникновение данных оснований, как правило, связано не только с допущенными нарушениями, но также и с объективными факторами. К данной группе относятся:

– п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера;

– п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – имеются основания для соединения уголовных дел, предусмотренные ст. 153 УПК РФ;

– п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – имеются основания для квалификации действий обвиняемого, а также лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления либо общественно опасного деяния.

Третья группа оснований, как правило, не связана с нарушением требованием уголовно-процессуального законодательства и носит объективный характер. К числу данных оснований относятся:

– п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ – после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

– п. 2 ч. 1.2ст. 237 УПК РФ - ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены вследствие возобновления уголовного дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, а новые или вновь открывшиеся обстоятельства, послужившие основанием для их отмены, выступают в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления.

Анализируя правоприменительную практику, представляется возможным выделить следующие нарушения, допускаемы при составлении итоговых решений, влекущих наступление последствия в виде возвращения уголовного дела прокурору:

1. Первое нарушение заключается в том, что на практике все чаще встречается расхождение обвинительного заключения, обвинительного акта (обвинительного постановления) с описательной частью постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, что порождает их несоответствие друг другу, а также противоречие иным материалам уголовного дела, пренебрежение теми или иными обстоятельствами, установленными в ходе осуществления предварительного следствия.

2. Неправильное определение или указание норм, в следствие чего из нарушение повлекло за собой совершение преступление (так, уголовные дела по факту нарушения правил безопасности, по факту ДТП и т.д.).

3. Описание способа совершения преступления отсутствует.

4. Не определен характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

5. Отсутствует указание на ранее неснятые и непогашенные судимости.

6. Квалификация действий обвиняемым не соответствует фактически совершенному преступному деянию.

7. Краткое изложение содержания доказательств отсутствует.

8. Отсутствует указание на мотивы и последствия действий обвиняемого или при наличии нескольких лиц – обвиняемых.

9. При совершении группового преступления присутствует противоречие и несоответствие в описании действий обвиняемых.

10. Неверно определен объект преступления.

Стоит отметить, что в большинстве случаев неправильная квалификация преступления выступает следствием явной ошибки лица, осуществляющего предварительное расследование. На практике в 80 % случаев возвращение уголовного дела прокурору, как правило, обусловлено обстоятельствами, возникающими вследствие примитивной невнимательности лица, осуществляющего производство предварительного расследования. Оставшийся процент случаев возвращения уголовного дела прокурору приходится по иным основаниям, так например, производство дознания в сокращенной форме может быть

прекращено по ходатайству обвиняемого в любой момент производства по делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, при этом, в случае если обвинительное постановление было направлено в суд и сторона заявляет ходатайство о производстве дознания в общем порядке, уголовное дело в данном случае подлежит возвращению прокурору.

Также отметим, что в исключительных случаях возникшие противоречия могут быть устранены в рамках судебного заседания за счет допросов участников уголовного судопроизводства. При этом необходимо обратить внимание на те случаи, когда уголовное дело может быть возвращено прокурору и при отсутствии фактических оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Однако отметим, что перечь оснований, установленный ст. 237 УПК РФ, расширенному толкованию не подлежит. Так, в случаи необеспечения необходимого участия законного представителя лица с психическим расстройством, исключающим его вменяемость, имеет место принятие соответствующих постановлений. Безусловно, данное действие является достаточно существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства, однако, несмотря на этот факт, данное обстоятельство не может рассматриваться в качестве основания возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ [3; 6].

Таким образом, очевидно, что несоблюдение принципа законности в рамках осуществления предварительного расследования и соответственно, как следствие, возвращение уголовного дела порождают определенную реакцию со стороны контролирующих и надзирающих органов. Помимо этого, с учетом правоприменительной практики, можно отметить следующие неправовые последствия нарушений принципа законности: (1) возникновение дефицита времени в работе органов предварительного расследования; (2) трудоемкость отдельных процессуальных действий; (3) возникновение неравномерной нагрузки на лиц, осуществляющих предварительное расследование (следователей и дознавателей) и ряд других неправовых последствий. На основании всего вышесказанного, необходимо отметить, что несоблюдение уголовно-процессуального законодательства напрямую отражается не только на успешном завершении расследования по уголовному делу, но и непосредственно на личности должностного лица, допустившего нарушение.

Таким образом, учитывая всю серьезность и негативный характер последствий нарушения принципа законности в рамках осуществления предварительного расследования проблема пресечения и недопущения данных нарушений становится актуальной не только для теоретических исследований, но и для правоохранительных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волторнист О.А. Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору // Вестник ОмЮА. 2014. № 4 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-vozvrascheniya-ugolovnogo-dela-prokuroru (дата обращения: 13.04.2018).

2. Гришин Д.А., Данилова И.Ю. Возвращение судом уголовного дела прокурору как средство обеспечения законности предварительного расследования // ЮП. 2016. №6 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozvraschenie-sudom-ugolovnogo-dela-prokuroru-kak-sredstvo-obespecheniya-zakonnosti-predvaritelnogo-rassledovaniya (дата обращения: 13.04.2018).

3. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.

4. Лапатников М.В. Возвращение уголовного дела прокурору или дополнительное расследование: к вопросу о процессуально-правовой начинке института, предусмотренного статьей 237 УПК РФ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozvraschenie-ugolovnogo-dela-prokuroru-ili-dopolnitelnoe-rassledovanie-k-voprosu-o-protsessualno-pravovoy-nachinke-instituta (дата обращения: 13.04.2018).

5. Муравьев К.В. Возвращение дела прокурору для переквалификации: необходим ли особый порядок движения уголовного дела? // Вестник ОмЮА. 2014. №1 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozvraschenie-dela-prokuroru-dlya-perekvalifikatsii-neobhodim-li-osobyy-poryadok-dvizheniya-ugolovnogo-dela (дата обращения: 13.04.2018).

6. Шишков А.А. Возвращение судом уголовного дела прокурору: нестабильность института // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozvraschenie-sudom-ugolovnogo-dela-prokuroru-nestabilnost-instituta (дата обращения: 13.04.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Поталуй Екатерина Александровна, курсант 301 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Научный руководитель - **Гришин Андрей Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: принцип законности, прокурор, суд, возвращение уголовного дела, предварительное расследование.*

УДК 343.1

Рожкова А.И.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья посвящена особенностям уголовно-процессуальной формы в досудебном производстве по делам в отношении несовершеннолетних. Дается критический анализ законодательно установленных правил и условий правоприменения, предлагаются рекомендации по совершенствованию отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства в процессе досудебного производства по делам в отношении несовершеннолетних – категории лиц, пользующейся дополнительной законодательной защитой – является важной гарантией эффективности и полноты уголовного судопроизводства.

Правовое регулирование в данной сфере направлено, во-первых, на соблюдение всех уголовно-процессуальных условий к процессу доказывания по делам в отношении несовершеннолетних, и, во-вторых, не только обеспечить защиту от необоснованного обвинения, создать к каждому несовершеннолетнего подозреваемому (обвиняемому) индивидуальный подход для последующей реабилитации и ресоциализации. Этому способствует установление определенных особенностей уголовно-процессуальной формы по делам в отношении несовершеннолетних.

Международные обязательства заставили по-другому взглянуть на производство по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними для усовершенствования модели ювенальной юстиции, как эффективного и доступного механизма защиты прав и интересов несовершеннолетних [1]. На данный момент в уголовно процессуальном законодательстве закреплены некоторые нормы, схожие с зарубежными моделями специализированной юстиции, а так же установлены некоторые особенности производства в отношении несовершеннолетних, такие как: сокращенное время допроса, углубленный

предмет доказывания, особенности при задержании и применении мер пресечения, а так же назначение наказания и освобождение от него.

Вместе с тем должностные лица и организации, которые взаимодействуют с несовершеннолетними правонарушителями комиссии по делам несовершеннолетних, специальные учебное воспитательные учреждения и др. не всегда достаточно компетентны при производстве указанной категории уголовных дел. В.Л. Васильев придерживается мнения о том, что следователь (дознаватель) обязан хорошо разбираться в психологических особенностях личности несовершеннолетних и учитывать их при выборе тактических приемов проведения с ними того или иного следственного действия [2] . Считаем, что при расследование упомянутых дел должны выделяться специальные следователи, дознаватели, обладающие высокой профессиональной квалификацией и жизненным опытом.

Одной из особенностей допроса несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве России является его сокращенная продолжительность по сравнению с допросом взрослых. Согласно чч. 2 и 3 ст. 187 УПК РФ допрос нельзя продолжать непрерывно больше четырех часов. Продолжение допроса допустимо после перерыва не меньше чем на час в целях отдыха и приема пищи, при этом общая продолжительность допроса на протяжении дня не может быть более восьми часов. Сокращение времени допроса несовершеннолетнего является оправданным, т.к. он утомляется быстрее взрослого, а усталость вполне может стать одним из факторов для дачи ложных показаний.

Длительные допросы недопустимы, так как могут вызвать стрессовое состояние или состояние безразличия к происходящему, что может привести к самооговору или замкнутости несовершеннолетнего. В свете указанного идея нормативного ограничения продолжительности допроса несовершеннолетних выступает одной из важнейших гарантий для указанных лиц и одновременно одним из способов получения максимально полных, не размытых благодаря усталости сведений, имеющих значение для доказывания [3] .

Ч. 1 ст. 420 УПК РФ указывает на то, что, требования главы 50 УПК применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет [4]. Предстает очевидным, что производство по любым уголовным делам осуществляется спустя некоторый период времени после момента совершения преступления, составляющий продолжительность нескольких месяцев и лет. За это время лицо, совершившее преступление несовершеннолетним, может достичь восемнадцати лет. Из этого следует, норма, закрепленная в части 1 ст. 420 УПК РФ, охватывает более широкий круг лиц, чем названия главы 50 и статьи 420 УПК РФ.

Данное противоречие в теории и на практике вызывает следующий вопрос: требования главы 50 УПК РФ необходимо применять ко всем обвиняемым (подозреваемым) лицам, которые не достигли к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет, независимо от их возраста в момент производства процессуальных действий или принятия процессуальных решений по уголовному делу или необходимо учитывать ещё и возраст обвиняемого (подозреваемого) на текущий момент уголовного судопроизводства.

При исследовании норм, содержащихся в статье 48 и части 1 ст. 420 УПК РФ, по уголовному в отношении несовершеннолетнего привлекаются его законные представители, не смотря на то, достиг ли обвиняемый (подозреваемый) возраста восемнадцати лет на момент уголовного судопроизводства. Пленум Верховного Суда РФ напротив, указывает: «Если лицо, совершившее преступление в возрасте до 18 лет, на момент рассмотрения дела в суде достигло совершеннолетия, полномочия законного представителя по общему правилу прекращаются. В исключительных случаях реализация этих функций может быть продолжена путем принятия судом решения о распространении на лиц в возрасте от 18 до 20 лет положений об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних» [5]. Из этого выходит то, что подозреваемый, обвиняемый, достигший восемнадцати лет, на текущий момент судопроизводства, участие при этом защитника уже не является обязательным.

Стоит отметить, что педагог или психолог принимают участие в ходе только одного следственного действия – допроса. Целесообразно утвердить их участие и в других следственных действиях. Участие педагога, психолога при проведении очной ставки, осуществлении проверки показаний на месте, предъявлении для опознания обоснованно, как правильно отмечает Е.А. Семенов тем, что, данные следственные действия в процессуальном и тактическом смыслах представляются более сложными по сравнению с допросом [6].

Частью 2 ст. 420 УПК РФ предусматривается, что производство по уголовным делам о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке. Отсюда делаем вывод, что особый порядок производства по уголовному делу на несовершеннолетних невозможен. Пленум Верховного Суда Российской Федерации определяет следующим образом свою позицию по этому вопросу: «Исходя из того, что закон не предусматривает возможность принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего в особом порядке, положения главы 40 УПК РФ не применяются в отношении подозреваемых или обвиняемых, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет» [7] .

Одновременно законодатель не запрещает заключить по данному делу досудебное соглашение о сотрудничестве с совершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми. Трудность представляется в том, что такое лицо, не заключив досудебное соглашение со стороной обвинения, не имеет гарантий, позволяющих ему в дальнейшем рассчитывать на смягчение наказания [8].

Заключение досудебного соглашения по уголовным делам предоставит ряд преимуществ, таких как: оказание помощи правоохранительным органам в целях более эффективной борьбы с преступностью, а так позволит несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым получать выгоды, предусмотренные данным правовым институтом.

Подводя итог написанному, стоит еще раз отметить, что производство по делам несовершеннолетних устанавливается особый порядок с целью особой юридической защиты данной категории граждан. Главной целью осуществления правосудия в отношении несовершеннолетнего является обеспечение его благополучия таким образом, чтобы любые меры воздействия на подростка были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения. В связи с этим следование нормам уголовно-процессуального законодательства должно быть неукоснительным для защиты прав, и законных интересов несовершеннолетнего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазарева В.А., Шестакова Л.А. Производство по делам несовершеннолетних в РФ: на пути к ювенальной юстиции // Библиотека криминалиста. 2016. № 3. С. 76.

2. Каххоров Д.Г., Елисеев А.М. особенности уголовно-процессуальной формы в досудебном производстве по делам в отношении несовершеннолетних // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. LXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 16(62). Новосибирск: Сибак, 2016. С. 91-97.

3. Овсянников И. В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih.

4. Ветрова О.А. Особенности современной российской модели ювенального уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Всероссийской конференции, 2015. С. 98-105.

5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. №1. П. 12 // СПС «Консультант плюс».

6. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах. 2015. С. 230.

7. Ишембитов А.А., Бычков А.Н. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskussionnye-voprosy-zaklyucheniya-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve-po-ugolovnym-delam-o-prestupleniyah-sovershennyh-s.

8. Федосеева Е.Л. Заключение досудебного соглашения с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) // ППД. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaklyuchenie-dosudebnogo-soglasheniya-s-nesovershennoletnim-podozrevaemym-obvinyaemym.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рожкова Анастасия Игоревна, курсант 301 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Научный руководитель – **Гришин Андрей Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова*: оценка доказательств, формирование внутреннего убеждения, процесс доказывания по уголовному делу, УПК РФ.*

УДК 343.1

Рубцова В.В., Гришин А.В.

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИКА РЕАБИЛИТАЦИИ КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В статье исследованы некоторые проблемы применения института реабилитации в уголовном судопроизводстве. Рассмотрены основания признания права на реабилитацию лица.

Закрепленный главой 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ институт реабилитации, являясь одной из форм реализации конституционных положений, обеспечивает право на компенсацию ущерба, причиненного незаконными действиями (или бездействиями) органов государственной власти или их должностных лиц.

Данный институт является важным аспектом в достижении назначения уголовного судопроизводства в части реализации положений п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Данное положение обосновывает значимость реабилитационного процесса для любого правового государства, первоочередная задача которого обеспечить реализацию прав и свобод человека и гражданина, в том числе реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, освобождение их от наказания и отказ от уголовного преследования невиновных.

Но ошибки присущи всем сферам деятельности человека, не исключением является и правоприменительная деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Как правило, вследствие халатности, попустительского отношения к служебным обязанностям, непрофессионализма либо добросовестных заблуждений правоприменителя, его действия и решения могут повлечь нарушения законных интересов человека и гражданина, в том числе люди могут оказаться жертвой необоснованного и незаконного обвинения в совершении преступлений. В данном случае, обязанность государства – устранить вредные последствия таких обвинений и восстановить их права всеми возможными способами [1]. Таким образом, социальное назначение реабилитации заключается в исправление ошибок, допущенных в сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Идея реабилитации основывается на юридической категории невиновности, означающей, что лицо несправедливо и необоснованно подверглось уголовному преследованию за преступление, которое оно не совершило и нуждается в восстановлении своих прав.

Проблематика данной темы заключается в том, что реабилитация является комплексным институтом, так как охватывает не только уголовно-процессуальные правоотношения, но и, в том числе, жилищно-правовые и гражданско-правовые отношения. В юридической науке

существует несколько концепций в определении отраслевой принадлежности рассматриваемых норм. Это обусловлено тем, что лицо может быть признанным реабилитированным только в уголовно-процессуальном порядке, в соответствии с главой 18 УПК. Но вопрос о непосредственном порядке возмещения вреда при признании невиновным лица, подвергшемуся уголовному преследованию остается спорным. Так, представители гражданского права отстаивают их гражданско-правовую природу, представители публичного права, напротив, считают их уголовно процессуальными правоотношениями, а ряд ученых отстаивают их просто публично-правовую природу как особую публичную ответственность государства.

В соответствии со статьей 136 УПК РФ, возмещение морального вреда путем подачи иска о материальной компенсации предъявляются в порядке гражданского процесса. Но законодатель предусматривает возмещение материального вреда реабилитированному строго в уголовно-процессуальном порядке в соответствии со статьей 399 УПК РФ. Данный порядок существенно отличается от гражданского судопроизводства, в связи с чем следует полагать, что реабилитация имеет двойственную природу и регулируется как нормами гражданского, так и нормами уголовно-процессуального права.

Законодатель закрепляет понятие «реабилитация» в статье 5 УПК РФ, в соответствии с которой под реабилитацией следует понимать: «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» [2]. В этой же статье нормативно закреплено понятие «реабилитированный».

При этом, исходя из положений статьи 134 УПК РФ суд, следователь и дознаватель признают право на реабилитацию за лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование. Таким образом, фактически право на реабилитацию возникает не с момента обнаружения неправомерного решения органов предварительного расследования и суда, повлекшее незаконное и необоснованное уголовное преследование лица, а с момента признания этими же субъектами право на реабилитацию, судом – в приговоре, определении, постановлении, а следователем и дознавателем в постановлении. Исходя из данного в уголовно-процессуальном кодексе определения, юридические основания реабилитации, такие как постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, оправдательный приговор суда не охватываются данным понятием и вследствие остались за его пределами. В УПК РФ понятие реабилитации сведено лишь к признанию за лицом права на возмещение вреда, в определенном порядке, т.е. на материальную и социальную часть реабилитации.

Следовательно, исходя из норм УПК РФ, лицо становится юридически реабилитированным в момент вступления в законную силу процессуального акта суда, следователя или дознавателя о невиновности, гарантирующего право на компенсационную составляющую института реабилитации, хотя лицо может и вовсе не воспользоваться правом на реабилитацию.

В статье 133 УПК РФ приводится исчерпывающий перечень лиц, имеющих право на реабилитацию. Правоприменительный опыт указанных положений свидетельствует о наличии ряда вопросов с их применением. Исходя из нормы, правом на компенсацию ущерба обладают подсудимый, осужденный, обвиняемый, подозреваемый, лица, незаконно или необоснованно подвергнутые применению принудительных мер медицинского характера либо мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. При этом в статье содержатся определенные основания, при которых в отношении данных лиц применяются правила, установленные главой 18 УПК РФ. Обратим внимание на некоторые из них. Например, уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого должно быть прекращено по основаниям, которые принято называть в науке и практике «реабилитирующими» [3]. Уголовное преследование прекращается, в том числе, в отношении подозреваемого или обвиняемого за отсутствием заявления потерпевшего (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), если дело может быть возбуждено только по его заявлению, постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 4, 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), а равно ввиду отказа в даче согласия на лишение неприкосновенности.

Но указанные основания реабилитации противоречат сущности данного понятия, поскольку назначением реабилитации является восстановление прав, репутации, имущественных убытков и моральных страданий лица, которое в действительности не совершило инкриминируемое ему деяние. При отсутствии заявления потерпевшего по делам частного обвинения не исключается, что лицо совершило вменяемое ему преступления. Но на самом деле отсутствует лишь процессуальное основание, необходимое для уголовного судопроизводства. Следовательно, реабилитация теряет свою социальную роль, поскольку обвиняемый или подозреваемый в данном случае не является «жертвой» несправедливости.

Также спорным остается вопрос о прекращении уголовного преследования без исследования и разрешения вопроса о виновности или невиновности особой категории лиц, указанных в пп. 1, 3-5, 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, поскольку отсутствие согласия соответствующего органа государственной власти не исключает фактическую виновность этих лиц. Такие основания прекращения уголовного дела вряд ли можно признать реабилитирующим.

Существуют некоторые противоречия между статей 133 УПК РФ и статьей 212 УПК РФ. Так, ст. 212 закрепляет обязанность следователя принимать меры по реабилитации лица по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Указанные основания можно назвать «традиционными»: речь идет об отсутствии события преступления, отсутствии в деянии состава преступления, непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления [4].

То есть в данной статье отсутствуют предусмотренные статьей 133 УПК РФ такие основания, как отсутствием заявления потерпевшего, если дело может быть возбуждено только по его заявлению и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отказа в даче согласия на лишение неприкосновенности.

Схожая по смыслу норма содержится и в ст. 239 УПК РФ, которая содержит перечень оснований для прекращения дела или уголовного преследования судом на предварительном слушании. Данная статья не предусматривает реабилитацию в связи с отсутствием согласия суда на возбуждение в отношении определенного круга лиц уголовного дела, что противоречит п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, которая предусматривает данное основание, как влекущее реабилитацию. Таким образом, налицо ряд противоречий в нормах УПК РФ, регулирующих реализацию института реабилитации - ст. 212, 239 УПК РФ, сужают перечень реабилитирующих оснований для прекращения уголовного дела (уголовного преследования), содержащийся в ст. 133 УПК РФ.

Одним из оснований возникновения права на реабилитацию и возмещение вреда в порядке главы 18 УПК РФ, является незаконное или необоснованное применение принудительных мер медицинского характера (п. 5 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). На практике возникает множество вопросов в связи реабилитацией лиц, незаконно подвергнутым принудительным мерам медицинского характера, в случае если было одновременно назначено наказание.

Таким примером может служить приговор Красноярского краевого суда от 3 марта 2017 года. Указанным приговором суда осужденной гр. Э. назначена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача психиатра в амбулаторных условиях по месту отбывания наказания в виде лишения свободы. Впоследствии Верховный Суд Российской Федерации вышеуказанный приговор Красноярского краевого суда изменил, отменив назначенную гр. Э. вышеуказанную принудительную меру медицинского характера. В остальном приговор оставлен без изменения [5].

В данном случае суд не признает за осужденной Э. права на реабилитацию, мотивируя это тем, что Э. была признана виновной в совершении особо тяжкого преступления, а право на реабилитацию возникает только у тех лиц, в отношении которых применение

принудительных мер медицинского характера осуществлялось незаконно, то есть когда лицо не совершало общественно опасного деяния либо преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Но, исходя из буквального толкования норм главы 18 УПК, отменяя незаконное и необоснованное постановление о применении принудительной меры медицинского характера, в данном случае, суд обязан признать право на реабилитацию и разъяснить порядок возмещения вреда. Таким образом, складывается неоднозначная ситуация – с одной стороны причиненный незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц вред должен подлежать возмещению в полном объёме, а с другой - наделять лицо, признанное виновным в совершении преступления, правом на реабилитацию при одновременной отмене ему принудительных мер медицинского характера не справедливо.

Таким образом, институт реабилитации является одним из основополагающих направлений процессуальной деятельности, способствующим реализации назначения уголовного судопроизводства. Деятельность по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод представляется многогранной, включает в себя множество аспектов. Очевидно, что в связи с наличием множества противоречий в правоприменении, уголовно-правовой институт реабилитации требует дополнительных научных и практических разработок в связи с ее особой социальной значимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макарова О.В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5 (209). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-instituta-reabilitatsii-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 22.04.2018)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) [Электронный ресурс] / http://www.consultant.ru (дата обращения 01.06.2017).

3. Низамов В.Ю. Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемы применения и перспективы развития // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-reabilitatsii-v-ugolovnom-protsesse-problemy-primeneniya-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 24.04.2018).

4. Коршунов А.В. Неустраненные проблемы реабилитации в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. №4 (75). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neustranennye-problemy-reabilitatsii-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 22.04.2018).

5. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.06.2017 № 53-АПУ17-9 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Потетинов В.А. К вопросу о расширении оснований и субъектов реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Вестник БелЮИ МВД России. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rasshirenii-osnovaniy-i-subektov-reabilitatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii (дата обращения: 03.05.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Рубцова Валерия Витальевна, курсант 301 учебной группы, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: реабилитация, право на реабилитацию, возникновение права на реабилитацию, УПК РФ, реабилитируемый.*

УДК 343.1

Савилов М.Г.

ВЛИЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются актуальные вопросы влияния преступлений экономической направленности на развитие гражданского общества. Делается вывод о том, что изучив и познав их природу можно разрабатывать и соответствующие профилактические мероприятия по их предупреждению.

Экономическая преступность представляет серьезную угрозу для общества. По своей сути это явление антисоциальное, обладающее мощным зарядом деструктивных и дисфункциональных свойств и оказывающее негативное воздействие на процессы, протекающие как в хозяйственной, так и в социальной сфере жизнедеятельности общества. Как проявляют себя данные свойства?

Обычно принято оценивать экономические последствия этой преступности величиной материального ущерба, который она наносит экономике, организациям, частным лицам в результате криминальных проявлений. При этом наряду с прямыми потерями в лучшем случае учитывается величина упущенной прибыли. Оценка совокупного ущерба дается в денежном выражении. Такой подход прост, ясен и доступен обыденному сознанию и традиционно используется при анализе этого явления.

В реальной же действительности, названные последствия являются более серьезными и разрушительными, поскольку оказывают не просто поверхностное, а глубокое и системное воздействие на экономику, механизм хозяйствования, а также сложившуюся совокупность социально-экономических отношений общества и государства, затрагивая их генетическую основу.

Умело используя свободу рыночных отношений для незаконного обогащения, преступники, хотят они этого или нет, подтачивают фундамент свободного предпринимательства. Иными словами, экономическая преступность в социально-философском смысле является своего рода отрицанием отрицания: вырастая и паразитируя на легитимной почве либеральных рыночных отношений и используя ее возможности и преимущества для незаконного обогащения, эта преступность неизбежно ведет к ее разрушению, и следовательно, к сокращению поля экономической свободы для других хозяйствующих субъектов и населения. Более того, превращаясь в массовое и масштабное явление, она способствует стагнации общественного развития, нарушению рыночного равновесия и нормальных воспроизводственных процессов.

Речь идет о том, что экономическая преступность обеспечивает своим субъектам достижение незаконного обогащения, как правило, средствами, которые в целом не способствуют увеличению совокупного богатства в обществе (валового внутреннего продукта, национального дохода и т.д.), а ведут лишь к социально несправедливому его перераспределению. Экономические преступники в этом смысле являются адептами спекулятивного интереса в хозяйственной системе, в обход закона умело и цинично паразитируя за счет других участников хозяйственных отношений. Не производя, как правило, экономических благ, эта категория людей лишь незаконно перераспределяет, присваивает и аккумулирует созданное другими.

Отмеченные явления позволяют вскрыть глубинную сущность экономической преступности, выражающуюся в недвусмысленной формуле: удовлетворение потребностей одних субъектов экономических отношений в ущерб удовлетворению потребностей других субъектов этих отношений. Общество, считающее себя цивилизованным, не должно

мириться с существованием и тем более расширенным воспроизводством такого асоциального явления.

Проникая глубоко в хозяйственный организм, экономическая преступность деформирует сложившуюся систему социально-экономических отношений, включая подсистему институциональных социальных норм. Это выражается, прежде всего, в том, что она тромбирует действие основных законов современной экономики в результате посягательства на главные рыночные императивы — принцип эквивалентности обмена, свободу предпринимательства и конкуренции, неприкосновенность частной собственности и др.

В современном обществе экономическая преступность не могла бы существовать в таких масштабах, если бы не имела крепких тайных корпоративных связей, как с политическим истеблишментом, так и уголовным миром. Коррупционные и экономические преступления взаимообусловлены и часто имеют общий мотив. Бизнес, осуществляющий достижение своих целей противоправными методами, по сути, провоцирует коррупцию в среде политиков, госслужащих, чиновников иных учреждений. Бизнесмен-преступник и коррумпированный чиновник быстро находят взаимопонимание. Их сближает общий интерес – извлечение личной выгоды в обход установленных правил и законов.

Изменения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (п. 4 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2009 № 383-ФЗ), в частности отнесение с 1 января 2011 г. расследования налоговых преступлений к подследственности Следственного комитета Российской Федерации (далее - СК РФ), предопределили новые задачи в разрешении вопросов и проблемы выявления, расследования и квалификации налоговых преступлений [1, ст. 43-44].

В связи с указанными обстоятельствами в ОВД из СК РФ поступают поручения о проведении проверочных и оперативно-розыскных мероприятий по материалам налоговых органов, не содержащих в себе практически никаких документов и сведений о наличии в действиях налогоплательщика признаков преступлений. Однако сотрудникам ОВД в ограниченные нормами УПК РФ сроки затруднительно провести всестороннюю и полную проверку по таким материалам, что приводит к вынесению необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел [1, с. 44-45].

Экономическая преступность не менее прочно взаимосвязана с преступностью общеуголовной, прежде всего, с ее организованной составляющей. Эта взаимосвязь является настолько прочной и глубокой, что сегодня вряд ли кто из исследователей сможет провести между ними четкие границы.

Учитывая отмеченные особенности существования и развития экономической преступности, следует обратить внимание еще на один

крайне важный аспект социальной опасности, порождаемой этим криминальным явлением. Речь идет о связи закона и морали. Безнаказанность этой категории преступлений ставит под сомнение желание и способность государства соблюдать принципы социальной справедливости, равенства всех перед законом и др. Это, с одной стороны, ведет к подтачиванию и размыванию основ правового государства, а с другой – к правовому нигилизму самого населения, интернализации и массовому распространению противоправных норм девиантного (отклоняющегося) поведения, формирующихся под воздействием стандартов образа жизни и деятельности преуспевающих бизнесменов-преступников, которым «все сходит с рук».

Иными словами, особая социальная опасность современной экономической преступности заключается в вытеснении легитимных социальных норм и соответствующих социальных ролей их антиподами, воспроизводящими асоциальные жизненные стандарты, установки, нормы и стереотипы поведения. Складывается опасная ситуация, когда девиация возводится в степень нормы, а традиционные нравственные императивы подменяются суррогатами.

Полагаем, что дальнейшее ослабление правоохранительной и в целом контрольной функции государства в области налогообложения в совокупности с повышением ставок налогов и деформированным правосознанием налогоплательщиков приведет к еще большему уводу налогооблагаемого капитала «в тень», т.е. сокрытию его от налогового администрирования и налогового контроля, либо выводу в оффшорные или иные налоговые юрисдикции с низкими ставками налогов, с которыми у Российской Федерации есть соглашения об избежание двойного налогообложения [2].

Сегодняшний учет преступлений экономической направленности в силу ряда обстоятельств (в первую очередь, в силу своего несовершенства), еще не может дать полной и объективной информации с целью проведения всеобъемлющего и всестороннего анализа криминогенной ситуации. Более того, говорить о том, что данные, которые будут получены в ближайшем будущем и которые-бы отражали подлинное состояние преступности в сфере экономической деятельности также преждевременно. Это обусловлено ее особыми свойствами – высоким уровнем латентности (около 90 %), динамичностью, способностью к быстрым трансформационным изменениям и адаптации к новым условиям и правилам хозяйствования (экономико-правовым новациям и др.).

Свойство динамичности ярко характеризует оценка специалистов подразделений ОВД по борьбе с экономическими преступлениями: они считают, что темпы роста экономической преступности опережают динамику ее выявляемости. Вполне вероятно ожидать в ближайшем

будущем и появления неизвестных к настоящему времени «модификаций» преступлений в сфере экономической деятельности, обусловленных стремлением криминального мира приспособиться к «новым» правилам ее уголовно-правового регулирования.

Анализ экономической преступности необходимо и целесообразно сосредоточить, прежде всего, на наиболее опасных направлениях криминальной экономической деятельности в России: преступлениях в сфере кредитно-денежных отношений и банковской деятельности; преступлениях во внешнеэкономической деятельности; преступлениях в сфере приватизации государственного и муниципального имущества; преступлениях в сфере потребительского рынка; преступлениях на рынке ценных бумаг; налоговых преступлениях. Изучив и познав их природу можно разрабатывать и соответствующие профилактические мероприятия по их предупреждению.

Таковы лишь некоторые особенности воздействия экономических преступлений на развитие российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 3 (68). С. 43-45.

2. Гришин А.В. Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сборник статей / Редкол.: А. В. Гришин [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 42-43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Савилов Михаил Григорьевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: экономическая преступность; гражданское общество; материальный ущерб; рыночные отношения; социальная опасность; экономика; предпринимательская деятельность; криминальные проявления.*

УДК 343.1+ 343.2

Сергунова А.С., Селютина О.Г.

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

В статье анализируются основные источники транспортного права. Подробно рассмотрены правовые особенности деликтной ответственности перевозчика за причинение вреда жизни или здоровью пассажира, при этом проводится анализ положений об ответственности перевозчика, закрепленных в национальном законодательстве и в нормах международных транспортных конвенций.

Деликтные правоотношения в гражданском праве выделяются в отдельную категорию. На сегодняшний день деликтная ответственность субъектов малого и среднего бизнеса является наиболее актуальной. Согласно статье 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) одним из оснований возникновения гражданских правоотношений является причинение вреда, то есть это юридический факт, который влечет возникновение деликтного охранительного правоотношения. В ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации дается общее понимание правовой природы деликтных обязательств и деликтной ответственности: «В силу обязательства вследствие причинения вреда лицо, причинившее вред личности или имуществу другого лица (физического или юридического), обязано возместить причиненный вред в полном объеме, а лицо, потерпевшее имеет право требовать, чтобы понесенный им вред был возмещен», что ограничивается простыми констатациями фактов [5]. Гражданское право Российской Федерации относит обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, к категории внедоговорных. Им посвящена глава 59 Гражданского кодекса РФ. Кодекс не дает определения понятия обязательств вследствие причинения вреда, однако основная мысль, характеризующая данное понятие, отражена в п. 1 ст. 1064 ГК: «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред» [1].

Многочисленные и серьезные экономические правонарушения на стадии становления рыночной экономики часто совершались под прикрытием норм гражданского права, что выявило недостаточную для новых условий завершенность в законе ряда классических гражданско-правовых институтов, особенно такого, как недействительность сделок [3]. И это очень важно в условиях неустоявшегося российского рынка, когда деловые отношения партнеров зачастую подменяются в дальнейшем на «подставные» отношения. Споры о признании сделок недействительными по различным основаниям приобрели массовый характер. Значительная часть этих споров инициируется недобросовестными лицами, стремящимися избежать исполнения принятых на себя обязательств. В этой связи были предприняты законодательные меры, направленные на исправление складывающегося положения [3].

Анализ внесенных изменений федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ показывает, что не все поставленные цели удалось реализовать. Согласно новой редакции статьи 169 ГК РФ сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна. Ранее был союз «и», что требовало доказывания обоих обстоятельств. Но сегодня проблема полностью не разрешилась. В качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (оружие, наркотические средства и т.п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми [3, с. 148-149].

Правовое регулирование транспортной отрасли имеет особое значение для Российской Федерации с ее огромной развитой транспортной системой и большой протяженностью транспортной магистрали. В транспортную систему России входят железнодорожный, автомобильный, воздушный, морской и внутренний водный транспорт, каждый из которых призван обеспечивать потребности общества в перевозке грузов и пассажиров в своей сфере. Централизованное государственное регулирование всех видов транспорта осуществляет Министерство транспорта Российской Федерации.

При этом все законодательство, регулирующее транспортную сферу, можно подразделить на две большие группы, в первую из которых входят общие нормативные акты, к которым принято относить: Международные

транспортные конвенции, Конституцию РФ и Гражданский кодекс РФ (гл. 40 "Перевозка"). Однако большая часть транспортного законодательства составляет вторую группу - это специальные законодательные акты, регулирующие деятельность отдельных видов транспорта, среди которых главенствующее место занимают Федеральный закон от 08.11.2007 N 259-ФЗ "Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта", Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 N 24-ФЗ, Воздушный кодекс Российской Федерации" от 19.03.1997 N 60-ФЗ. Транспортные кодексы носят комплексный характер, поскольку, регулируя деятельность определенного вида транспорта в целом, наряду с гражданско-правовыми нормами содержат и нормы публичного права. Следует отметить, что названные транспортные уставы и кодексы дополнены большим количеством отраслевого законодательства, при этом важнейшей составляющей транспортного права являются правила перевозки грузов и пассажиров, которые на основании и в развитие транспортных уставов и кодексов подробно регулируют взаимоотношения транспортных организаций с их клиентурой, определяют порядок выполнения основных транспортных операций, особенности различных видов перевозок, в том числе и в смешанном сообщении, а также отдельные федеральные законы и нормативные правовые акты органов исполнительной власти. По отдельным вопросам транспортной деятельности принимаются постановления Правительства РФ. Нормы транспортного законодательства преимущественно носят императивный характер, что объясняется необходимостью защиты интересов большого числа потребителей транспортных услуг, а также сложностью технологий эксплуатации транспорта, массовостью операций и рисками, связанными с использованием транспортных средств, которые являются источником повышенной опасности.

Известно, что малое и среднее предпринимательство на транспорте приносит в бюджет экономически развитых стран (в том числе и России) большие дивиденды, а сам транспорт является неотъемлемой и наиболее важной частью экономики любого государства, именно поэтому несовершенство нормативной базы, регулирующей данную сферу, может препятствовать созданию более благоприятных условий перевозки для всех субъектов перевозочного процесса на любом виде транспорта.

Механизм транспортного права, как и права вообще, действует в двух направлениях. Во-первых, определяет в общей форме поведение участников транспортного процесса, наделяя их правами и обязанностями, которые могут уточняться в заключаемых транспортных договорах. Во-вторых, предоставляет субъектам транспортных отношений правовые средства защиты и восстановления нарушенных прав, что подчеркивает важность норм о деликтной ответственности перевозчика за вред,

причиненный при перевозке пассажира его жизни или здоровью и (или) багажу на любом виде транспорта.

Как указывалось ранее, нормы главы 40 ГК РФ "Перевозка" являются общим правовым регулятором при перевозке пассажиров, грузов и багажа независимо от вида, используемого для этих целей транспорта. Значимая роль в указанной главе отведена положениям об ответственности перевозчика, в том числе о деликтной ответственности.

Следует отметить, что до 2012 г. деликтная ответственность перевозчика на всех видах транспорта, в отличие от его ответственности за утрату, недостачу груза и багажа, не носила ограниченный характер. В частности, в случае причинения вреда жизни и здоровью пассажира ответственность перевозчика согласно ст. 800 Гражданского кодекса Российской Федерации определялась также как и должна определяться на сегодняшний день, то есть по правилам гл. 59 ГК РФ (ст. 1064 - 1101 ГК РФ). Данный факт означает, что перевозчик как владелец источника повышенной опасности отвечает за сохранность жизни и здоровья пассажира независимо от наличия вины (ст. 1079 ГК РФ), а причиненный вред должен возмещаться в полном объеме (ст. 1064 ГК РФ). Несмотря на договор между пассажиром и перевозчиком, ответственность последнего в отличие от его ответственности за не сохранность груза или багажа является деликтной (внедоговорной), следовательно, как было ранее, более строгой и неограниченной. (Правила КТМ (ст. 186, 190), устанавливающие ответственность за причинение вреда жизни и здоровью пассажиров при наличии вины перевозчика, а также пределы такой ответственности предназначены для перевозок иностранных граждан в заграничном сообщении и в силу ст. 197 на российских пассажиров не распространялись и не распространяются в данный момент). Таким образом, закон изначально отдавал приоритет защите жизни и здоровья пассажиров над интересами транспортных организаций. Здесь необходимо обратить внимание на основания и объем ответственности перевозчика, заложенные в нормах ст. 796 ГК РФ, в соответствии с которой ответственность перевозчика при не сохранности груза ограничивается его стоимостью. Так, ущерб, причиненный в случае утраты или недостачи груза, возмещается перевозчиком в размере стоимости утраченного или недостающего груза, а в случае повреждения груза - в размере суммы, на которую понизились его стоимость. Это правило ст. 796 ГК РФ является традиционным для транспортного права и одновременно изъятием из общего правила ст. 15 и 393 ГК РФ.

Деликтная же ответственность перевозчика за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, как указывалось выше, исходя из общих правил гл. 59 ГК РФ, не носит ограниченный характер - вред, причиненный пассажиру при перевозке, должен возмещаться в полном объеме (ст. 1079, 1064 ГК РФ).

Иной подход изначально был заложен в нормах международных транспортных конвенций, особенность которых состоит в регламентации ответственности транспорта за вред, причиненный здоровью пассажиров, в рамках договорной, а не деликтной ответственности. Конвенции содержат специальную статью, согласно которой при причинении вреда здоровью пассажира применяются правила конвенции, и предъявление деликтного иска не допускается [2]. Такое правовое решение позволяет ограничивать ответственность перевозчика перед пассажиром и создает в этой области единообразный правовой режим, не зависящий от норм национального права, имеющих различия.

Примером могут служить нормы Римской конвенции об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности, от 7 октября 1952 г. [4] Пределы ответственности воздушного судна определены в данном международном акте в суммах, зависящих от веса причиняющего ущерб судна, причем установлен максимум возмещения за каждого погибшего или потерпевшего и порядок распределения выплачиваемой суммы, если общая сумма предъявленных исков о возмещении вреда превышает установленные пределы (ст. 13).

Более сложную систему норм о возмещении деликтных убытков содержит Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г., в дальнейшем существенно дополненная Протоколами от 1976 и 1992 гг. Конвенция, как и иные указанные международные акты, предоставляет владельцам морских судов возможность ограничить свою ответственность. В частности, размер такого предела определяется на базе 3 млн специальных прав заимствования и возрастает в зависимости от вместимости судна. Максимальный предел составляет 59,7 млн специальных прав заимствования.

Возвращаясь к нормам национального законодательства, хотелось бы обратить внимание на то, что в настоящее время несоответствие и коллизии действующего гражданского и транспортного законодательства проявляются в первую очередь в том, что в соответствии с нормами ст. 800 ГК РФ в случае причинения вреда жизни, здоровью, имуществу пассажира в процессе перевозки перевозчик отвечает по правилам гл. 59 ГК РФ, если законом или договором не предусмотрена повышенная ответственность перевозчика. То есть на основании ст. 1079 ГК РФ и 1064 ГК РФ - в полном объеме, что исходя из анализа норм действующего транспортного законодательства невозможно.

Так, необходимо отметить, что с 2012 г. деликтная ответственность перевозчика за причинение вреда жизни или здоровью пассажира на основных видах транспорта ограничена суммой в два миллиона рублей. Например, в соответствии с правилами п. 16 ст. 34 Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта перевозчик

(субъект малого и среднего бизнеса, осуществляющий предпринимательскую деятельность в сфере перевозки пассажиров автомобильным транспортом) не сможет возместить вред, причиненный жизни или здоровью пассажира при перевозке, в полном объеме, так как его ответственность ограничена суммой в 2 млн рублей нормами указанной статьи. Такое же положение в отношении ответственности перевозчиков и на других видах транспорта законодательно закреплено в иных действующих транспортных уставах и кодексах. В частности, ст. 113 Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации, 117 Водный кодекс Российской Федерации; п. 3 ст. 103.1 Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации аналогично вводят возможные максимальные пределы ответственности перевозчика за причинение вреда жизни или здоровью пассажира в размере 2 млн рублей.

Исходя из анализа действующего транспортного законодательства следует констатировать, что закрепленный размер деликтной ответственности перевозчика ограничен определенной и одинаковой для всех перевозчиков суммой - в 2 млн рублей, что противоречит ныне действующим общим положениям гл. 40 ГК РФ. В связи с чем хотелось бы обратить внимание на необходимость разработки и принятия специальных методик для исчисления размера вреда, причиненного жизни и здоровью, а также имуществу пассажира при перевозке на каждом виде транспорта.

Представляется, что в сложившейся коллизионной ситуации с точки зрения унификации действующего гражданского и транспортного законодательства было бы правильным внести изменения в нормы ст. 800 ГК РФ и сформулировать ее в следующей редакции: «Ответственность перевозчика за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, определяется по правилам, предусмотренным транспортными уставами и кодексами с учетом норм главы 59».

Таким образом, следует сделать вывод, что изменения должны быть связаны с дальнейшим совершенствованием и развитием транспортного законодательства России, так как на современном этапе в нем не прослеживается единого подхода к вопросу о деликтной ответственности перевозчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селютина О.Г. Деликтные правоотношения в гражданском праве: сборник трудов конференции. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. С. 82-85.

2. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2013. С. 200.

3. Гришин А.В., Фоминова Е.М. Некоторые вопросы недействительных сделок // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 2 (67). С. 148-149.

4. Римская конвенция об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности, от 7 октября 1952 г. // Ратифицирована СССР в 1982 г. Текст Конвенции см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1983. N 7. Ст. 2185.

5. URL: http://www.rusnauka.com/39_FPN_2016/Pravo/9_217492.doc.htm.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергунова Анастасия Сергеевна, курсант 2 курса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Селютина Ольга Геннадьевна, преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин, кандидат экономических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

***Ключевые слова**: транспортная система, транспортное законодательство, перевозчик, деликтная ответственность за причинение вреда жизни и здоровью пассажира, малое и среднее предпринимательство, коллизии законодательства.*

УДК 347.1

Селютина О.Г., Костылева А.Н.

НОУ-ХАУ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Секрет производства (ноу-хау) выступает в качестве объекта гражданских правоотношений, который регулируется главой 75 Гражданского кодекса Российской Федерации. Рассматривая классификацию объектов гражданских прав, секрет производства можно отнести к неимущественным объектам, следовательно, разные предметы, методы и правовая защита указывают нам на его исключительность в гражданском обороте.

Правовое регулирование секрета производства (ноу-хау) закреплено главой 75 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данные понятия в законодательстве являются синонимичными. Согласно ст. 1465 ГК РФ секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны [1].

В российском законодательстве и в зарубежных доктринах не имеется чётко сформулированного понятия секрета производства (ноу-хау). Подобное явление обосновывается тем, что развитие общественных отношений не стоит на месте. Законодатель просто-напросто не успевает вносить изменения и дополнения в соответствующую статью гражданского законодательства в силу сложности и трудоёмкости процесса.

Все объекты гражданских прав можно разделить на группы:

1. Действия (работы и услуги);
2. Имущественные объекты (вещи, права, деньги);
3. Неимущественные объекты (результаты интеллектуальной деятельности, приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц и ноу-хау).

В свою очередь, общепризнанная практика применения данного института утверждает о необходимости разделения ноу-хау на три большие группы:

1. Сведения о методах, процессах, имеющих коммерческую ценность, но лишённых право быть запатентованными;
2. Информация о сущности незапатентованного изобретения, которая несёт пользу для промышленности;
3. Информация, которая была получена при использовании запатентованных технологий, но сама по себе не является таковой [2].

На сегодняшний день существуют две противоречащие друг другу правовые концепции, относящиеся к вопросу интеллектуальной собственности.

Первая концепция основывается на том, что интеллектуальная собственность приравнивается к обычному праву собственности, следовательно, вопрос о её защите регулируется процессуальным законодательством в области гражданского и уголовного права. Вторая концепция сводится к тому, что право интеллектуальной собственности нельзя отождествлять с право собственности. Данное положение

обосновывается тем, что интеллектуальная собственность не является каким-то предметом материального мира, потому что её нельзя потрогать, как обычную вещь.

Так, к объектам интеллектуальной деятельности законодатель относит и секрет производства, то есть ноу-хау. Секретом производства не могут быть признаны сведения, обязательность раскрытия которых либо недопустимость ограничения доступа к которым установлена законом или иным правовым актом. В качестве примера ноу-хау можно привести схему работы персонала или результаты исследований в определённой области.

Правовая охрана секрета производства (ноу-хау) имеет ряд особенностей. Прежде всего, следует рассмотреть понятие «правовой охраны», которое устанавливает объект на который возникает то или иное право, какому субъекту принадлежит это право, а также какими способами осуществляется его защита в случае нарушения. Данное понятие включает в себя меры и действия, которые предпринимаются в случае нарушения. Условия правовой охраны включает в себя рад элементов: сведения известны третьим лицам; обладатель сведений принял разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны и последнее, это у третьих лиц отсутствует свободный доступ к сведениям на законном основании.

Для охраны секретов производства (ноу-хау) гражданским правом это разделение, прежде всего, означает освобождение от формальностей предоставления охраны, предусмотренных в ст. 10 Закона «О коммерческой тайне». В соответствии со ст. 1465 ГК РФ (в редакции Закона N 35-ФЗ) «секретом производства (ноу-хау) признаются сведения... если... обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны». Сам режим коммерческой тайны прописан в ст. 10 Закона «О коммерческой тайне» [3]. Как указывалось, он состоит, в частности, в проставлении грифа «Коммерческая тайна» и в выполнении иных формальностей. Отныне выполнение всех этих формальностей более не является необходимым и обязательным для защиты секрета производства: обладатель секрета производства может выполнить эти формальности, но в случае их несоблюдения никакие его права не пострадают [4].

В отношении одного и того же секрета производства возможно существование нескольких самостоятельных исключительных прав, которые могут принадлежать разным субъектам. Данные субъекты являются обладателями сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства. Сроком действий исключительного права на ноу-хау признаётся то время, когда конфиденциальность сведений не разглашается третьим лицам. В случае разглашения сведений, они переходят в разряд не

конфиденциальных и правообладание у субъектов пользования прекращается.

Результаты научно-технической деятельности, имеющие такое свойство как конфиденциальность могут охраняться патентным правом или с помощью режима секрета производства. В связи с этим перед лицом, имеющим право на получение патента, стоит проблема выбора. Достоинствами патентного права являются прочность и определенность правовой охраны, а также невозможность для нескольких субъектов получить самостоятельные патенты на один и тот же результат. Недостатками патентного права выступают неуверенность в наличии у решения признаков патентоспособности, необходимость публичного раскрытия существа решения (для изобретения - еще до принятия решения о выдаче патента) и краткость сроков правовой охраны. При выборе правовой охраны решения в режиме секрета производства достоинства и недостатки просто меняются местами - в особенности это касается риска того, что секрет сведений будет очень скоро раскрыт и станет общеизвестным.

Действующее законодательство устанавливает, что обладателю секрета производства принадлежит исключительное право на него (ст. 1466 ГК РФ). Любое исключительное право на секрет производства (ноу-хау) обладает следующими возможностями: разрешать или запрещать третьим лицам использовать охраняемый объект, самому использовать охраняемый объект и, в конце концов, распоряжаться исключительным правом на охраняемый объект. Такое понимание исключительного права зачастую сходится с большинством объектов, которые охраняются гражданским законодательством (изобретения, товарные знаки). И лишь для одного объекта, указанного в четвертой части ГК РФ, а именно - для секретов производства (ноу-хау), такое содержание (понимание) исключительного права оказывается неприемлемым, неподходящим.

Завершая анализ российского законодательства в отношении такого объекта гражданских прав как ноу-хау необходимо рассмотреть тот момент, что в отношении секрета производства было введено такое понятие как «режим коммерческой тайны». Наличие или, наоборот, отсутствие коммерческой ценности может устанавливаться лишь в тот момент (или на тот момент), когда по поводу объекта возникнут обязательственные права, когда будет заключен договор (трудовой или гражданско-правовой) [5].

В заключение рассмотрения вопроса о ноу-хау как объекте гражданских прав, необходимо упомянуть, что содержание обсуждаемых сведений может быть самым разнообразным, следовательно, у обладателя могут появиться определенные права и обязанности, касающиеся использования этих сведений. Изучение главы 75 Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет нам сделать вывод о том, что секрет

производства (ноу-хау) является специфическим объектом права, в силу того, что может выступать в двух ролях. Первая заключается в том, что объект выступает в качестве информации, вторая – ноу-хау является интеллектуальной собственностью. Отсюда вытекает следующее положение: разный подход изучения данного объекта гражданских правоотношений образует разную область применения.

Однако нормы гражданского законодательства ставят серьёзные рамки в отношении использования данного объекта. Примером может являться тот факт, что информация, находящаяся у определённого собственника должна быть конфиденциально, следовательно, она не должна быть известна третьим лицам. Следует считать, что до момента заключения договора, касающегося секрета производства, у обладателя секрета производства есть лишь публичное право на охрану конфиденциальности личной тайны, которое в случае его нарушения получает гражданско-правовую защиту. Исключительное право на секрет производства, провозглашенное в главе 75 ГК РФ, на практике не применяется и не проявляется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Российская газета. N 289. 22.12.2006.
2. Погуляев В.В. Постатейный комментарий к Федеральному закону "О коммерческой тайне". М.: Юридический дом "Юстицинформ", 2005. С. 12 - 14; Погуляев В. Коммерческая тайна и ноу-хау // ЭЖ-Юрист. 2004. N 18; Белов В.В., Виталиев Г.В., Денисов Г.М. Интеллектуальная собственность. Законодательство и практика его применения: учеб. пособие. М.: Юристъ, 1999. С. 125.
3. Еременко В.И. Особенности правовой охраны секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Законодательство и экономика. 2014. № 12.
4. Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О коммерческой тайне» // «Парламентская газета», № 144, 05.08.2004.
5. Добрынин О.В. Особенности правовой регламентации ноу-хау: Дис. ... к. ю. н. М., 2003. С. 130.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Селютина Ольга Геннадьевна, кандидат экономических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Костылева Алина Николаевна, курсант 2 курса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: объект гражданских правоотношений, секрет производства (ноу-хау), изучение, рассмотрение, гражданское законодательство, практика, охрана и правовая защита.*

УДК 347.1

Семенов Е.А.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НАИБОЛЕЕ ПОЛНО ОТОБРАЖАЮЩИЙ ВСЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматривается понятие приговора суда, определяется его сущность, а также с позиции обеспечения прав и законных интересов личности проводится сравнительный анализ с другими решениями в уголовном процессе; обосновывается значение приговора суда как фундаментального акта правосудия, имеющего своей целью защиту прав и свобод участников уголовно-процессуальной деятельности.

Цели уголовного судопроизводства как основы государственной деятельности характеризуется тем, направлены в первую очередь на защиту потерпевших от преступления и на обеспечение лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, законным, обоснованным, справедливым приговором (как обвинительный, так и оправдательный), что и является, по сути, надлежащим итогом уголовного судопроизводства. Приговор, в соответствии с пунктом 28 ст. 5 УПК РФ, это решение о невиновности или виновности подсудимого, о назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. Соответственно в данном акте правосудия делается основной вывод по уголовному делу, наиболее полно отображаются все обстоятельства уголовного дела, приводятся доказательства [1].

В этой связи приговор представляет заключительный документ уголовно-процессуальных действий, который содержит описание события, содержание доказательств, на основе чего аргументируется вывод о невиновности или виновности обвиняемого, о виде и сумме наказания в

случае признания его виновным, а также другие вопросы, которые имеют значение для правильного разрешения всех возникающих в ходе уголовного судопроизводства вопросов.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ любой приговор должен отвечать требованиям, которые определяют его свойства. Для того чтобы приговор отвечал требованиям законности, обоснованности и справедливости, необходимо, чтобы он был постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ, а также чтобы при разрешении вопросов были правильно применены положения УК РФ. При этом должны быть соблюдены не только те положения УПК РФ, которые непосредственно регламентируют порядок постановления приговора, но и иные требования уголовно-процессуального закона, которые применялись на более ранних стадиях уголовного судопроизводства или на предыдущих этапах судебного разбирательства в суде первой инстанции. Требование обоснованности приговора означает, что все вопросы должны быть разрешены на основе всестороннего, непосредственного и полного исследования доказательств и установления всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [2, с. 29]. Если доказательства были исследованы надлежащим образом, то выводы суда, изложенные в приговоре, должны в полной мере соответствовать фактическим обстоятельствам уголовного дела. Справедливым является приговор, по которому было назначено наказание, в полной мере соответствующее тяжести преступления, личности осужденного и другим обстоятельствам, имеющим значение для уголовного дела [3, с. 17-18].

Ст. 118 Конституции РФ закрепляет исключительное право суда осуществлять правосудие и не допускает переложения данной функции ни на один внесудебный орган государства. Исключительное право суда осуществлять правосудие исходит из того, что деятельность суда протекает в особом правовом порядке, создающем такие преимущества в рассмотрении и разрешении дел, которыми не обладает ни один иной орган государства.

В совокупности эти условия позволяют понимать наиболее точно определить как сущность правосудия по уголовным делах, так и полностью сформулировать понятие акта, принятого по итогам производства по уголовному делу, раскрывать его свойства и соответствующие требования. В этом состоит самая важная задача теории уголовного процесса.

Единственным основанием виновности либо ее отсутствия, а также необходимость привлечения или освобождения от уголовной ответственности и наказания является судебный приговор, который способствует борьбе с преступностью, укреплению законности и охране прав человека.

Именно этот принцип дает нам реальную гарантию в укреплении законности, в проведении единой уголовно-процессуальной политики, в охране человека от незаконного привлечения или не привлечения к уголовной ответственности.

Приговор суда является важнейшим актом правосудия, вершиной процессуальной деятельности. Вопросы, относящиеся к постановлению приговора по уголовным делам, сегодня приобретают исключительно важное юридическое значение.

Процессуальная теория и практика предъявляют высокие требования к качеству приговора. Сегодня, когда на повестку дня выдвинута задача по повышению авторитета суда, главное - это, прежде всего, чтобы суды выносили исключительно законные, обоснованные, справедливые и мотивированные приговоры (ст. 297, 389.27 УПК РФ). Значительные усилия политического, правового, организационного характера, предпринятые российским государством в последнее десятилетие, существенно скорректировали и оптимизировали сферу обеспечения таких решений: внесены изменений в УПК РФ в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве [4], принципиально изменен традиционный порядок пересмотра приговоров и иных судебных решений, принимаемых при производстве по уголовным делам [5], внесены изменения в гл. 39 УПК РФ, регламентирующую постановление приговора [6], в целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих постановление судом первой инстанции оправдательного и обвинительного приговоров, повышения качества судебных приговоров конкретизированы положения нормативных основ [7] и т.д. Все это в совокупности с совершенствованием судебной практикой направлено на обеспечение вынесения законных, обоснованных, справедливых приговоров и соблюдения гарантий участков уголовного судопроизводства [8].

В этой связи следует отметить, что в 2017 году заметно упало количество осужденных. Согласно статистике Судебного департамента, по основной статье в прошлом году осуждено 697174 человек, в 2016 году их число составляло 740380 человек. Таким образом, только за год этот базовый показатель сократился на 6 %.

Впрочем, данная тенденция не ограничивается последней парой лет, она явно прослеживается с 2000 года, когда число осужденных составляло более миллиона (1184 тыс. чел). Таким образом, в новейшей эпохе развития судебной системы этот базовый показатель гуманности судебной системы улучшился почти в два раза [9].

Проблема обеспечения конституционных прав граждан стала предметом внимания Президента Российской Федерации. Так, в обращениях к Федеральному Собранию РФ Президент России В.В. Путин неоднократно отмечал, и 1 марта 2018 г. еще раз подчеркнул, что основные

задачи правоохранительных органов состоят в укреплении законности и правопорядка [10].

Вместе с тем, по данным судебной статистики, в 2017 году суды апелляционной инстанции вынесли решения об отмене обвинительных приговоров в отношении 7769 лиц. При этом в отношении 3986 лиц уголовные дела направлены на новое рассмотрение в суды первой инстанции, 762 лиц – возвращены прокурору, 1627 лиц – прекращены по различным основаниям[11].

Если говорить об оправдательных приговорах, то они были отменены в отношении 829 лиц. При этом в отношении 616 лиц дела направлены на новое рассмотрение, 45 – возвращены прокурору, 49 лиц – прекращены по различным основаниям, и лишь в отношении 76 лиц постановлены новые оправдательные (апелляционные) приговоры, что составляет 9,2 % от числа лиц, в отношении которых оправдательные приговоры были отменены.

В этой связи позволим себе процитировать слова федерального судьи в отставке Ю.А. Цветкова: «Из всех процессуальных таинств назначение наказания является наиболее сакральным. Именно в этой стадии процесса совершается алхимическое взаимодействие закона и совести судьи, которые должны превратиться в справедливость. Если превращение не осуществилось - значит, правосудие не свершилось» [12, с. 18-19].

Как свидетельствует судебная практика, «превращение не всегда осуществляется» и судами допускается большое количество ошибок, число вынесенных судами приговоров не всегда в полной мере соответствует требованиям законности, обоснованности и справедливости. Правильные по существу решения нередко выглядят в приговоре неясными, немотивированными, что затрудняет проверку, а также их исполнение. Изложенные обстоятельства обусловили выбор темы и ее актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришина Е.Б. Роль объяснений в системе доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Научный вестник. 2015. № 2 (63). С. 36-38.

2. Гриненко А.В. Приговор суда первой инстанции как итоговый акт уголовного судопроизводства // Российский судья. 2017. № 1. С. 29-32.

3. Гриненко А.В. Обеспечение права на защиту: законодательное закрепление и правоприменительная практика // Российский судья. 2015. № 8. С. 17-18.

4. Федеральный закон от 28 декабря 2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2013. 30 декабря.

5. Федеральный закон от 29 декабря 2010 № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 31 декабря.

6. Федеральный закон от 28 марта 2017 № 50-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты» // Российская газета. 2017. 31 марта.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

8. Ветрова О.А. К вопросу о правовом статусе и полномочиях руководителя следственного органа // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. 2016. С. 80-84.

9. Сайт Верховного суда РФ [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/press_center/mass_media/26710 (дата обращения: 03.05.2018).

10. См.: Официальный сетевой ресурс Президента России [Электронный ресурс]. URL: http:// www.kremlin.ru/events/president/ news/56957 (дата обращения 05.03.2018).

11. Сайт Судебного департамента при ВС РФ http://www.cdep.ru, разд. «Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год» (дата обращения: 25.03.2018) // Приложения 1-4.

12. Цветков Ю.А. (Не)справедливость приговора. Рефлексия на тему судебной алхимии // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 18-26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенов Евгений Алексеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова*: приговор, решение суда, оправдательный приговор, обвинительный приговор, свойства приговора, требования к приговору.*

УДК 343.1

Спирин А.В.

О ПРАВЕ ПРОКУРОРА РАСПОРЯЖАТЬСЯ ОБВИНЕНИЕМ

Автор статьи анализирует проблемы, связанные с отказом государственного обвинителя от обвинения в судебных стадиях уголовного судопроизводства. По его мнению, назрела необходимость изменения уголовно-процессуального законодательства в части расширения влияния прокурора на формирование обвинения в досудебном производстве. Кроме того, сам порядок отказа от обвинения нуждается в законодательном уточнении.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК) понимает под обвинением утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленным УПК (п. 22 ст. 5 УПК). Обвинение формулируется в досудебном производстве в ключевых процессуальных документах: постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении. Теория уголовного процесса различает первоначальное обвинение (излагается в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, утвержденном прокурором, и т.п.) и обвинение окончательное, которое излагается в приговоре суда [1, с. 34-35].

Лица, уполномоченные уголовно-процессуальным законом формулировать, обосновывать и при наличии достаточных оснований отстаивать вывод о совершении определенным лицом конкретного преступления, являются субъектами обвинения. Субъекты публичного обвинения наделены правом по составлению процессуальных документов, отражающих формулировку и обоснование обвинения, на них возложена процессуальная обязанность – обосновывать обвинение посредством доказывания: собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК [2, с. 62-64, 71]. К субъектам публичного обвинения в российском уголовном процессе относятся прокурор (государственный обвинитель), следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания.

Особое место в ряду субъектов публичного обвинения занимает прокурор (в судебном производстве – государственный обвинитель). Это особое место обусловлено рядом обстоятельств, среди которых нужно выделить возложение на прокурора наряду с обязанностью осуществления уголовного преследования обязанности надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, а также то, что

прокурор, единственный из субъектов обвинения, является участником не только досудебного производства, но и судебных стадий уголовного процесса. В науке выработано емкое понятие «обвинительная власть», под которой понимается система государственных органов, возглавляемых прокуратурой, наделенных соответствующими процессуальными, а также иными властными полномочиями, и их деятельность по осуществлению уголовного преследования, как в ходе самого судопроизводства, так и до его официального начала [3; 4, с. 14-18]. При этом сама концепция обвинительной власти, возглавляемой прокурором, приводит к выводу: прокурор уполномочен от имени государства распоряжаться обвинением: определять в окончательном виде пределы и основания обвинения, имеет право на отказ от обвинения, прекращение уголовного преследования [5, с. 17-18].

Принципиально разделяя концепцию обвинительной власти, следует отметить противоречивость законодательного регулирования уголовно-процессуального статуса прокурора в современном российском законодательстве. Так, будучи фактически отстраненным от процедуры формирования обвинения на предварительном следствии, прокурор получает в суде возможность изменить это обвинение и даже, при наличии оснований, отказаться от него (ч. 1 ст. 239, ч. 7 ст. 246 УПК). Парадоксально, но, не имея возможности ни изменить обвинение на предварительном расследовании, ни прекратить уголовное дело, ни, тем более, самостоятельно предъявить обвинение, в суде прокурор получает фактически неограниченную возможность определять судьбу этого обвинения. Возникает справедливый вопрос: кто уполномочил прокурора по своему усмотрению распоряжаться обвинением по делам, которые считаются общественно опасными, касаются каждого члена общества? Вопрос сложный, носящий экзистенциальный, по словам Л.В. Головко, характер [6, с. 52-53].

Не претендуя на исчерпывающий ответ на вышеприведенный вопрос, хотелось бы обратить внимание на ряд решений Конституционного Суда РФ, ограничивающих для прокурора (государственного обвинителя) возможность распоряжаться обвинением. Так, направление прокурором в суд, проверяющий законность и обоснованность вступивших в законную силу судебных решений, представления с указанием на имевшие место процессуальные нарушения, в том числе в части допустимости доказательств, не может расцениваться как отказ от обвинения, поскольку объем обвинения уже определен на предшествующих этапах производства по делу и проверен судами первой и апелляционной инстанции (Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. № 1260-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Антоняна Дживана Жораевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 246 и статьей 254 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации"). Позиция прокурора в апелляционной инстанции об отмене приговора и оправдании лица не является обязательной для суда и не влечет таких же последствий, как его отказ от обвинения в суде первой инстанции, поскольку (в числе прочего) предъявленное обвинение уже в суде первой инстанции трансформировалось в приговор (Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 г. № 2800-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности положений части четвертой статьи 37, части седьмой статьи 246 и части первой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»). Более того, Конституционный Суд РФ указывает: вышестоящий прокурор, установив, что нижестоящим прокурором не были обеспечены публичные интересы при отказе от обвинения, обязан исправить обнаруженные отступления от требований закона. Иначе отказ от обвинения превращался в окончательное решение, которое, вопреки принципам правового государства, не может быть исправлено ни в рамках централизованной системы органов прокуратуры, ни судом. Суд апелляционной инстанции, в свою очередь, не связан позицией государственного обвинителя, которая и является в таком случае предметом оценки апелляционной инстанцией (Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 г. № 1744-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мамкина Данилы Даниловича и Мамкиной Нины Ивановны на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Избежать ситуаций необоснованного отказа государственного обвинителя от обвинения в суде первой инстанции с перенесением спора в вышестоящие суды (или существенно уменьшить число таких ситуаций) могла бы позволить корректировка законодательства в следующих направлениях:

1. Четкое закрепление в ст. 246 УПК процедуры отказа от обвинения, когда прокурор, утвердивший обвинительное заключение, может либо согласовать позицию государственного обвинителя об отказе от обвинения, либо прибегнуть к замене обвинителя.

2. Расширение полномочий прокурора в досудебном производстве по участию в формировании обвинения, в том числе, право давать следователю указания об изменении и дополнении обвинения, возможность корректировать обвинение при проверке дела, поступившего с обвинительным заключением. Активное участие прокурора в формулировании обвинения повысит его ответственность за законность и обоснованность этого процессуального решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ровнейко В.В. Изменение обвинения в суде первой инстанции по российскому уголовно-процессуальному законодательству: дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 1996. 257 с.

2. Андреянов В.А. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 208 с.

3. Александров А.С. Забыть Фойницкого? / Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства». 11-12 октября 2007 г. (Санкт- Петербург). [Электронный ресурс]. URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=257.

4. Лазарева В.А. Обвинительная власть: понятие, субъекты, формы реализации // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 14-18.

5. Кучин А.Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 28 с.

6. Головко Л.В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50-67.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Спирин Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Уральский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: *обвинение, обвинительная власть, прокурор, государственный обвинитель, отказ от обвинения.*

УДК 343.16

Стольников П.М.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УСМОТРЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье раскрываются отдельные проблемы реализации усмотрения следователя при решении вопроса о целесообразности избрания определенной меры пресечения. Вносятся предложения по

совершенствованию процессуального порядка согласования ходатайства следователя об избрании меры пресечения.

Уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие процессуальную самостоятельность следователя, находятся в центре внимания и ученых, и практиков. Сама идея процессуальной самостоятельности следователя не вызывает возражений, поскольку реализация следователем процессуальных функций не возможна без его определенной независимости и наличия законной возможности принимать в ряде случаев процессуальные решения в соответствии с собственным усмотрением. На право следователя проявлять активность при производстве процессуальных действий и важность механизма, обеспечивающего процессуальную самостоятельность следователя, указывалось учеными еще в советский период [1].

Основной формой реализации процессуальной самостоятельности следователя следует рассматривать усмотрение следователя, которое проявляется в процессе правоприменения. Наличие усмотрения во многом связано с присутствием в законодательстве значительного числа относительно-определенных правовых предписаний, предполагающих возможность выбора правоприменителем одного из вариантов поведения в зависимости от конкретной ситуации.

Реализация следователем процессуальных полномочий должна вписываться в законодательную конструкцию, закрепленную в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в соответствии с которой следователь вправе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. Вместе с тем такая процессуальная самостоятельность следователя имеет границы, так как нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ предусматривают целый ряд случай, когда производство процессуальных действий или принятие процессуальных решений должны согласовываться с руководителем следственного органа, невозможны без судебного разрешения или могут отменяться прокурором.

Такие ограничения могут присутствовать и при принятии следователем решения о целесообразности применения к обвиняемому мер процессуального принуждения. Исследователи обоснованно отмечают, что «в последнее десятилетие в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения сложилась достаточно сложная ситуация» [2, с. 20]. Вместе с тем, уголовно-процессуальное законодательство позволяет следователю реализовать обоснованное и законное усмотрение при решении вопроса об избрании меры пресечения.

В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 97 УПК РФ следователь вправе самостоятельно избирать меру пресечения, не требующую разрешения суда. При этом усмотрение следователя может проявляться как

при выборе одной из таких мер пресечения, так и при принятии решения о необходимости применения более строгой меры пресечения, применение которой невозможно без санкции суда. Формулировка ч. 1 ст. 97 УПК РФ предоставляет следователю достаточно возможностей для реализации усмотрения. Однако оно не может быть безграничным и четко ограничивается нормами уголовно-процессуального закона. Полагаем, что расширению процессуальной самостоятельности следователя способствовало бы допущение возможности комбинировать несколько мер пресечения. На сегодняшний день такая возможность появилась только у суда после внесения Федеральным законом от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ в УПК РФ соответствующих изменений [3]. В то же время у следователя появляется возможность реализовать усмотрение при решении вопроса о необходимости подачи дополнительного ходатайства в суд об установлении в качестве меры пресечения запрета определенных действий.

Но во втором случае усмотрение следователя может быть реализовано только при условии, что совпадет с усмотрением руководителя. Считаем, что такой механизм согласования следователем соответствующего ходатайства с руководителем следственного органа является избыточным и препятствующим реализации процессуальной самостоятельности следователя.

Усмотрение следователя может ограничиваться и уголовно-процессуальной нормой, устанавливающие определенные требования и ограничения к ее применению. Как отмечают исследователи, данное правило может применяться, например, при реализации следственного усмотрения при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего [4] или при применении норм, закрепленных в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ [5].

В определенной мере усмотрение следователя ограничивается и при решении вопроса об участии следователя в судебном заседании с целью обоснования своего ходатайства. В настоящее время следователь может реализовать данное правомочие только по поручению прокурора. Считаем, что в данном случае законодатель необоснованно ограничил право следователя по собственному усмотрению обосновывать свое ходатайство. Это оправданно и потому, что нередко прокурор в недостаточной мере владеет картиной предварительного расследования и не может аргументированно обосновать необходимость избрания наиболее строгой меры пресечения [6].

Решение обозначенных проблем должно быть системным и предполагает внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство с целью расширения процессуальной самостоятельности следователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1981. 192 с.

2. Кондрат И.М. О влиянии уголовной политики государства на нормативное закрепление института процессуального принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 11–21.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

4. Марковичева Е.В. Особенности избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Российский следователь. 2007. № 20. С. 10-12.

5. Марковичева Е.В. Критерии определения предпринимательской деятельности при применении ч. 1 1 ст. 108 УПК РФ // Уголовное право. 2015. № 5. С. 135-137.

6. Ветрова О.А. К вопросу о взаимодействии следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность при расследовании преступлений // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сборник статей / Редколлегия: А.В. Гришин [и др.]. Орел, 2016. С. 31-38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стольников Павел Михайлович, начальник факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова*: следователь, процессуальная самостоятельность, меры пресечения, усмотрение, руководитель следственного органа.*

УДК 343.1

Стельмах В.Ю.

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА «В ОТНОШЕНИИ КОНКРЕТНОГО ЛИЦА»

В статье анализируются процессуальные особенности возбуждения уголовного дела «в отношении конкретного лица», вытекающие из смысла уголовно-процессуального закона и принятые в правоприменительной практике. На основе системного метода обосновывается мнение о том, что уголовное дело должно возбуждаться по факту совершения преступления, указание в постановлении данных о лице, причастном к преступному деянию, носит редакционный характер.

Современный российский уголовный процесс имеет самостоятельную стадию возбуждения уголовного дела, предназначенную для установления факта события преступления и играющую роль «фильтра», позволяющего отделить сообщение о преступлении от сообщений о других событиях, не носящих преступного характера и не требующих начала осуществления уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 10].

В соответствии с ч. 1 ст. 146 УПК РФ, уголовное дело возбуждается при наличии повода и основания. В постановлении о возбуждении уголовного дела должны быть указаны повод и основание для возбуждения дела, а также полная квалификация деяния (пункт, часть, статья УК РФ), на момент принятия решения (ч. 2 ст. 146 УПК РФ). Исходя из этих законодательных норм, возбуждение уголовного дела производится при выявлении факта совершения преступления. Установление лица, причастного к совершению соответствующего преступного деяния, на момент возбуждения уголовного дела не требуется. Как исключение, лицо должно быть установлено только в тех случаях, когда без этого само решение о возбуждении уголовного дела не может считаться законным (например, по некоторым составам преступлений со специальным субъектом).

Вместе с тем в ряде случаев уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица. В практической деятельности это выражается в том, что в постановлении о возбуждении уголовного дела должна быть указана фамилия конкретного лица, которое, по имеющейся на момент возбуждения дела информации, совершило преступление. Как было отмечено, ранее указанные требования существовали только для составов преступления со специальным субъектом, когда без наличия сведений о субъекте невозможно установить, имеется ли состав преступления. В настоящее время ситуация изменилась.

Во-первых, закон в ряде случаев связывает со способом возбуждения уголовного дела определенные правовые последствия. Так, производство дознания в сокращенной форме допускается лишь тогда, когда уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица (п. 1 ч. 2 ст. 226^1 УПК РФ). Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица является основанием для его признания подозреваемым (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

Во-вторых, существенные отличительные особенности имеет порядок вынесения постановления о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, обладающих иммунитетами от уголовного преследования. В соответствии со ст. 448 УПК РФ, возбуждение уголовного дела производится не следователем, а руководителями следственных органов различного уровня, а в ряде случаев – при наличии согласия определенных государственных органов.

В-третьих, порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности по делам частного обвинения значительно отличается в зависимости от того, известно ли лицо, причастное к совершению преступления, или нет. В первом случае, если в заявлении потерпевшего указаны данные лица, совершившего преступление, заявление принимается к производству мировым судьей и судопроизводство осуществляется по правилам гл. 41 УПК РФ (чч. 6, 7 ст. 318 УПК РФ). Во втором случае, когда в заявлении отсутствует данные о лице, совершившем преступное деяние, мировой судья либо возвращает заявление потерпевшему, либо отказывает в принятии заявления и направляет его в орган дознания, после чего производство по делу ведется по правилам публичного обвинения (ч. 1^1 ст. 319, ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

Таким образом, в настоящее время возбуждение уголовного дела «по факту совершения преступления» и «в отношении конкретного лица» имеют не только редакционное и техническое, но и содержательное отличие. В соответствии со сложившимися в последние годы требованиями правоприменительной практики, возбуждение уголовного дела «по факту совершения преступления» без указания в постановлении данных о причастном лице, если таковые имелись у следователя, расценивались как нарушение норм уголовно-процессуального закона. Например, по уголовному делу, возбужденному по факту совершения руководством коммерческой организации хищения, прокурором в адрес руководителя следственного органа было внесено требование об устранении нарушений федерального законодательство на том основании, что дело было возбуждено по факту совершения преступления, в то время как объем сведений, имевшихся на момент принятия данного решения, требовал возбуждения уголовного дела в отношении конкретных лиц [2].

Представляется, однако, что сформировавшаяся практика не совсем правильна и противоречит смыслу уголовно-процессуального закона, а

также не соответствует правовой природе стадии возбуждения уголовного дела.

Во-первых, уголовное судопроизводство носит публичный характер. Представляя собой реакцию государства на преступление, то есть общественно-опасное деяние, уголовный процесс объективно должен быть направлен не только на защиту конкретного потерпевшего от преступления, но и на защиту общества в целом, каждого человека, потенциально могущего стать жертвой преступника, если он останется безнаказанным. Соответственно, для возбуждения уголовного дела должно быть достаточно только объективных признаков преступного деяния, самого факта его совершения, безотносительно к тому, кто именно это деяние выполнил.

Во-вторых, стадия возбуждения уголовного дела функционально предназначена только для выявления признаков преступного деяния как такового, но отнюдь не на установление всех его обстоятельств. На это указывают: а) относительная краткость сроков данной стадии; б) ограниченный арсенал средств доказывания (возможность производства только прямо предусмотренных в УПК РФ следственных действий, а также проверочных действий, результаты которых, по общему правилу, не имеют прямого доказательственного значения); в) невозможность применения мер процессуального принуждения; г) отсутствие процессуального статуса у лиц, не обладающих государственно-властными полномочиями. Исходя из этого, на стадию возбуждения уголовного дела объективно нельзя возлагать задачи по полномасштабному доказыванию, выяснению всех признаков преступления. Именно принятие решения о возбуждении уголовного дела дает возможность перейти к предварительному расследованию и полноценному осуществлению уголовно-процессуальной деятельности. Иными словами, возбуждение уголовного дела и является тем инструментом, который позволяет начать расследование обстоятельств совершения преступления с использованием всего предусмотренного законом арсенала средств доказывания.

Исходя из этого, стадия возбуждения уголовного дела не должна жестко предопределять границы предварительного расследования, прежде всего по лицам, привлекаемым к уголовной ответственности.

В-третьих, порядок возбуждения уголовного дела, исходя из отмеченных выше содержательных характеристик данного решения, должен быть единым. Недопустима ситуация, когда есть, по сути, два разных порядка – «по факту совершения преступления» и «в отношении лица, совершившего преступление».

Исходя из приведенных аргументов, представляется очевидным, что уголовные дела, по общему правилу, должны возбуждаться по факту совершения преступления. То обстоятельство, что в ряде случаев в постановлении о возбуждении уголовного дела могут указываться

анкетные данные лица, причастного к совершению соответствующего деяния, не должно расцениваться как отступление от общего правила и не представляет собой какой-либо особой процедуры возбуждения уголовного дела. Указание или неуказание этих сведений должно относиться к исключительной прерогативе следователя и не может расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона.

Процедуры, устанавливающие особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении лиц, обладающих иммунитетами от уголовного преследования, должны быть отменены, поскольку они ограничивают саму возможность осуществления расследования и установления обстоятельств преступного деяния. Все льготные порядки должны распространяться исключительно на применение в отношении соответствующих категорий мер процессуального принуждения, направления уголовного дела в суд и, возможно, на привлечение этих лиц в качестве обвиняемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. Москва: Проспект, 2016. 80 с.

2. Уголовное дело № 1116890708. 2015 год // Архив СУ УМВД России по городу Екатеринбургу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стельмах Владимир Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса. Уральский юридический институт МВД России.

Служебный адрес:620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова*: уголовное судопроизводство, стадии уголовного процесса, возбуждение уголовного дела, иммунитет от уголовного преследования.*

УДК 343.1

Сычёв А.В.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ АВТОТРАНСПОРТА

В данной статье рассмотрены вопросы совершенствования организации и тактики производства следственного действия – осмотра места происшествия, связанного с кражей автотранспорта.

До последнего десятилетия XX века в нашей стране ощущался острейший дефицит автомобилей и преступные посягательства на них были связаны во многом с этим. В настоящее время Российский рынок насыщен как автомобилями отечественного производства, так и иностранными моделями. Предложения превышают спрос. Однако в связи с кризисом в экономической системе, низким уровнем благосостояния населения, паразитическим образом жизни отдельных слоёв общества, проблема приобретения автомобиля на законных основаниях, избежав при этом незаконного завладения им, не исчезла. Многократно возросшая жажда наживы, слабость правоохранительной системы, множественность путей и средств, которые представляет автомобиль для удовлетворения корыстных интересов, повлекли криминализацию всей складывающейся вокруг него инфраструктуры.

Осмотр места происшествия - следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события.

От того насколько своевременно и качественно будет проведён осмотр места происшествия, во многом зависит успех всего дальнейшего расследования, причём фактор неотложности производства данного следственного действия, имеет первостепенное значение. Именно поэтому уголовно-процессуальное законодательство (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), ставит осмотр места происшествия в привилегированное положение от других следственных действий и предписывает: в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела.

В этих случаях, при наличии к тому оснований, уголовное дело возбуждается немедленно после проведения осмотра места происшествия. Когда речь идёт о кражах автотранспортного средства, то осмотр места происшествия позволяет уяснить характер и сущность происшедшего события; обнаружить и исследовать доказательства, устанавливающие: событие преступления, способ его совершения и виновность определенных лиц; условия и причины, способствовавшие совершению преступления.

Чтобы показать особенности осмотра места происшествия, нужно обозначить три направления работы следственно-оперативной группы при осмотре, а именно – осмотр места происшествия, осмотр прилегающей территории, и осмотр места обнаружения автотранспортного средства.

При выявлении особенностей расследования краж автотранспортных средств, следственно-оперативная группа позволяет сосредоточить усилия на выборе основных направлений работы на месте происшествия, которые определяются тактическими правилами, дающими следователю выбор в последовательности поиска возможных следов, организации взаимодействия между различными службами.

При расследовании краж автомобильного транспорта целесообразно использовать тактические приёмы осмотра исходя из конкретных обстоятельств дела. В тех случаях, когда необходимо провести осмотр места, с которого было похищено автотранспортное средство, максимально положительный эффект, как показывает практика, достигается при использовании тактического приёма - осмотра от периферии к центру (концентрического), т.е. начиная с прилегающей территории, вокруг предполагаемого места стоянки автотранспортного средства.

Если осмотру подлежит сам автомобиль, то осмотр лучше всего начать с него, как с объекта являющегося важным источником доказательственной информации, т.е. от центра к периферии (эксцентрический). Основная задача осмотра сводится к тому, чтобы установить, откуда прибыли преступники, их количество, использовали ли они другое транспортное средство, какова его модель, каким способом проникли к месту стоянки автотранспортного средства, в каком направлении скрылись. В некоторых случаях по способу проникновения к месту «хранения» автомобиля можно судить о профессиональных навыках преступников.

Определяя границы территории, подлежащие осмотру, следует учитывать характер совершенной кражи, особенности осматриваемого места (объекта), наличие следов, предметов и их взаимное расположение.

Следователю вначале необходимо определять место сосредоточения основных следов и обратить на это внимание членов следственно-оперативной группы с целью более тщательного исследования отдельных объектов. При этом особое внимание обращается на следы обуви, на протекторы колёс транспортных средств, выясняется, был ли автомобиль накрыт брезентом; охранялся ли данный объект; где находился сторож в предполагаемое время совершения преступления. Какие имеются механические преграды, препятствующие совершению кражи (ворота, забор, шлагбаум и т.п.); каким образом осуществляется въезд и выезд на стоянку. Усилия следственно-оперативной группы сосредотачиваются на поиск тех предметов, которые могли быть орудием преступления.

Детальный осмотр места происшествия осуществляется после изучения всей обстановки происшедшего события. Таким образом, обеспечивается сохранность имеющихся следов. Особое внимание уделяется поиску следов, дающих возможность получить представление о способе завладения транспортным средством, количестве преступников и направлении, в котором они скрылись. На открытых стоянках, в местах предполагаемого нахождения автомобиля целесообразно изымать образцы грунта, частицы асфальта, вещества химического (пятна масла, тосола, бензина, тормозной жидкости), биологического (кровь, слюна, пот, перхоть и другие выделения человеческого организма) и растительного происхождения, которые могут быть использованы при последующих экспертных исследованиях.

При краже автомобиля из гаража, бокса осмотр места происшествия начинают от центра к периферии, так как основная масса следов находится именно внутри гаража или бокса. Поскольку личные гаражи, как правило, небольших размеров, то преступники могут касаться стен и других выступающих предметов, на которых остаются микрообъекты от одежды, либо обуви. На преступниках также могут оставаться следы - наслоения от штукатурки, следы горюче-смазочных материалов. Передвигаться необходимо вдоль стен, осматривая окна, двери, прикрепленные к стенам или установленные около них стеллажи и иные предметы.

Изучая следы в комплексе можно, например, выяснить одним лицом совершена кража автомобиля или группой лиц. Существует ряд признаков, свидетельствующие о том, что кража совершена группой лиц: различные следы обуви (их количество, размер обуви, рисунок протектора на подошве т.п.); оставленная, утерянная преступниками одежда (перчатки, носовые платки, шарфы, шапки и т.п.); окурки отличающихся маркой, размерами и т.п.; различные следы пальцев рук (в первую очередь их локализация и положение относительно друг друга); характер повреждений на исследуемых объектах (отличные друг от друга трасологические следы, невозможность взлома преграды без участия третьих лиц и т.п.); различные следы использованного преступниками автомобильного транспорта (того на котором прибыли преступники, либо с помощью которого совершили кражу).

По окончании внутреннего осмотра гаража следует перейти на внешнюю сторону хранилища, обращая особое внимания на его конструктивные особенности: расположение дверных, оконных проёмов, надежность запирающих устройств и т.д. Наружное обследование объекта, проводится с целью выявления наиболее уязвимых мест, в том числе путей проникновения, произведенные разрушения. Данная информация необходима в дальнейшем для выдвижения соответствующих версий.

В дальнейшем целесообразно осматривать не только прилегающую к объекту территорию, но и пути подхода (подъезда) к нему, отхода от него, т.е. ближайшие улицы, обочины дорог, перекрестки. Это даст возможность обнаружить следы украденного транспортного средства, по которым нередко

удается определить направление его движения, возможное место стоянки автомашины. Детальный осмотр места происшествия осуществляется после непосредственного изучения всей обстановки происшедшего события.

Таким образом обеспечивается не только обнаружение и сохранность имеющихся следов, но и последовательность осмотра. При этом необходимо установить: действительно ли стоял автомобиль на том месте, которое указывает потерпевший, если стоял, то где конкретно.

Результативность осмотра объекта (гаража, бокса), из которого было украдено автотранспортное средство, увеличивается при участии в нём владельца (водителя), который может дать информацию о нарушениях обстановки, передвижениях предметов внутри гаража или около него, о похищенных предметах и вещах.

Следовательно, осмотр места происшествия по делам о кражах автотранспортных средств является не только источником получения доказательственной информации, но и служит основой для построения следственных и криминалистических версий относительно характера происшедшего события, лиц совершивших кражу, способа совершения преступления и других обстоятельств имеющих значение для расследования данного вида преступлений.

Другой разновидностью осмотра является – осмотр автотранспорта и документов. Осмотр автотранспортного средства является разновидностью следственного осмотра и осуществляется по тем же правилам, что и осмотр места происшествия, наибольшую ценность представляет осмотр обнаруженной машины, так, как на её деталях чаще всего остаются следы преступника.

Осмотр обнаруженного автотранспортного средства необходимо начинать с обзора окружающей обстановки. Если транспортное средство обнаружено на проезжей части дороги с интенсивным движением, необходимо принять меры безопасности для участников осмотра. Для этого оградить объект осмотра от доступа посторонних лиц и не создавать помех дорожному движению, зафиксировав при этом в протоколе осмотра основные положения рычагов, показания приборов, следы на кузове и в салоне автомобиля. Далее, продолжить осмотр, переместив автомобиль в более спокойное место.

На прилегающей территории следует искать следы перемещения транспортного средства, его демонтажа, замены отдельных узлов (частей, агрегатов), номерных знаков и т.п. Особенно тщательно исследуется место вокруг автомобиля. Здесь можно обнаружить следы обуви, различные предметы, оброненные, оставленные умышленно преступниками окурки, следы применения слесарных инструментов, частицы краски и т.п. При этом следователь должен попытаться определить, почему преступники оставили автотранспортное средство именно в том месте, где оно было обнаружено.

Ответ на этот вопрос может быть найден при соотношении обнаруженных следов с общей обстановкой места происшествия.

Осмотр автотранспортного средства позволяет получить информацию о том, где, в каком состоянии, сколько времени после совершения кражи, транспортное средство находилось в месте его обнаружения; предполагаемый маршрут движения преступников к автотранспортному средству; способы их проникновения в автомобиль. Вероятность обнаружения различных микрообъектов (кровь, слюна, волосы и т.п.) при осмотре автотранспортного средства очень велика. Данная работа требует особого внимания и специальной подготовки. Осмотр обнаруженного автотранспортного средства целесообразно осуществлять с участием специалиста, иначе все имеющиеся микрообъекты могут быть безвозвратно утеряны для следствия.

Осмотрев прилегающую территорию, и зафиксировав основные её положения в протоколе осмотра, следователь приступает к общему осмотру кузова и кузовных принадлежностей (стекол, зеркал, капота, багажника); государственных регистрационных знаков; бамперов; осветительных приборов, колес; молдингов; колпаков и других частей автотранспортного средства. Выясняется характер и происхождение обнаруженных повреждений. Затем, обследуется салон (кабина) автотранспортного средства: двери, панель приборов. Необходимо обязательно указывать показания спидометра, количество бензина в баке (это необходимо для определения дальности перемещения автотранспортного средства, времени его нахождения в данном месте, возможном маршруте следования преступников).

Осмотру подлежат: рулевое колесо, замок зажигания, рулевая колонка, рукоятка переключения передач, кресла и чехлы на них, ящик для перчаток, аудиоаппаратура, стекла, коврики, педали управления, обивка салона и ниша перед задним стеклом. Местами поиска микрочастиц и микрослед ов, в первую очередь является салон автомобиля. Это: ручки дверей, подлокотники, пепельницы, рычаги и педали управления автомобилем, зеркала внутри и снаружи автомобиля, ручки настройки аудиоаппаратуры, аудиокассеты и упаковка к ним, регулировочные рычаги кресел.

Особенное внимание следует уделять автомобильным креслам. Если на них есть чехлы, то они подлежат изъятию с целью последующего исследования на предмет обнаружения микрообъектов и запаховых следов. С этой же целью целесообразно изъять образцы почвы на педалях управления автотранспортным средством.

Осмотру подлежит также содержимое багажника, состояние основных узлов и агрегатов транспортного средства. В завершении фиксируются идентификационный номер автомобиля, номера кузова (кабины) двигателя, шасси.

Доказательственное значение осмотра места происшествия по кражам автомобильного транспорта, как подтверждает практика при составлении

протоколов этого следственного действия, резко снижается из-за недостатков в процессе оформления его результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.04.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из системы КонсультантПлюс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сычёв Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин, Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России.

Служебный адрес: 241050, г. Брянск, 2-й переулок Советский, д. 2[а].

***Ключевые слова**: осмотр места происшествия, кража автотранспорта, микрообъекты, доказательства.*

УДК 343.1

Тарасова О.М.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена проблемам теоретического и практического характера, связанным с понятием и содержанием уголовного преследования. В УПК РФ посвящена специальная глава уголовному преследованию, оно не является какой-то обособленной правовой категорией, а, напротив, тесно связано со всеми другими уголовно-процессуальными институтами и взаимодействует с ними.

На сегодняшний день в нашей стране современный этап развития уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость реформирования правовой системы.

Институт уголовного преследования закреплен в УПК РФ, однако, без достаточно глубокого теоретического исследования, не возможно его применение в практической деятельности. Существуют определенные

проблемы теоретического и практического характера, связанные с самим понятием уголовного преследования, его содержанием, особенно в ходе досудебного производства по уголовному делу, распространением в той или иной стадии уголовного процесса.

В связи с этим существует необходимость рассмотреть институт уголовного преследования применительно к новым реалиям сегодняшнего времени.

Уголовному преследованию посвящена глава 3 УПК РФ, а понятие уголовного преследования раскрывается в п. 55 ст. 5 УПК РФ: ”Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления”. Согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ сторона обвинения – это прокурор, а так же следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель.

В цивилизованной правовой действительности каждый правовой институт или отдельные нормы права имеют глубокие социальные корни и учреждаются для выполнения определенных общественно значимых функций. Являясь выражением воли государства и народа и имея в основе своей политическую природу, они всегда вызываются к жизни как ответная реакция на назревшие социально-экономические потребности существующего строя [1], преследуют цель наиболее эффективного регулирования конкретных общественных отношений.

Но общественные отношения, практика, как известно, постоянно развиваются, каждый этап развития выдвигает свои задачи, наполняет их новым конкретным содержанием. А закон должен улавливать изменения общественной жизни, отражать объективные ее запросы и служить этим задачам.

Базируясь на этом, можно сказать, что обозначенные в законе цели уголовного преследования есть правовое выражение тех социальных причин, которые определяют необходимость данного института как средства решения задач уголовного процесса. Кроме того, уголовный закон может всецело проявить себя и применяться к конкретному виновному лицу только через уголовное преследование. В правовом плане именно уголовный закон диктует необходимость этого феномена как института и как деятельности органов уголовной юстиции.

Соответственно уголовное преследование следует истолковывать не только как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в вышеотмеченных целях, но и как правовой институт, регулирующий эту деятельность. Как институт оно складывается из норм, имеющих отношение к данной деятельности, начиная с возбуждения уголовного дела и заканчивая последней стадией уголовного процесса.

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве выделена специальная глава, посвященная уголовному преследованию, оно не является какой-то обособленной правовой категорией, а, напротив, тесно связано со всеми другими уголовно-процессуальными институтами, взаимодействует с ними. Поэтому его правовыми основами выступает по существу весь массив законодательства, относящегося к уголовному процессу. Поскольку уголовное преследование как деятельность есть способ выполнения задач уголовного судопроизводства, достижению этой цели служит все уголовно-процессуальное право.

В юридической литературе уголовное преследование нередко трактуется как уголовно-процессуальная функция, как одно из основных направлений уголовно-процессуальной деятельности. Однако в это понятие вкладывается разное содержание. Так, по мнению М.С. Строговича, "уголовное преследование - это обвинение как процессуальная функция, т.е. обвинительная деятельность" [2]. По утверждению Л.М. Ларина, "уголовное преследование есть предшествующая разрешению дела уголовно-процессуальная деятельность, которая состоит в формулировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом" [3]. Оба автора возбуждением уголовного преследования считают вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, а также задержание и применение меры пресечения до предъявления обвинения. С точки зрения М.А. Чельцова, в уголовное преследование входит также возбуждение уголовного дела [4].

В своей монографии, посвященной исследованию функции уголовного преследования, осуществляемой прокуратурой России, А.Г. Халиулин, анализируя точки зрения процессуалистов по вопросу понятия и содержания уголовно-процессуальных функций, приводит перечень, включающий двенадцать основных уголовно-процессуальных функций, среди которых названа и функция уголовного преследования. По мнению А.Г. Халиулина в понятие, «уголовное преследование» должны входить возбуждение уголовного дела, производство расследования (в части собирания обвинительных доказательств) выдвижение обвинения против конкретного лица, формулирование этого обвинения и поддержания его в суде [5].

По мнению многих процессуалистов уголовное преследование представляет собою сложную деятельность. В нее входят действия следственных органов, органов дознания и прокуратуры, заключающиеся в собирании доказательств, уличающих обвиняемого или устанавливающих обстоятельства, отягчающие его вину, в применении принудительных мер, обеспечивающих изобличение обвиняемого, а также действия, направленные на то, чтобы обосновать перед судом предъявленное

обвинение, убедить суд в виновности обвиняемого и необходимости применить к нему заслуженное наказание. М.А. Строгович определил уголовное преследование как «...деятельность следователя (или органа дознания) и прокурора в отношении определенного лица, привлеченного к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, направленная на то, чтобы изобличить это лицо в совершении преступления, доказать его виновность, обеспечить применение к нему заслуженного наказания».

Тем не менее, сущность уголовного преследования не может быть ограничена только этими положениями. Как уголовно-процессуальная функция оно имеет более емкое содержание. В этом плане З.З. Зинатуллин прав, когда пишет: "Уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, во всех стадиях уголовного процесса, т.е. до тех пор, пока есть основания считать определенное лицо виновным в совершении преступления и заслуживающим применения к нему подлежащей отбытию той или иной меры уголовного наказания... По своему содержанию уголовным преследованием охватывается весь возможный комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, применением мер уголовно-процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных с собиранием, исследованием и оценкой средств доказывания (доказательств, их источников и способов получения и использования доказательств), направленных на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения, а также обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания" [6].

На основании выше изложенного можно сделать выводы:

1.) уголовное преследование - многофакторное, многостадийное, имеющее сложную структуру явление. И оно не завершается вынесением и вступлением в законную силу обвинительного приговора, а продолжается и в последующих стадиях уголовного процесса, если, разумеется, есть к тому надлежащие предпосылки;

2.) уголовное преследование - это предусмотренная уголовно-процессуальным законом обязанность компетентных органов государства (органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора), а также право частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя осуществлять деятельность, направленную на установление события общественно опасного деяния, изобличение лица, его совершившего;

3.) уголовное преследование - это сложное последствие, возникающее в связи с совершением уголовно наказуемого деяния, которое содержит следующие элементы:

а) основанную на нормах уголовно-процессуального закона и вытекающую из факта совершения деяния (действия, бездействия), содержащего признаки преступления, обязанность органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора в результате всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, установить и изобличить виновного;

б) выдвижение в установленном законом порядке обвинения в совершении общественно опасного деяния, запрещенного под угрозой наказания Уголовным законом;

в) утверждение прокурором обвинительного заключения, обвинительного акта;

г) поддержание государственного обвинения в суде.

Реализация института уголовного преследования означает, что после возникновения уголовно-процессуального правоотношения права и обязанности его субъектов (виновного в совершении преступления и органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора) были реализованы в точном соответствии с предписаниями закона. Поэтому о начале реализации уголовного преследования можно говорить лишь с момента возбуждения уголовного дела, ибо только с этого момента должностные лица вправе производить все предусмотренные законом следственные и иные процессуальные действия, применить меры принуждения и пресечения.

Однако уголовное преследование до конца не реализуется, если уголовное дело было возбуждено по факту совершения преступления, а в ходе предварительного расследования установить лицо, его совершившее, не представилось возможным, либо, когда в ходе расследования будут установлены обстоятельства, исключающие преступность деяния, либо доказано, что лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние, не подлежит уголовной ответственности [7].

Закрепление в уголовно-процессуальном праве института уголовного преследования является значительным продвижением к достижению, как принципа состязательности, так и назначения уголовного судопроизводства. Однако законодатель, игнорируя более четкое закрепление содержания, начального момента порождает множество проблем как теоретического, так и практического характера.

Из смысла Закона свидетельствует, что уголовное преследование возникает с момента совершения деяния (действия, бездействия), содержащего в себе признаки преступления, поэтому трактовка п. 55 ст. 5 УПК РФ должна быть изменена, а уголовное преследование определено как обязанность компетентных органов государства (органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора), а также право частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя

осуществлять деятельность, направленную на установление события общественно опасного деяния, изобличение лица, его совершившего.

Также важно отметить, что закрепление института уголовного преследования в УПК РФ 2001 года свидетельствуют о сильном сближении уголовно-процессуального законодательства с положениями Конституции России и Международными договорами, по сравнению с УПК РСФСР, в котором вообще отсутствовал термин «уголовное преследование».

Существующие пробелы можно устранить, но для этого требуется еще очень много работы по исследованию: не только исторического наследия, но и зарубежного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.,1952.

2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.

3. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки. М., 1997.

4. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.,1951.

5. Брестер А.А. Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму // Уголовная юстиция. 2013. № 2.

6. Боруленков Ю.П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования // Российский следователь. 2013. №10.

7. Пикалов И.А. О функции уголовного преследования в современном уголовном процессе // Наука Красноярья. 2013. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасова Ольга Михайловна, преподаватель методист отделения методического обеспечения учебного процесса учебного отдела, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: уголовный процесс, уголовное преследование, предварительное расследование, уголовное судопроизводство, сторона обвинения.*

УДК 343.1

Тарнакоп О.Г.

ПРОБЛЕМНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ

Проблемы частичной реабилитации в уголовном процессе стали предметом тщательного рассмотрения на современном этапе ввиду недостаточного на протяжении многих лет. Автор исследует институт частичной реабилитации, понятия, принципы частичной реабилитации по российскому законодательству, подробно останавливаясь на актуальности применения частичной реабилитации.

В целях разработки единых системных подходов к разрешению возникающих в правоприменительной практике споров, касающихся частичной реабилитацией, крайне необходимо вынести на обсуждение ряд вопросов и проблем, а именно: о понятии, содержании и правовой сущности частичной реабилитации; о лицах, обладающих правом на такую частичную реабилитацию; о значении для возмещения причиненного морального вреда постановления о признании за лицом права на реабилитацию; об специфических особенностях рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства исков о возмещении причиненного морального вреда в связи с частичной реабилитацией [1].

В российском гражданском законодательстве ответственность за вред, причиненный гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, выразившийся в незаконном осуждении, незаконном привлечении к уголовной ответственности, незаконном применении в качестве меры пресечения заключения под стражу либо подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, регламентируется положениями п. 1 ст. 1070 ГК РФ. Эта норма сохранила установленный ранее режим ответственности: вред возмещается в полном объеме за счет казны Российской Федерации, субъекта РФ либо муниципального образования, независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда. При этом условия, при которых возмещается причиненный вред в ст. 1070 ГК РФ не закреплены, а указано лишь то, что вред компенсируется в порядке, установленном законом.

Нормы, определяющие такой порядок, содержатся в действующей Главе 18 «Реабилитация» УПК РФ и регламентируют не только процессуальный порядок возмещения вреда реабилитированным, но и материальные основания возмещения им вреда. Наличие «двухотраслевого» и достаточно несогласованного регулирования в

законодательстве создает для судов в повседневной практике определенные сложности и приводит в результате к отсутствию единообразия и определенной системности при вынесении судебных решений.

Так, на наш взгляд, необходимо начать рассмотрение с того, что основания и условия возмещения причиненного вреда в связи с реабилитацией установлены в ст. 1070 ГК РФ, относятся к числу наиболее спорных и запутанных. В качестве примеров оснований, которые отнесены к реабилитирующим, но при этом не могут быть признаны таковыми, называются установленные в ст. 133 УПК РФ основания прекращения уголовного дела по формальным, не связанным непосредственно с признанием лица невиновным, мотивам: прекращение уголовного дела (например, об изнасиловании) вследствие отсутствия обязательного заявления потерпевшего, прекращение уголовного дела в связи с отказом соответствующего органа в согласии на уголовное преследование представителя отдельной категории лиц, прекращение уголовного дела, ошибочно возбужденного второй раз по одному и тому же преступному посягательству.

Необходимо отметить, что к расширению всего круга оснований, предоставляющих право на реабилитацию, относится и частичная реабилитация. Так, сам юридический термин «частичная реабилитация» ни в ГК РФ, ни в УПК РФ не присутствует и не упоминается. Только лишь в положениях ч. 2 ст. 133 УПК РФ установлено, что среди лиц, обладающих правом на реабилитацию, указаны осужденные при ситуациях полной либо частичной отмены вступившего в законную силу вынесенного обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, регламентированным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (оправдания осужденного или прекращения уголовного дела либо уголовного преследования по реабилитирующим основаниям). Однако в правоприменительной практике судов право на частичную реабилитацию признается довольно широко и за подозреваемыми, и за обвиняемыми, и за подсудимыми.

Только признание лица полностью невиновным, т.е. прекращение уголовного преследования вследствие вынесения оправдательного приговора, либо по процессуальным основаниям, тождественным основаниям оправдательного приговора (реабилитирующим основаниям), указанным в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 1 ст. 1070 ГК РФ), предоставляет лицу гарантированное право на реабилитацию и на безоговорочное восстановление всех ранее нарушенных неимущественных благ и прав, а помимо этого и материальных потерь [2].

Важно отметить, что в последнее время вопросы частичной реабилитации неоднократно рассматривались Конституционным Судом РФ и выработанная им правовая позиция явилась неким толчком к

изменению правоприменительной практики судов по рассмотрению такого рода категории дел. Например, в Определении по жалобе Р. на нарушение ее конституционных прав ст. 133 УПК РФ, Конституционный Суд РФ определил, что ни в этой статье, ни в иных законодательных нормативных правовых актах, регулирующих компенсацию ущерба, причиненного гражданину незаконным уголовным преследованием, не содержится правовых положений, исключающих возможность возмещения вреда лицу, в отношении которого было вынесено постановление (определение) о прекращении уголовного преследования по реабилитирующему основанию, по той лишь причине, что одновременно при этом в иной части обвинения такое лицо было признано виновным в совершении преступного деяния или уголовное преследование, в отношении которого было прекращено по основаниям, не указанным в пп. 2 и 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ. В таких случаях, учитывая обстоятельства конкретного рассматриваемого уголовного дела и на основании принципов справедливости и главенства прав и свобод человека и гражданина суд может принять решение о частичном возмещении реабилитированному лицу причиненного вреда, если он был нанесен в результате уголовного преследования по обвинению, не подтвердившегося в ходе разбирательства в судебном порядке [3].

Однако суды как в уголовном, так и в гражданском производстве, опираясь на выработанные акты Конституционного Суда РФ в рамках рассмотрения различных жалоб по проверке конституционности ряда правовых норм, установленных в Главе 18 УПК РФ, по-разному, и не достаточно точно толкуют правовую позицию Конституционного Суда РФ, в связи с чем в последующие годы складывается достаточно противоречивая практика. Необходимо сказать и о том, что и Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 не внесло полной ясности в рассматриваемый вопрос. В п. 3 Постановления присутствует такое разъяснение, что исходя из положений Конституции РФ о праве каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц, и п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию имеет не только лицо, уголовное преследование, в отношении которого прекращено по основаниям ч. 2 ст. 133 УПК РФ по уголовному делу в целом, но и лицо, уголовное преследование, в отношении которого прекращено по вышеуказанным основаниям по части предъявленного ему самостоятельного обвинения.

Важно отметить, что правовая позиция Конституционного Суда РФ во взаимосвязи с нормами ст. 133 и 134 УПК РФ, а также ст. 1070 ГК РФ предоставляет достаточное основание для вывода, что в рамках правового института возмещения вреда, причиненного в результате незаконных

действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, существует два режима гражданско-правовой ответственности:

1) возмещение вреда лицам, уголовное преследование в отношении которых полностью прекращено в связи с их невиновностью либо по иным реабилитирующим основаниям;

2) возмещение вреда лицам, в отношении которых уголовное преследование прекращено по тем же основаниям не полностью (частичная реабилитация).

Такие два режима имеют следующие отличия: в первом случае право лица (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного) на реабилитацию подтверждается вынесенным приговором, определением, постановлением суда или постановлением следователя либо дознавателя (ч. 1 ст. 134 УПК РФ); реабилитированные приобретают безусловное право на восстановление своего доброго имени, возмещение понесенных им в связи с необоснованным уголовным преследованием имущественных потерь и иных расходов; восстановление трудовых, жилищных, пенсионных и иных имущественных и социальных прав, компенсацию морального вреда. Восстановление всех таких прав (за исключением требований о компенсации морального вреда в денежном выражении, рассматривающиеся в порядке гражданского судопроизводства) реализуется в особом упрощенном процессуальном порядке, регламентированном положениями нормами Главы 18 «О реабилитации» УПК РФ [4].

Во втором случае (частичной реабилитации) признание права на реабилитацию и подтверждение его выносимыми актами суда, следователя либо дознавателя ст. 134 УПК РФ не предусмотрено. Как следует из выработанной позиции Конституционного Суда РФ, лица имеют право только на возмещение имущественного и компенсацию морального вреда, и при этом установление того факта, был ли реально причинен вред в результате уголовного преследования по обвинению в действиях, виновность которых в итоге не нашла подтверждения в ходе производства по делу, а также установление наличия (отсутствия) оснований для его компенсации и выбор норм закона, подлежащих применению в данной ситуации, является компетенцией судов общей юрисдикции [5].

Однако в повседневной практике судов присутствуют и иные позиции, что подтверждается материалами обобщений судебной практики по делам, связанным с частичной реабилитацией, в регионах. Так, например, Челябинский областной суд, отмечая отсутствие единообразной практики по этой проблеме, поддерживает судебную практику признания права на реабилитацию. А если это право не было признано вынесенным приговором, то суды принимают такое решение во исполнение приговора по положениям главы 47 УПК РФ [6].

Помимо этого в судах Красноярского края при частичной реабилитации суды признают за лицами как право на реабилитацию и соответственно право на возмещение причиненного ущерба. При этом, если право на реабилитацию и на компенсацию ущерба не признано самим реабилитирующим актом, это упущение восполняется в результате обжалования такого акта. В судах присутствует мнение, что отсутствие определенного указания о праве на реабилитацию является основанием для отказа в принятии искового заявления в порядке гражданского судопроизводства о возмещении ущерба в соответствии со ст. 1070 ГК РФ [7].

Так, из обобщения материалов Оренбургского областного суда можно заметить, что при частичной реабилитации не всегда суды указывают о праве лиц на реабилитацию и на возмещение имущественного вреда. Присутствует мнение, что отсутствие соответствующего указания о праве на реабилитацию не препятствует рассмотрению требований о возмещении ущерба ни на основании положений ст. 133 УПК РФ, ни на основании ст. 1070 ГК РФ.

Таким образом, юридический термин «частичная реабилитация» не отражает пока сложившуюся правовую ситуацию и может применяться лишь как условный. Под ним необходимо подразумевать право лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено частично по реабилитирующим основаниям, на возмещение причиненного материального и морального вреда при наличии доказанности, что вред возник в результате незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Н.А. Проблемы частичной реабилитации в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2015. N 2. С. 34.

2. Ефремова Н.А. Проблемы частичной реабилитации в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2015. N 2. С. 36.

3. Определения Конституционного Суда от 21 апреля 2005 г. № 242-О и от 19 февраля 2009 г. № 109-О // Система Консультант Плюс, 2018.

4. Елагина А.А. Практика реабилитации // Мировой судья. 2016. N 7. С. 40.

5. Ярошенко К.Б. Компенсация морального вреда при частичной реабилитации. М.: КОНТРАКТ, 2015. С. 44.

6. Обобщение практики применения судами Челябинской области Главы 18 УПК РФ // Система Консультант Плюс, 2018.

7. Обобщение практики рассмотрения судами Красноярского края дел о признании права граждан на реабилитацию // Система Консультант Плюс, 2018.

8. Обобщение Оренбургского областного суда по изучению судебной практики по делам о признании прав граждан на реабилитацию // Система Консультант Плюс, 2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарнакоп Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Ростовский юридический институт МВД России.

Служебный адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, д. 83.

Ключевые слова: *частичная реабилитация, право, суд, уголовная ответственность.*

УДК 343.15

Тучков А.Ю.

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к деятельности судов. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, единство экономического и правового пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности.

С принятием законов «О Конституционном суде РСФСР» и «Об Арбитражном суде» изменилась их сфера деятельности. Действовавшие на то время государственные Арбитражи были по сути административными органами, которые «укрепляли» плановую государственную дисциплину. Теперь же юридические лица получили право оспаривать принятые на первой инстанции решения.

Осуществление мер по повышению качества правосудия, совершенствованию судопроизводства и его постоянной адаптации к потребностям государства и общества является неотъемлемой частью

последовательно проводимого демократического процесса в России. Построение в стране развитого гражданского общества и устойчивой демократии, позволяющей в полной мере обеспечить права человека, гражданские и политические свободы, определено в качестве одной из главных целей развития судебной реформы.

Актуальность изучения данной темы основывается на том, что коренное изменение правового устройства российского государства в конце прошлого столетия вызвало создание новой модели государственной власти, основанной на принципе разделения власти с утверждением самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной её ветвей. Эта важнейшая правовая новелла предопределила развитие российского суда как независимой и самостоятельной составляющей государственного механизма.

На данном этапе развития судебной системы в Российской Федерации возникает необходимость говорить о неизбежности реформы системы назначения судей и привлечения их к ответственности.

Вопрос судебной реформы на данный момент широко освещается и в юридической литературе. В соответствии с вышеизложенным, объектом данного исследования будет являться непосредственно судебная реформа. В настоящее время не приходится лишний раз говорить об актуальности исследуемого вопроса. Каждый гражданин РФ с каждым годом становится все грамотнее в этом вопросе, об этом говорится в СМИ, этому учат в учебных заведениях и помимо этого осведомленность в данном вопросе продиктована временем.

Судебная система как механизм государственной защиты имеет большое значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности.

Российская Федерация по смыслу ст. 1 Конституции Российской Федерации является правовым государством.

Это означает, что РФ является самостоятельной и независимой судебной системой, эффективно обеспечивающей защиту интересов государства, прав и интересов граждан и юридических лиц.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, для повышения эффективности политико-правовых институтов и обеспечения исполнения законодательства Российской Федерации необходимо решение следующих проблем:

- защита частной собственности, формирование в обществе понимания того, что способность обеспечивать защиту собственности является одним из критериев благоприятного инвестиционного климата и эффективности государственной власти;

- проведение судебной реформы, обеспечивающей действенность и справедливость принимаемых судом решений;

- создание условий, при которых российским компаниям было бы выгодно оставаться в российской юрисдикции (а не регистрироваться в оффшорах) и использовать для разрешения споров, в том числе споров по вопросам собственности, российскую судебную систему;

- борьба с коррупцией;

- существенное улучшение доступа к информации о деятельности государственных органов;

- кадровое обеспечение эффективного выполнения государственных функций и реализации государственных социальных гарантий.

Задачи, поставленные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, являются основополагающими для развития судебной системы России.

Обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений являются основными направлениями дальнейшего развития судебной системы.

Для реализации целей и задач Программы были определены следующие мероприятия:

- увеличение численности судей и работников аппаратов судов, обслуживающего персонала, введение должности помощника федерального судьи судов общей юрисдикции, введение должности помощника судей арбитражных судов, администраторов судов;

- увеличение заработной платы судьям и работникам аппарата Конституционного Суда Российской Федерации, судьям и работникам аппарата Верховного Суда Российской Федерации, судьям и работникам аппарата Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, судьям и работникам аппаратов судов общей юрисдикции и арбитражных судов, мировым судьям, судьям и работникам аппаратов военных судов, государственным служащим системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;

- строительство, реконструкция и ремонт зданий и помещений судов, строительство (приобретение) жилья для судей и работников аппаратов судов, Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации и его территориальных управлений;

- обеспечение имуществом, необходимым для деятельности судов;

- информационное обеспечение судебной системы.

Качество правосудия во многом зависит от уровня обеспечения права каждого на справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Одним из таких непременных условий является законодательное обеспечение судебной деятельности.

Говоря о путях повышения качества правосудия, хотелось бы прежде всего обозначить недопустимость ошибок в рассмотрении гражданских и уголовных дел, а так же важность соблюдения установленных законом сроков.

Необходимо обозначить важность предупреждения правонарушений и правовое воспитание граждан.

Всесторонний анализ деятельности судов приводит к выводу о том, что продолжают иметь место недостаточное качество судебной работы, порой отсутствие должностного контроля за сроками рассмотрения судебных дел, слабая работа по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, недостаточная квалификация судей в решении тех или иных вопросов.

С этой целью достижения обозначенных выше целей, принято и вступило в силу множество нормативных актов, таких как Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», которым установлены порядок формирования, состав и компетенция судов общей юрисдикции (за исключением военных судов и мировых судей), предусмотрена процедура апелляционного рассмотрения не вступивших в силу судебных решений. В связи с введением апелляционных процедур внесены соответствующие изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Внесены изменения в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», направленные на предотвращение коррупции в органах судебной власти, устанавливающие обязанность кандидата на должность судьи и судей представлять сведения об имуществе и обязательствах имущественного характера, сведения о доходах супруга (супруги) и несовершеннолетних детей. По инициативе Верховного Суда Российской Федерации в целях формирования доверия к российской судебной системе был принят Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», направленный на обеспечение прозрачности, публичности и гласности правосудия.

Принятие указанных законов, а также федеральных законов «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре

медиации)» делает судебную систему более эффективной, открытой, доступной и независимой, что является основой уважения к суду, а главное, направлено на повышение доверия граждан России к судебной власти, уверенности в способности органов правосудия профессионально и эффективно защитить их права и законные интересы.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что для продолжения судебной реформы и выполнения поставленных задач необходимо:

- надлежащее законодательное обеспечение деятельности судебной системы;
- приведение процессуальных процедур в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством;
- увеличение численности судей и работников аппаратов судов;
- усовершенствование процедуры назначения на должность судьи с целью привлечения в судейский корпус юристов высокой квалификации;
- повышение уровня материально-технического обеспечения деятельности органов судебной власти.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости принятия уточненной Концепции судебной реформы с учетом уже осуществленных преобразований, и определить направления дальнейшего реформирования судебной власти. Концепция судебной реформы призвана не только сохранить преемственность конституционных принципов правосудия и организации судебной власти, но стать более предметным и эффективным инструментом завершения судебной реформы в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тучков Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин, Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Служебный адрес: 241050, г. Брянск, 2 Советский переулок, д. 2 «А».

Ключевые слова: *Российская Федерация, Конституция, Концепция, суд, система, защита, реформа.*

УДК 343.1

Федорук М.В.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья освещает негативные последствия применения лишения свободы, такие как понижение социального статуса осужденных, снижение возможности вернуться к активной трудовой деятельности. Рассматривается порядок использования аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы. Рассматривается ответственность за злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы, а именно: злостно уклоняющимся признается осужденный, отказавшийся от использования в отношении его технических средств надзора и контроля. В заключительной части дается оценка эффективности применения ограничения свободы в Российской Федерации.

В настоящее время уголовно-исполнительная политика определяет цели, принципы, стратегию, основные направления, формы и методы деятельности государства по обеспечению исполнения наказания, исправлению осужденных, предупреждению совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Основной формой реализации уголовно-исполнительной политики является уголовно-исполнительное законодательство, которое, как и уголовное законодательство, всегда социально обусловлено и социально ориентировано. Гуманизация уголовно-исполнительной политики предполагает снижение уровня уголовной репрессии в государстве путем уменьшения количества заключенных под стражу и осужденных к лишению свободы; развития институтов условно-досрочного освобождения и практики их применения; приоритетного развития института исполнения наказаний без изоляции от общества; приведения условий отбывания наказаний в соответствие с целями наказания.

Важнейшим и приоритетным направлением развития уголовно-исполнительной системы на длительную перспективу является совершенствование системы наказаний, не связанных с изоляцией от

общества (с лишением свободы), расширение их перечня и практики назначения, развитие учреждений и органов, исполняющих наказания без изоляции от общества, а также кадровой политики по отбору и подготовке квалифицированных специалистов. Опыт пенитенциарных систем многих зарубежных стран развивается по пути применения наказаний, альтернативных лишению свободы, и показывает, что исправление осужденных без изоляции от общества вполне возможно и соответствует международным стандартам в сфере исполнения наказаний и обращения с осужденными. Естественно, вышеизложенное требует совершенствования законодательно-правового обеспечения назначения и порядка исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Одной из современных тенденций уголовной политики большинства развитых стран мира является активное применение наказаний, которые не связанны с изоляцией осужденного от общества. Представление о лишении свободы как об универсальном способе реагирования государства на любые преступления уходит в прошлое.

Необходимость применения наказаний, не связанных с лишением свободы, а только ограничивающих ее, отражается в международной реформе уголовных наказаний. В материалах Седьмого Конгресса ООН по предупреждению преступности отмечались негативные последствия применения лишения свободы, а именно: резкое понижение социального статуса осужденных, неоправданные страдания, причиненные самим фактом наказания семье и родным осужденного, сужение возможности возвращения к активной трудовой деятельности.

В августе 1990 г. Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями одобрил Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, которые были приняты Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1990 г. Они содержали свод основных принципов для содействия использования мер, не связанных с лишением свободы.

Первые упоминания о мерах государственного воздействия, ограничивающих свободу лица, содержатся еще в источниках права Древнерусского государства. Первые уголовно-правовые нормы Древней Руси были закреплены в договорах с Византией 907, 911, 944 годов и в Русской правде.

Ст. 32 УК РСФСР 1922 г. содержала такой вид наказания как изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно.

Уголовный кодекс РСФСР 1926г. внес некоторые изменения в существовавший ранее перечень видов наказаний. В систему мер социальной защиты судебно-исправительного характера (от термина «наказание» законодатель отказался) входило: удаление из пределов Союза ССР на срок; удаление из пределов РСФСР или отдельной местности с

обязательным поселением в иных местностях или без этого, или с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. не включал в себя ни сам институт наказания в виде ограничения свободы, ни схожих по правовым ограничениям наказаний.

Ограничение свободы – новый, не известный ранее отечественному уголовному законодательству вид наказания. Само название «ограничение свободы» свидетельствует о том, что ограничивается свобода личности.

Сущность наказания в виде ограничения свободы раскрывается в ч. 1 ст. 53 УК РФ и заключается в следующих ограничениях:

1) запрет покидать дом (квартиру, иное жилище) в определенное время суток;

2) не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования;

3) не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования;

4) не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях;

5) не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия уголовно-исполнительной инспекции.

6) возложение судом на осужденного обязанности являться от одного до четырех раз в месяц для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию.

Согласно п. 6.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 6 исходя из положений ч. 1 ст. 53 УК РФ в приговоре осужденному должны быть обязательно установлены ограничение на изменение места жительства или пребывания без согласия уголовно-исполнительной инспекции и ограничение на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования, а также должна быть возложена на него обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации.

Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ подвел итог многочисленным дискуссиям о природе уголовного наказания в виде ограничения свободы. С принятием указанного закона контроль за осужденными возлагается на уголовно-исполнительные инспекции, и он направлен на то, чтобы удостовериться, насколько добросовестно осужденный соблюдает правоограничения, возложенные на него судом.

Исполнение данного наказания осуществляется на основании ст. 53 УК РФ, в соответствии с главой 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ и «Инструкцией по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы», утвержденной приказом Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258.

Содержание наказания в виде ограничения свободы образуют правоограничения, установленные уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством.

Ст. 54 УИК РФ закрепляет обязанности УИИ: ведет учет осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, разъясняет порядок и условия отбывания наказания, осуществляет надзор за осужденными и принимает меры по предупреждению с их стороны нарушений установленного порядка отбывания наказания, оказывает осужденным помощь в трудоустройстве, проводит с ними воспитательную работу, применяет установленные законом меры поощрения и взыскания, вносит в суд представления об отмене частично либо о дополнении ранее установленных для осужденных ограничений, а также о замене осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания, не отбытой части наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы.

К наказанию в виде ограничения свободы также относится применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых для обеспечения надзора за осуждёнными.

На сегодняшний день создана нормативная правовая база для использования электронных браслетов: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; Федеральный закон от 27.12.2002 г. № 184- ФЗ «О техническом регулировании»; Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Постановление Правительства РФ от 31.03.2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы».

Кроме этого, п. «б» ч. 4 ст. 58 УИК РФ предусматривает, что злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы признается: осужденный, отказавшийся от использования в отношении его технических средств надзора и контроля.

Подводя итог, необходимо отметить, что Россия относится к числу стран с наименее развитой практикой применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Появление ограничения свободы в уголовном законодательстве России имеет исторический генезис и связано с таким правовым институтом, как условное осуждение с обязательным привлечением к труду, успешно функционирующем в 70-90 годы прошлого века. При

разработке УК РФ 1996 года и УИК РФ механизм исполнения ограничения свободы во многом был заимствован у института условного осуждения с обязательным привлечением к труду.

Эффективность наказания во многом зависит не только от его назначения, а от его реального исполнения, воплощения заложенного в нем воспитательного потенциала. В связи с чем, приходиться согласиться с мнением отдельных авторов, что в содержании наказание в виде ограничения свободы сложно разглядеть исправительный эффект, цель наказания – исправление осужденного, вряд ли будет достигнута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорук Максим Викторович, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин, Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Служебный адрес: 241050, г. Брянск, 2 Советский переулок, д. 2 «А».

Ключевые слова: *уголовное наказание, ограничение свободы, меры не связанные с лишением свободы, технические средства контроля, ограничения.*

УДК 343.1

Федотова О.В.

ОЦЕНКА КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Статья посвящена рассмотрению проблемных аспектов, связанных с оценкой кадастровой стоимости земельных участков.

На протяжении последних пяти лет кадастровая стоимость земельных участков используется в качестве самостоятельного обязательного элемента при их налогообложении. На основе кадастровой стоимости в соответствии с действующим законодательством осуществляется определение размера арендной платы, цены земельных участков при их продаже органами государственной власти и местного самоуправления. При этом кадастровая стоимость земельных участков важна как для их собственников, владельцев и пользователей, платящих за землю, так и для органов государственной власти и местного самоуправления при формировании доходной части бюджетов. Вместе с тем граждане и юридические лица не в полной мере осведомлены о том, как формируется кадастровая стоимость земельного участка, какие его характеристики влияют на ее определение, где и в каком объеме можно получить сведения о кадастровой стоимости.

До настоящего времени проведение государственной кадастровой оценки земель осуществлялось в соответствии с подзаконными актами – постановлениями Правительства Российской Федерации от 25 августа 1999 г. № 945 «О государственной кадастровой оценке земель» и от 8 апреля 2000 г. № 316 «Об утверждении Правил проведения государственной кадастровой оценки земель» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2006 г. № 206), методическими документами по государственной кадастровой оценке земель.

В связи с этим особо значимым является принятие Федерального закона от 22 июля 2010 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об изменениях).

Законом об изменениях дано определение государственной кадастровой оценки, установлен порядок ее проведения, а также порядок определения кадастровой стоимости [1].

Необходимо отметить, что сегодня термин «кадастровая стоимость земельного участка» употребляется только в общепринятой методике проведения государственной кадастровой стоимости земель поселений. Согласно данной Методике кадастровая стоимость представляет собой расчетную величину, отражающую представление о полезности земельного участка при его использовании. Причем, это понятие не содержит никакого экономического содержания.

Но, в статьях 65-66 Земельного кодекса РФ говорится, что для того, чтобы определить налогооблагаемую базу объектов земельных отношений необходимо провести кадастровую оценку земель. Однако Налоговый кодекс РФ предусматривает обязательное экономическое подтверждение любого налога [2; 3].

На наличие экономического содержания оценки земли, также указывает и федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности». Данный закон в качестве одной из целей создания и ведения государственного земельного кадастра (ГЗК) рассматривает информационное снабжение экономической оценки земель и учета стоимости земли в составе природных ресурсов, установления обоснованной платы за землю. Информация об экономических особенностях земельных участков подается в ГЗК на основании данных государственной кадастровой и иной оценки земель и положений нормативно-правовых актов органов государственной власти. При этом, законом не определено, на каком виде оценки земли (его стоимости) должны быть основаны сведения об экономических характеристиках земельных участков. Сказано только, что в данных ГЗК обязаны отражаться экономические характеристики земельных участков и, потому, его экономически обоснованная стоимость. Если следовать статье 70 Земельного кодекса РФ, то такой стоимостью должна являться «кадастровая стоимость». Но эта статья содержит, что последовательность ведения ГКЗ устанавливается вышеуказанным законом [4].

В соответствии с федеральным стандартом оценки, кадастровая стоимость объекта устанавливается методами массовой оценки рыночной стоимости, утвержденной законодательством РФ, которое регулирует проведение кадастровой оценки.

Кадастровая стоимость является расчетной величиной, отражающей представление о ценности и полезности определенного участка земли при его использовании.

В Российской Федерации оценка кадастровой стоимости земель проводится с конца 90-х годов прошлого века. При этом, оценку необходимо пересматривать не чаще одного раза в 3 года и не реже одного раза в 5 лет. Результаты такой оценки для любого земельного участка - его кадастровая стоимость в рублях - есть основа для последующего формирования земельного налога.

Необходимость переоценки кадастровой стоимости определена и тем, что в течение пятилетки в силу различных обстоятельств могут произойти трансформации, что приведет к изменению стоимости земли. К примеру, возможно развитие инфраструктуры поблизости от земельных участков, ранее выделенных по низкой цене, что отразится на их стоимости в настоящем. Другие земельные участки могут подлежать изменению их целевого назначения или разрешенного использования, что также повлияет на кадастровую стоимость [5].

Вся совокупность земельных участков оценивается одномоментно в границах территории административно-территориальной единицы. Реализацией процесса оценки занимается Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости и его территориальные органы. При проведении

проверки такой оценки особое значение уделяется сервитутам (правомочия узкого пользования участком земли для прокладки и эксплуатации линий электропередач, прохода или проезда через территорию и т.п.), а также ограничениям прав собственников, установленных действующим законодательством.

Этапы проведения работ представляют собой:

- планирование и генерация информационной базы;
- передел территории оценки
- на зоны и кадастровые кварталы;
- выделение группы стоимостных показателей кадастровой оценки;
- расчет ценовых зон в границах территории;
- графическое и цифровое оформление результатов кадастровой оценки, внесение их в ГКН.

В соответствии с Правилами проведения государственной оценки земель, в оценке земель всех категорий выделяется 3 основных методических подхода:

- кадастровая стоимость продуктивных земель (сельскохозяйственные и земли лесного фонда) выявляется на базе капитализации расчетного рентного дохода.
- оценка земель поселений, садоводческих, огороднических и дачных объединений осуществляется на основании статистического анализа рыночных цен (арендной платы) объектов недвижимости, а также иных методов массовой оценки недвижимости.
- государственная кадастровая оценка иных категорий земель черты городских и сельских поселений осуществляется на основе капитализации расчетного рентного дохода или исходя из затрат, необходимых для воспроизводства и (или) поддержания ценности их природного потенциала [6].

Кроме того, по некоторым оценочным группам непродуктивных земель применяется методический прием определения кадастровой стоимости земель имеющих наибольший удельный вес (по площади) в составе данной категории (например, кадастровая стоимость земель особо охраняемых территорий (заповедников) приравнивается к кадастровой стоимости земель лесного фонда, если леса преобладают на территории заповедника).

Исследования показали, что кадастровая оценка земель различных категорий - очень важное мероприятие, которое широко регулирует оборот земли, а также необходима для налоговой базы и кредитования населения, но методика оценки требует совершенствования, направленного на увеличение достоверности и качества земельно-оценочных работ.

Публично-правовые черты механизма применения восстановительных мер, указанных в п. 2 ст. 167 ГК РФ, - процессуальная

"взаимность", возможность процессуальной инициативы в ее применении "любого заинтересованного лица" или самого суда (ч. 2 п. 2 ст. 166 ГК РФ) - вызывают критику как не вполне соответствующие принципам частноправового механизма защиты. Указывается, что норма ч. 2 п. 2 ст. 166 ГК РФ находится в противоречии с правилами процессуального законодательства о пределах исковых требований, принципом состязательности и инициативы заинтересованного лица, и ее даже считают противоречащей ст. 123 Конституции РФ, а потому не подлежащей применению [7].

В целях обеспечения стабильного функционирования гражданского оборота и эффективного применения гражданского законодательства не допускается признавать исполненную сделку недействительной без применения последствий ее недействительности. Возможность применения судом последствий недействительности ничтожной сделки по собственной инициативе должно рассматриваться в совокупности с действующими процессуальными нормами, так как это является выходом за пределы заявленных исковых требований [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федерального закон от 22 июля 2010 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.12.2017).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.02.2018).
4. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности».
5. Махотлова М.Ш., Куготов А.Н. Методика кадастровой оценки стоимости земельных участков // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее: сборник статей VII Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Г.Ю. Гуляева. 2017. С. 43-46.
6. Горбачёв С.Ю. Кадастровая стоимость различных категорий земель // Инновационное развитие. 2017. № 5 (10). С. 37-39.
7. Федотова О.В., Гришин А.В. Реституция как мера восстановительного характера при признании сделки недействительной // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства: сборник статей / Редкол.: А.В. Гришин [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. С. 248-252.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Федотова Ольга Владимировна, кандидат биологических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова: *кадастровая стоимость, оценка, ГЗК, земельный участок, сделка.*

УДК 347.1

Федорова А.И.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОКУРОРОМ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Прокурорский надзор является одним из основных средств обеспечения прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела. В статье рассматриваются некоторые полномочия прокурора по обеспечению прав личности в данной стадии, предлагаются варианты решения возникающих проблем при осуществлении прокурором надзора за законностью.

Обеспечение прав, свобод и законных интересов личности на этапе доследственной проверки осуществляется, прежде всего, при помощи прокурорского надзора. Основными задачами которого является: проверка законности действий и решений органов дознания и предварительного следствия при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, а также защита прав и свобод лиц, заинтересованных в принятии законного и обоснованного решения по результатам проверки. Так, Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» устанавливается, что приоритетным направлением деятельности прокурора является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения.

Одно из итоговых решений, принимаемых на первоначальном этапе расследования, а именно постановление об отказе в возбуждении

уголовного дела, при его незаконности или необоснованности лишает потерпевшего права на доступ к правосудию. Конституционный суд РФ усматривает в принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела, а равно и игнорирование мер к установлению лиц, совершивших деяние, как лишение возможности получения потерпевшим судебной защиты своих прав и законных интересов [1].

Изучение материалов процессуальных проверок, по которым принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела, свидетельствует о том, что зачастую такие решения принимаются преждевременно и в дальнейшем отменяются прокурорами, так в период с января по май 2017 года прокурорами Российской Федерации было отменено 988 900 постановлений. Наиболее распространенными являются такие нарушения прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела, как незаконные решения об отказе в возбуждении уголовного дела при очевидных признаках преступления, фальсификация материалов проверок. Так, например, 12.04.2017 года в отдел полиции № 14 г. Екатеринбурга поступило заявление С. По факту хищения товара из магазина «Остин», по результатам проведенной проверки 06.05.2017 года участковым уполномоченным полиции вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В ходе проверки материала прокуратурой Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга постановление признано незаконным и необоснованным, в связи с чем отменено 22.05.2017 г., даны указания о необходимости возбуждения уголовного дела. 22.06.2017 г. по указанному факту отделом дознания возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ.

При оценке законности принятого на стадии возбуждения уголовного дела решения рассматривается полнота, качество проверки, достаточность собранных фактических данных, их документальное подтверждения, наличие (отсутствие) признаков состава преступления. Обобщение результатов выполнения требований действующего законодательства показывает, что полнота проверок не всегда соответствует предъявляемым требованиям. В материалах отсутствуют необходимые справки, экспертные заключения о тяжести вреда здоровью, стоимости материального ущерба, объяснения всех участников, очевидцев происшествия. Например, 30.12.2016 года в отдел полиции г. Екатеринбурга поступил материал проверки по заявлению Т., по факту совершения мошеннических действий на сумму 30000 рублей. В ходе проверки установлено, что 03.12.2016 г. Т. по средствам сети Интернет заказал у представителя компании «Разбор66» Н. двигатель внутреннего сгорания для своего автомобиля на общую сумму 30000 рублей. 03.12.2016 г. Т. для оплаты заказа внес на расчетный счет Сбербанка продавца № «…» денежные средства. После оплаты Т. пытался связаться с

Н. по телефонному номеру указанному в объявлении, но он был недоступен, товар в адрес Т. не поступил. В ходе проверки оперуполномоченным полиции проведен комплекс мероприятий и вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Прокурором Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга данное постановление отменено в связи с тем, что проверочные мероприятия проведены не в полном объеме, в частности не установлена информация о принадлежности расчетного счета Сбербанка России № «…» и номера телефона указанного в объявлении.

В соответствии с п. 2.3 совместного Приказа Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ и иных силовых структур от 26 марта 2014 г. № 147/209/ «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» прокуроры при проверке законности постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела имеют право лично в необходимых случаях получать объяснение от заинтересованных лиц и специалистов, заявителей, изменивших свою первоначальную позицию, в том числе и о мотивах изменения им своей позиции. Такой подход законодателя является определенной гарантией, позволяющей прокурору выявлять незаконную деятельность должностных лиц, пытающихся укрыть сообщения от учета их как преступлений путем внесения в материалы проверки ложных сведений о заявленном событии.

Такое положение дел, указывает на то, что прокуратуре удается предотвратить нарушение прав граждан, отменяя большое количество незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Именно на прокурора, в данном случае, возлагается обязанность по реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина на первоначальной стадии уголовного процесса.

По результатам проведения прокуратурой Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга дополнительных проверок за шесть месяцев 2017 года полицией возбуждено 142 уголовных дела, из них по инициативе прокурора 90 уголовных дел. Но это лишь малая часть по сравнению с тем, что отказано прокурором в согласовании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в 1084 случаях. Тем не менее, проблема кроется в том, что прокурор с 2007 года лишен права, путем вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, оперативно лично устранять подобного рода нарушения.

Исследуя деятельность и правомочия прокурора на этапе проверки сообщений о преступлениях, некоторые авторы указывают, что ему необходимо возвратить полномочие возбуждать уголовное дело при отмене незаконного и необоснованного постановления об отказе [2].

Так, Д.И. Ережипалиев уточняет, что «необходимо наделить прокурора правом возбуждать уголовное дело в случаях отмены незаконных и необоснованных постановлений следователя (дознавателя) об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления, а также по результатам проверки исполнения законов, когда прокурором выявляются нарушения закона, имеющие признаки преступления» [3].

Считаем уместным согласиться с мнением А.В. Спирина: «Надзорной природе полномочий прокурора, безусловно, отвечало бы наделение его правом возбуждения уголовного дела при отмене незаконного и необоснованного постановления органа дознания, дознавателя, следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ).

Кроме того, в случае выявления по результатам проверки исполнения требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) достаточных данных, указывающих на признаки преступления, прокурор должен иметь право возбудить уголовное дело и поручить по нему производство расследования» [4].

В заключении хотелось бы заметить, что сам факт наличия у прокурора правомочий по отмене незаконных и необоснованных решений о возбуждении уголовного дела либо об отказе в таковом является гарантией обеспечения законных интересов личности, соблюдения ее прав на этапе доследственной проверки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 2, 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1, 2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросом Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска»; См. также: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.ombudsmanrf.ru/2009-11-05-14-00-18/2009-11-05-14-09-33/718--2009-.html#12.

2. Семёнов Е.А., Нечушкина К.А. Участники проверки сообщения о преступлении: проблемы правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 32-33.

3. Ережипалиев Д.И. Прокурор как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения в досудебных стадиях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.

4. Спирин А.В. О необходимости наделения прокурора правом

возбуждения уголовного дела // Юридические исследования. 2016. № 8. С. 9-16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорова Ирина Андреевна, преподаватель кафедры уголовного процесса, Уральский юридический институт МВД России.
Служебный адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66.

Ключевые слова: *возбуждение уголовного дела, прав, свободы, законные интересы, гарантии, прокурор, правомочия.*

УДК 343.16

Фоминова Е.М.

К ВОПРОСУ О КОНТРОЛЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

Статья посвящена актуальным вопросам контроля в контрактной системе, его видам, проблемам реализации.

Контрактная система изначально разрабатывалась с целью борьбы с коррупцией и наделена огромным антикоррупционным потенциалом. Она предполагает возможность увидеть куда направляются деньги населения, как расходуются, сравнить с аналогичными закупками, осуществляемыми негосударственными участниками рынка и дать объективную оценку результативности закупок. С целью повышать эффективности планирования и исполнения расходной части бюджета создана система контроля в сфере закупок.

Контроль в контрактной системе можно разделить на контроль:

– органов государственной власти (муниципальных органов),

– ведомственный,

– заказчика,

– общественный.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (далее - Закон № 44-ФЗ) в соответствии с главой 5 устанавливает, что контроль в сфере закупок осуществляют следующие органы в пределах их полномочий:

1) федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, контрольный орган в сфере

государственного оборонного заказа, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления муниципального района, органы местного самоуправления городского округа, уполномоченные на осуществление контроля в сфере закупок;

2) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, финансовые органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, органы управления государственными внебюджетными фондами;

3) органы внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, определенные в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

Некоторые специалисты в сфере закупок в систему контроля включают и аудит (ст. 98 Закона № 44-ФЗ) «Аудит в сфере закупок представляет собой вид внешнего государственного (муниципального) контроля, осуществляемого указанными органами аудита в сфере закупок в целях проверки результатов осуществления закупок товаров, работ, услуг, в том числе на соответствие их положениям Закона № 44-ФЗ» [1].

Однако исходя из буквального анализа Закона № 44-ФЗ п. 4 ст. 98 следует: в целях достижения поставленных целей органы аудита в сфере закупок осуществляют экспертно-аналитическую, информационную и иную деятельность посредством проверки, анализа и оценки информации о законности, целесообразности, об обоснованности, о своевременности, об эффективности и о результативности расходов на закупки по планируемым к заключению, заключенным и исполненным контрактам. Органы аудита (Счетная палата Российской Федерации, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации, образованные законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, и контрольно-счетные органы муниципальных образований (в случае, если такие органы образованы в муниципальных образованиях), образованные представительными органами муниципальных образований) в сфере закупок обобщают результаты осуществления деятельности, в том числе устанавливают причины выявленных отклонений, нарушений и недостатков, подготавливают предложения, направленные на их устранение и на совершенствование контрактной системы в сфере закупок, систематизируют информацию о реализации указанных предложений и размещают в единой информационной системе обобщенную информацию о данных результатах.

Поэтому органы аудита при проведении проверок не дублируют полномочия контрольных органов в сфере закупок, поскольку проверка производится не в целях контроля за соблюдением субъектами контроля требований законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок, а

для проверки результатов закупок и достижения целей их осуществления, установления причин выявленных отклонений, нарушений и недостатков, а также подготовки предложений, направленных на их устранение и на совершенствование контрактной системы в сфере закупок.

Соответственно напрашивается вывод, что контроль органов государственной власти (муниципальных органов) осуществляют Федеральная антимонопольная служба России (территориальные органы ФАС), Федеральное казначейство России (территориальные органы), финансовые органы субъектов Российской Федерации или муниципальных образований.

К субъектам контроля относятся (часть 2, статьи 99 Закона № 44-ФЗ): заказчики, контрактные службы, контрактные управляющие, комиссии по осуществлению закупок и их члены, уполномоченные органы, уполномоченных учреждений, специализированные организации, операторы электронных площадок. Данный подход к описанию тех, кого контролируют, достаточно нетрадиционен, и может вносить путаницу в правоотношения. Анализ ведомственного законодательства показывает, что субъектами контроля называют именно тех, кто контролирует, а не кого.

При выявлении в результате проведения контрольным органом в сфере закупок плановых и внеплановых проверок, а также в результате рассмотрения жалобы на действия (бездействие) субъектов контроля нарушений законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок такой контрольный орган в сфере закупок вправе:

1) составлять протоколы об административных правонарушениях, связанных с нарушениями законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, рассматривать дела о таких административных правонарушениях и принимать меры по их предотвращению в соответствии с законодательством об административных правонарушениях;

2) выдавать обязательные для исполнения предписания об устранении таких нарушений в соответствии с законодательством Российской Федерации, в том числе об аннулировании определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

3) обращаться в суд, арбитражный суд с исками о признании осуществленных закупок недействительными в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации.

Ведомственный контроль в сфере закупок осуществляется в отношении подведомственных им заказчиков в порядке, установленном соответственно Правительством Российской Федерации, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, местной администрацией [2].

Предметом ведомственного контроля является соблюдение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок подведомственными органами ведомственного контроля - заказчиками, в том числе их контрактными службами, контрактными управляющими, комиссиями по осуществлению закупок, уполномоченными органами и уполномоченными учреждениями. Соответственно разработаны регламенты проведения ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд.

Как правило, по результатам ведомственного контроля, в случае выявления нарушений законодательства о контрактной системе, органы контроля передают материалы в государственные органы контроля или правоохранительные органы.

Контроль заказчика осуществляется согласно части 1 статьи 101 Закона № 44-ФЗ за исполнением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта в соответствии с законодательством Российской Федерации и привлечением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) к исполнению контракта субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций. Однако нормативно-правовое регулирование отношений между заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем), возникающих в рамках заключенного на основании Закона№ 44-ФЗ контракта, носит частноправовой характер.

В соответствии с частью 1 статьи 2 Закона № 44-ФЗ законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается, в том числе на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). Таким образом, если орган государственной охраны при проведении проверок при осуществлении заказчиком контроля за исполнением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта в соответствии с частью 1 статьи 101 Закона № 44-ФЗ вмешивается в оперативно-хозяйственную деятельность исполнителя, чем нарушает его права и законные интересы, исполнитель вправе обжаловать действия органа государственной охраны в соответствии с правовыми механизмами, предусмотренными гражданским законодательством Российской Федерации, в том числе в судебном порядке. В отношении субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций орган государственной охраны самостоятельно принимает решение о способах осуществления указанного контроля.

Общественный контроль осуществляется в целях реализации принципов контрактной системы, в том числе принципа эффективности. В соответствии с частью 1 статьи 102 Закона № 44-ФЗ общественный

контроль имеют право осуществлять граждане, общественные объединения и объединения юридических лиц. Однако в части 3 той же статьи, в которой предусматриваются права общественных контролеров, сказано, что эти права распространяются только на общественные объединения и объединения юридических лиц. О гражданах в данном ключе не сказано ни слова. Значит, включение граждан в число общественных контролеров по Закону№ 44-ФЗ является, по сути, декларативным. Сами граждане как субъекты общественного контроля не имеют каких-либо прав и полномочий при осуществлении самого контроля. Иначе говоря, реализовывать функционал общественных контролеров, предусмотренный Законом о контрактной системе, в том числе обращаться к заказчикам с запросами о предоставлении информации о закупках, обращаться от своего имени в государственные и муниципальные органы с заявлением о проведении мероприятий по контролю, обращаться в правоохранительные органы в рамках общественного контроля могут только общественные объединения и объединения юридических лиц. Гражданам остается лишь возможность направлять свои обращения в адрес государственных органов и органов местного самоуправления в рамках Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации". Таким образом, в чистом виде говорить об общественном контроле в сфере закупок в этом случае уже не приходится.

Частью 4 статьи 102 Закона № 44-ФЗ установлено, что "запросы о предоставлении информации об осуществлении закупок и о ходе исполнения контрактов, иные обращения, представленные общественными объединениями и объединениями юридических лиц, рассматриваются заказчиками в соответствии с законодательством Российской Федерации о порядке рассмотрения обращений граждан", то есть в соответствии с положениями Закона № 59-ФЗ. Анонимные обращения не должны рассматриваться. Кроме того, существуют злоупотребления в отношении заказчиков путем заваливания их запросами о предоставлении информации об осуществлении закупок и о ходе исполнения контрактов.

В связи с предполагаемыми изменениями с 1 июня 2018 года (ограничение доступа к отдельным данным по закупкам в ЕИС для основной массы населения) этот вид контроля будет неэффективен и должен быть трансформирован в иные формы.

Еще с 1 января 2017 г., Закон № 44-ФЗ (ст. 20) предусматривает обязанность проведения обязательного общественного обсуждения закупок, которое проводится в случае осуществления закупок при начальной (максимальной) цене контракта, составляющей более 1 млрд рублей, с использованием конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), за исключением случаев, установленных законом.

Обязательное общественное обсуждение проводится в разделе "Обязательное общественное обсуждение закупок" официального сайта единой информационной системы в сфере закупок в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", а также в виде очных публичных слушаний.

Такое обсуждение начинается с даты размещения в единой информационной системе планов закупок, содержащих информацию о закупках, подлежащих обязательному общественному обсуждению, и заканчивается не позднее срока, до истечения которого определение поставщика (подрядчика, исполнителя) может быть отменено заказчиком в соответствии со статьей 36, согласно которой заказчик вправе отменить определение поставщика (подрядчика, исполнителя) по одному и более лоту, за исключением проведения запроса предложений, не позднее чем за пять дней до даты окончания срока подачи заявок на участие в конкурсе или аукционе либо не позднее чем за два дня до даты окончания срока подачи заявок на участие в запросе котировок. Приходится констатировать, что институты общественного контроля пока не в полной мере оказывают значительное влияние на процедуры и результат закупок для государственных нужд, хотя и имеют существенный потенциал для развития. В этой связи предпринимаются попытки усовершенствовать механизмы взаимодействия общества и власти в сфере противодействия коррупции.

Таким образом, заказчики как субъекты контроля могут подлежать контролю со стороны органов государственной власти (ФАС России и ее структурные подразделения и Казначейство России), органов ведомственного контроля, граждан, общественных объединений и объединений юридических лиц. Кроме того, сами обязаны контролировать поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в пределах установленных законом. В рамках реализации всех перечисленных видов контроля видится необходимость совершенствования не только законодательства Российской Федерации о контроле в контрактной системе, но и приведения к единообразию практики его правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письмо МЭР РФ от 24 марта 2015 г. № Д28и-842 // СПС КонсультантПлюс.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 89 "Об утверждении Правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд". Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 7, ст. 683; № 12, ст. 1290.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фоминова Екатерина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры, Академия ФСО России.

Служебный адрес: 302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35.

***Ключевые слова**: контроль, контроль в контрактной системе, виды контроля, ГК РФ, ФАС.*

УДК 347.1

Халимов А.И., Гришин А.В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Данная статья посвящается сравнительно-правовому анализу применения домашнего ареста в Российской Федерации и по законодательству Республики Таджикистан.

В данной статье проводится сравнительный анализ такой меры пресечения, как домашний арест, согласно нормам действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации [3; 4; 5] и Республики Таджикистан [1; 2; 6].

Домашнему аресту, как мере пресечения, посвящена ст. 107 УПК РФ, включающая в себя 15 частей. Представленная далее характеристика домашнего ареста будет составлена с опорой на структуру ст. 107 УПК РФ [2]. Наиболее детальное изложение механизма применения домашнего ареста появилось после принятия Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ, предложившего новую редакцию статьи 107 [5].

Также отметим, что сущность домашнего ареста, как меры пресечения, состоит в ограничении права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленного статьей 22 Конституции РФ [3].

Примечательно, что до принятия УПК 2001 года данная мера пресечения отсутствовала в России, поскольку она не была включена в УПК РСФСР 1960 года (а до 1960-го года данная мера пресечения практически не применялась).

В первой части ст. 107 УПК РФ определены следующие базовые положения по применению домашнего ареста. Далее, во второй части ст. 107 УПК определены временные правила применения домашнего ареста.

1. Максимальный общий срок применения – 2 месяца.

2. Начало исчисления срока – момент вынесения соответствующего судебного решения.

3. Возможность продления срока – присутствует.

4. Условие продления – невозможность завершения предварительного следствия в максимальный общий срок.

5. Процессуальный порядок продления – ст. 109 УПК РФ (с учетом ст. 107 УПК РФ).

В 2013 году была введена часть 2.1, которая закрепила норму о том, что время содержания под стражей включается в срок домашнего ареста. Также в части 2.1 сказано, что общий срок домашнего ареста и срок содержания под стражей не может быть больше, указанного в качестве предельного (ст. 109 УПК РФ – 18 месяцев). Также в части 2.1 установлено, что порядок применения данных мер не имеет значения.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сделать вывод о том, что действующее российское уголовно-процессуальное законодательство определяет рамки применения домашнего ареста, как меры пресечения, в Уголовно-процессуальном кодекса РФ в статье 107. В статье имеется информация о содержании данной меры пресечения, о процессуальных особенностях применения, о запретах и ограничениях, которые возлагаются на лицо в случае избрания в его отношении домашнего ареста. Также при рассмотрении домашнего ареста важен такой межведомственный документ, как Порядок осуществления контроля за лицом, которое находится под домашним арестом. Данный порядок определяет особенности организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ).

В Республике Таджикистан правовым фундаментом применения домашнего ареста является ст. 110 УПК РТ [2]. Данная мера пресечения была введена в УПК в 2009 году.

Данная статья включает в себя всего 4 части. При этом для составления полного профиля данной меры пресечения необходимо рассмотрение иных статей УПК РТ.

Итак, первая часть определяет содержание меры пресечения.

1. Лицо, в отношении которого применяется мера пресечения, – подозреваемый, обвиняемый или подсудимый.

2. Содержание меры пресечения – лицо находится в изоляции от общества.

3. Наличие факта содержания под стражей – отсутствует.

4. Характеристика ареста – с наличием правоограничений.

Проводя аналогию с характеристикой меры пресечения по УПК РФ дополним данную характеристику следующей информацией:

1. Основание избрания – решение суда (ч. 1 ст. 35 УПК РТ, ч. 2 ст. 104 УПК РТ).

2. Наличие контроля – присутствует.

3. Местонахождение лица – жилое помещение, в котором он проживает. В исключительных случаях в качестве местонахождения может выступать лечебное заведение.

Далее, во второй части ст. 110 УПК РТ, устанавливаются правоограничения при избрании домашнего ареста. Характерно, что в данной части определены не только ограничения (запреты), но также и обязанности.

В части третьей данной статьи определено, что процессуальные особенности применения домашнего ареста совпадают с нормами, которые установлены для другой меры пресечения – заключения под стражу (порядок применения, сроки применения, процессуальные особенности).

Наконец, в четвертой части ст. 110 УПК РТ говорится о том, что постановление судьи или определение суда должно включать в себя такую информацию, как перечень конкретных ограничений, которые устанавливаются в отношении лица, а также орган, осуществляющий надзор (или указание должностного лица).

В связи с наличием отсылочной нормы на ст. 111 УПК РТ, дополним профиль домашнего ареста следующей информацией.

1. Характеристика совершенного преступления (которое совершил объект меры пресечения) – преступление, за которое уголовным законодательством предусматривается лишение свободы (более 2 лет).

2. Основа выбора меры пресечения – только тяжесть преступления.

Отметим, что отдельные положения по применению домашнего ареста также закреплены в Конституционном законе о прокуратуре.

Таким образом, исследование ст. 110 УПК Республики Таджикистан позволило сформировать профиль домашнего ареста, как меры пресечения. В данной статье описано содержание меры пресечения, перечень ограничений, характерных для данной меры пресечения, отсылочная норма на применяемость процессуальных норм заключения под стражу по отношению к домашнему аресту.

В результате проведения сравнительного анализа было установлено, что в целом российский УПК более подробно и детально регламентирует практику применения домашнего ареста, как меры пресечения. Что касается конкретных положений, то в целом УПК РФ и РТ схожи в подходах к применению домашнего ареста (одинаковые основания избрания меры пресечения, одинаковое содержание, одинаковое месторасположение, в котором осуществляется применение меры пресечения, одинаковая характеристика ареста, одинаковое наличие контроля, одинаковые отсылочные нормы по отношению к процессуальным особенностям применения заключения под стражу), при этом разница заключается в описании деталей (лицо, в отношении которого применяется норма – в РТ также заключенный, степень детализации изоляции, характеристика жилого помещения). Наиболее

существенные различия демонстрирует перечень ограничений, которые применяется по отношению лицу, которое находится под домашним арестом.

В рамках статьи было необходимо определить содержание меры пресечения домашний арест согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан, а также провести сравнительные аналогии между нормами данных стран. Значение выводов первой главы заключается не столько в выявлении общего и различного, сколько в определении возможности рассматривать правоприменительную практику в части домашнего ареста данных стран в положительной корреляционной зависимости. Отталкиваясь от этого тезиса, а также выводов первой главы представляется необходимым провести исследование текущего состояния правоприменительной практики двух стран.

В Таджикистане, который сейчас находится на пути построения правового государства, регулярно проводятся мониторинги международных организаций по изучению фактов соблюдения прав и свобод. По результатам мониторингов отмечается, что при высоком уровне декларируемости прав и свобод присутствуют факты нарушения данного принципа в части применения уголовно-процессуального законодательства, даже несмотря на принятие нового Уголовно-процессуального кодекса.

Статистические данные подтверждают актуальность исследования домашнего ареста в Российской Федерации. Ежегодно в России значительно увеличивается число ходатайств о назначении в качестве меры пресечения домашнего ареста.

В Российской Федерации, как и в Республике Таджикистан ратифицированы международные нормативно-правовые акты, посвященные правам и свободам человека и гражданина. Факт ратификации означает, что эти страны взяли на себя ответственность за то, что основные права и свободы будут соблюдаться. Нормы, устанавливающие соблюдение прав и свобод, также закреплены в национальных Конституциях данных государств [1].

В свою очередь, международные организации рекомендуют применять домашний арест вместо заключения под стражу, как Российской Федерации, так и Республике Таджикистан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Таджикистан // © Пресс служба Президента Таджикистана. URL: http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112 (Дата обращения: 25.04.2017).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // 2003-2017 СоюзПравоИнформ. URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (дата обращения: 09.04.2017).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

5. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

6. Конституционный Закон Республики Таджикистан от 25.07.2005 № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» // СоюзПравоИнформ. URL: https://goo.gl/J58UG5 (дата обращения: 25.04.2017).

***Ключевые слова**: домашний арест, УПК Российской Федерации, законодательство Республики Таджикистан.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Халимов Анушервон Исматуллоевич, курсант 402 учебной группы, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

УДК 343.1

Хамралиев А.Ш., Гришин А.В.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ИНСТИТУТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ И ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Статья посвящается некоторым актуальным вопросам, касающимся институтов доказывания и задержания лица по подозрению в совершении преступления. В статье проводится анализ действующего законодательства и правоприменительной практики.

В настоящей статье будет проведён обзорный сравнительно-правовой анализ института бремени доказывания уголовного судопроизводства государств, входивших на определенном этапе своего государственного и правового развития в Союз Советских Социалистических Республик (далее по тексту - СССР) а также освещены некоторые вопросы, касающиеся задержания лица по подозрению в совершении преступления, проведён анализ законодательства и правоприменительной практики.

Статья представляет особый интерес ввиду наличия различных подходов к построению как уголовного судопроизводства в целом, так и функционированию института бремени доказывания в конкретных странах. Данные государства, так же как и Россия, столкнулись с необходимостью создания собственного уголовно-процессуального законодательства, а общность правовых традиций и долгое совместное развитие права в бывших союзных республиках делают сравнение особенно наглядным. Способствует этому и то обстоятельство, что наши соседи пошли по пути кодификации уголовно-процессуальных норм.

Часть 3 ст. 24 УПК Республики Беларусь [1] (далее - РБ) предусматривает, что обязанность доказывания в судебном разбирательстве возлагается на сторону обвинения, которая путем всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела (ч. 1 ст. 18 УПК РБ) обязана установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. К таковым согласно ч. 1 ст. 89 УПК РБ относятся: 1) наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения); 2) виновность обвиняемого в совершении преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеризующие личность обвиняемого); 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением. В соответствии с ч. 2 ст. 16

УПК РБ обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Орган уголовного преследования, суд не вправе перелагать обязанность доказывания на обвиняемого.

Часть 2 ст. 18 УПК РБ предусматривает, что основная доказательственная обязанность суда заключается в объективном, всестороннем и полном исследовании и оценке доказательств, на основании которых выносится обвинительный или оправдательный приговор, обладающий в том числе свойствами обоснованности и мотивированности (ч. 2, 3 ст. 350 УПК РБ). Следует отметить, что в отличие от ряда уголовно-процессуальных законов стран бывшего СССР УПК РБ прямо предусматривает возможность суда назначать по своей инициативе большинство следственных действий в ходе судебного разбирательства уголовного дела: оглашение показаний обвиняемого (ч. 1 ст. 328 УПК РБ), допрос свидетеля (ч. 2 ст. 330 УПК РБ), допрос потерпевшего (ч. 1 ст. 329 УПК РБ), проведение экспертизы в судебном заседании (ч. 1 ст. 334 УПК РБ), осмотр вещественных доказательств (ч. 1 ст. 337 УПК РБ), оглашение протоколов следственных действий и документов (ч. 2 ст. 338 УПК РБ).

Часть 2 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Украины [2] (далее - УПК Украины) устанавливает: «Никто не обязан доказывать свою невиновность в совершении уголовного правонарушения, и каждый должен быть оправдан, если сторона обвинения не докажет виновность лица вне разумного сомнения». Таким образом, данная норма примечательна не только тем, что распределяет бремя доказывания, но и тем, что устанавливает стандарт доказанности вины подсудимого – «вне разумных сомнений».

Согласно ст. 92 УПК Украины сторона обвинения должна доказать обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 91: 1) событие уголовного правонарушения (время, место, способ и другие обстоятельства совершения уголовного правонарушения); 2) виновность обвиняемого в совершении уголовного правонарушения, форма вины, мотив и цель совершения уголовного правонарушения; 3) вид и размер вреда, нанесенного уголовным правонарушением, а также размер процессуальных расходов; 4) обстоятельства, которые влияют на степень тяжести совершенного уголовного правонарушения, характеризуют личность обвиняемого, отягощают или смягчают наказание, которые исключают уголовную ответственность или являются основанием прекращения уголовного производства; 5) обстоятельства, которые являются основанием для освобождения от уголовной ответственности или наказания.

Между тем следует особо отметить, что согласно ч. 2 ст. 92 УПК Украины обязанность доказывания относимости и допустимости доказательств, данных относительно размера процессуальных расходов и

обстоятельств, которые характеризуют обвиняемого, возлагается на сторону, которая их предоставляет. Таким образом, налицо частичное воспроизведение украинским законодателем в Уголовно-процессуальном кодексе элементов англосаксонского механизма бремени доказывания [3]. Примечательно и то, что в соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК Украины защитник обязан использовать средства защиты, предусмотренные этим Кодексом и другими законами Украины, с целью обеспечения соблюдения прав, свобод и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и выяснения обстоятельств, которые опровергают подозрение или обвинение, смягчают или исключают уголовную ответственность подозреваемого, обвиняемого. И хотя данная статья не предусматривает напрямую именно обязанность осуществления защитником уголовно-процессуального доказывания, тем не менее приведенную в изложенной выше статье обязанность нельзя надлежаще исполнить без его осуществления. Таким образом, можно признать, что защитник в украинском уголовном производстве (в отличие от подсудимого) также несет обязанность доказывания.

Статья 94 УПК Украины устанавливает обязанность прокурора, следователя, следственного судьи и суда всесторонне полно и беспристрастно оценивать доказательства при формировании своего внутреннего убеждения. Однако нельзя сразу же не отметить отсутствие признака объективности (что не позволяет напрямую говорить о достижении объективной истины как цели доказывания).

Недостатком УПК Украины можно также признать непоследовательность в регламентации доказательственной активности суда. Следуя тексту закона, суд по своей инициативе может осуществлять в ходе судебного разбирательства уголовного дела допрос эксперта, исследовать документы и проводить осмотр на месте (ч. 1 ст. 356, ч. 1 ст. 358, ч. 1 ст. 361 УПК Украины).

Согласно ч. 3 ст. 23 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее - УПК РК) [4] обязанность доказывания виновности лица в совершении уголовного правонарушения и опровержения его доводов в свою защиту возлагается на государственные органы и частного обвинителя. Часть 4 данной статьи предусматривает схожую с УПК Украины норму о процессуальной активности защитника: «Защитник обязан использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного». Можно заметить, что в приведенной норме отсутствует прямое указание именно на бремя (обязанность) доказывания, но логично предположить, что доказывание в ходе судебного разбирательства и является одним из важнейших (если не самым главным) средств защиты.

Согласно ч. 1 ст. 24 УПК РК суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего,

полного и объективного исследования обстоятельств, необходимых и достаточных для правильного разрешения дела. В свою очередь, ч. 2 указанной статьи предусматривает: «Суд не вправе по собственной инициативе собирать дополнительные доказательства в целях устранения неполноты досудебного расследования». При этом согласно ч. 3 ст. 24 УПК суд не связан мнением сторон по вопросам необходимости и достаточности исследования имеющихся в деле и представленных в судебном заседании сторонами доказательств. Фактически именно суд направляет ход и определяет ход судебного следствия. Кроме того, по собственной инициативе суд имеет право допросить подсудимого в отсутствие другого подсудимого (ч. 4 ст. 367 УПК РК), назначить экспертизу (ч. 1 ст. 373), произвести осмотр вещественных доказательств (ч. 1 ст. 375 РК).

Часть 1 ст. 19 УПК (официальное наименование – «уголовно-процессуальный закон» - прим. авт.) Латвии [5] предусматривает, что лицо, имеющее право на защиту в уголовном процессе, не обязано доказывать свою невиновность; в соответствии с ч. 2 данной статьи все разумные сомнения, которые невозможно устранить, толкуются в пользу лица, имеющего право на защиту. Обвинение от имени государства при рассмотрении дела по существу поддерживает прокурор. Сторона обвинения в соответствии с ч. 3 ст. 126 несет обязанность доказывания. Вместе с тем ч. 4 указанной статьи устанавливает, что алиби, а также обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, подлежат доказыванию стороной защиты. Сторона обвинения в свою очередь не должна доказывать отсутствие указанных обстоятельств. В отношении суда ч. 3 ст. 48 УПК устанавливает правило, согласно которому его доказательственная деятельность является проверочной и не должна быть связана с осуществлением обвинения или защиты.

При анализе уголовно-процессуального законодательства стран бывшего СССР представляется необходимым коснуться некоторых особенностей уголовного судопроизводства Грузии. УПК данного государства [6] предусматривает в ч. 11, 12, 13 ст. 3 три стандарта доказанности юридических фактов в зависимости от степени внутреннего убеждения правоприменителя.

1. «Обоснованное предположение» - совокупность фактов или информации, которые удовлетворили бы объективное лицо совокупностью обстоятельств данного уголовного дела, чтобы оно могло сделать вывод о возможном совершении преступления лицом, прямо предусмотренный настоящим Кодексом доказательственный стандарт для производства следственных действий или (и) применения мер пресечения.

2. «Высокая степень вероятности» - руководящий стандарт судьи при принятии решения о передаче дела для рассмотрения по существу в досудебном заседании, основанный на совокупности взаимодополняющих

и убедительных доказательств, представленных в заседание, и достаточный для достижения высокой степени предположения, что по данному делу будет вынесен обвинительный приговор.

3. «Вне разумного подозрения» - совокупность доказательств, необходимых для вынесения судом обвинительного приговора, которая убедила бы объективное лицо в виновности лица.

Бремя доказывания виновности подсудимого в соответствии со ст. 5 УПК Грузии возложено на сторону обвинения. Часть 1: «Лицо считается невиновным, пока его виновность не будет доказана вступившим в законную силу обвинительным приговором суда»; ч. 2: «Никто не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения лежит на обвинителе. Обвинитель вправе отказаться от обвинения»; ч. 3: «Сомнения, возникшие при оценке доказательств, не подтвердившиеся в порядке, установленном законом, должны быть разрешены в пользу обвиняемого (осужденного)».

Кроме того, ч. 2 ст. 25 фактически возведен в абсолют принцип состязательности судебного следствия: «2. Суду запрещается самостоятельно заниматься сбором и исследованием доказательств, подтверждающих обвинение или способствующих защите. Сбор и представление доказательств относятся к компетенции сторон. Судья вправе в исключительном случае по согласованию со сторонами задавать уточняющие вопросы, если это необходимо для обеспечения справедливого суда».

Между тем, широкое толкование понятия «задержание» не позволяет четко очертить момент начала применения меры принуждения в различных отраслях права, разграничить процедуры принуждения. Видимо, с этим связано Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2004 г. № 44-004-3, где признается законным задержание подозреваемого в совершении преступления в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ, которое было осуществлено до возбуждения уголовного дела [12]. Ранее свою позицию высказал Конституционный Суд Российской Федерации. Он указал, что понятие «задержанный» должно толковаться в его конституционно-правовом, а не в придаваемом ему УПК РСФСР более узком смысле. В этой части мнение Конституционного Суда Российской Федерации не подлежит сомнению, т.к. ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации закрепляет: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Данная норма должна реализовываться в любой правоохранительной деятельности, и в административно-правовой, и в уголовно-процессуальной. Однако далее Конституционный Суд делает акцент на уголовном процессе: «В целях реализации названного конституционного права предлагается учитывать не только формально процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого

осуществляется публичное уголовное преследование» [11]. Иными словами, Конституционный Суд предлагает считать «задержанным» в уголовно-процессуальном смысле еще до того, как уголовный процесс начался, когда еще не оформлен законный повод и не проверены основания для возбуждения уголовного дела. Видимо, авторитетность такого источника порождает мнение о том, что задержание «...допустимо производить как после, так и до возбуждения уголовного дела. Во всяком случае, в отношении задержания по п. 1 ст. 91 УПК РФ никакой другой не находящийся в противоречии со здравым смыслом вывод невозможен».

В отличие от Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [9], который использует понятие «административное задержание» (ст. 27.3), тем самым обозначая отрасль, где применяется принуждение, УПК Российской Федерации оперирует понятием «задержание подозреваемого». Как видим, в этом обороте нет указания на отрасль применения, поскольку лицо может подозреваться в совершении и административного, и уголовного, и других правонарушений. По мнению Е.А. Семенова, в этой нечеткости кроются законодательные, теоретические и практические проблемы рассматриваемого института [8]. Причем проблемы связаны и с термином «задержание», и с термином «подозреваемый». Это словосочетание в целом порождает вопросы, поскольку предполагается, что на момент задержания задерживаемый уже обладает процессуальным статусом. Это противоречит п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, по смыслу которой лицо становится подозреваемым после его задержания в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ. Хотя ради справедливости следует отметить, что редакция ст. 91 и 92 УПК РФ подводит к мысли о первичности подозрения и вторичности действий принудительного характера.

В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ после доставления подозреваемого должен быть составлен протокол задержания. В рассматриваемом случае фактического задержания (в смысле п. 15 ст. 5 УПК РФ) протокол задержания является первым после постановления о возбуждении уголовного дела процессуальным документом, исходящим от должностного лица, уполномоченного осуществлять уголовно-процессуальное задержание. В отличие от протокола следственного действия (ст. 166 УПК РФ) в нем отражается не только само действие, но и законность задержания, результаты личного обыска задержанного, а также делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ. Последнее важно не только для реализации прав подозреваемого, но и завершает формирование его процессуального статуса. Таким образом, первым процессуальным документом, знаменующим появление подозреваемого как процессуального субъекта, является названный протокол. Он содержит в

себе два юридических факта: факт уголовно-процессуального задержания и факт появления уголовно-процессуального субъекта [13].

Определившись с моментом уголовно-процессуального задержания и моментом наделения лица процессуальным статусом подозреваемого, было бы логично связать с этим и начальный момент отсчета 48-часового срока задержания, т.к. срок тоже должен быть процессуальным. Однако здесь вступает в действие другой фактор: необходимость соблюдения прав и свобод личности, предусмотренных Конституцией РФ. В тех случаях, когда фактическое задержание не воплотилось в уголовное дело ввиду отсутствия оснований для возбуждения дела или наличия препятствий для этого (например, случаи, предусмотренные примечаниями к ст. 206, 222 и др. УК РФ), срок задержания становится административно-правовой категорией и к уголовному процессу отношения не имеет. Если фактическое задержание при наличии для этого условий (есть законный повод, достаточные основания, отсутствуют препятствия для возбуждения уголовного дела, вынесено соответствующее постановление уполномоченным должностным лицом) переросло в уголовно-процессуальное задержание, то исчислять срок задержания следует в соответствии с п. 11 ст. 5 УПК РФ, т.е. с момента фактического задержания. Кстати говоря, используемое законодателем словосочетание впервые появилось в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления» от 13 июля 1976 г. В ст. 3 Положения было сказано: «Срок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, исчисляется с момента доставления этого лица в орган дознания или к следователю, а если задержание указанного лица производится на основании постановления о задержании, вынесенного органом дознания или следователем, то с момента фактического его задержания».

В условиях нарастающей тенденции к демократизации российского уголовного процесса меры уголовно-процессуального принуждения применяются лишь в случае безусловной необходимости и при наличии четко обозначенных в законе условий и оснований их применения. К одной из таких мер относится уголовно-процессуальное задержание.

Основу законодательной регламентации задержания составляют следующие нормативные правовые акты:

1) ст. 22; ч. 2 ст. 48 Конституции РФ [7];

2) п. 11, 15 ст. 5, ст.10, ч. 2 ст. 46, ст. 184, глава 12 УПК РФ;

3) ст. 5, 17, 18, 49, 50 Федерального закона от 15 июля 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [10].

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством задержание подозреваемого определяется как мера

процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления (п. 11 ст. 5 УПК РФ) [16].

Исходя из смыслового значения обозначенного нормативного определения очевидно, что такая мера принуждения, как задержание, сопровождается кратковременным лишением свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. При этом по своей сущности задержание позволяет не только пресечь преступную деятельность лица, но и обеспечить благополучный исход расследования по уголовному делу.

По общему правилу, задержание может быть применено при наличии следующих условий [15]:

– лицо совершило преступление;

– за данное преступление может быть назначено наказание в виде лишения свободы;

– возбуждено уголовное дело.

Помимо условий, требуемых для принятия решения о задержании, законом предусмотрена необходимость наличия на то оснований, установленных ст. 91 УПК РФ

Необоснованное применение данной меры процессуального принуждения может повлечь серьезные негативные последствия для должностных лиц, правомочных ее применять. Это объясняется тем, что по своей правовой природе задержание влечет существенное ограничение конституционных прав лиц, подвергнутых ее применению. В результате задержания подозреваемый лишается свободы передвижения, свободного общения с привычным кругом лиц, владения и пользования имуществом, находящимся при нем, его переписка контролируется, а сам он может быть подвергнут личному обыску в порядке, установленном законом (ст. 93, 184 УПК РФ).

В этой связи изложенные обстоятельства наряду с нормами российского законодательства (Конституции РФ, УПК РФ) диктуют правоприменителю необходимость действовать в т.ч. и в соответствии с нормами международно-правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией, например такими, как ст. 3 и 9 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Таким образом, следует согласиться с тем утверждением, что «успешное выполнение задач уголовного судопроизводства в значительной степени зависит от правильного, целесообразного и основанного на законе применения соответствующих мер принуждения» [14].

Таким образом, несмотря на определенную схожесть уголовно-процессуального законодательства бывших советских республик, а также действие ставшего общепринятым принципа разделения уголовно-процессуальных функций уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела, распределение бремени доказывания между участниками уголовного процесса в разных государствах имеет свои особенности. Влияние на данный процесс оказывает главным образом расстановка приоритетов в действии принципов уголовного судопроизводства конкретной страны в зависимости от их значимости в глазах законодателя.

На основании вышеизложенного можно условно выделить три основные концепции уголовно-процессуальной политики: 1) консервативную, ярким представителем которой выступает уголовное судопроизводство РБ, сохраняющее объективную истину как цель доказывания и предоставляющее суду достаточную свободу в сборе доказательственного материала по своей инициативе; 2) либеральную, доминирующую в уголовном процессе Грузии и Латвии, чей уголовный процесс в части распределения бремени доказывания приобретает отчетливые признаки уголовного судопроизводства правовых систем стран общего права: пассивность суда в сборе доказательств, выделение нескольких стандартов доказанности обвинения, а также возложение обязанности доказывания ряда обстоятельств на сторону защиты; 3) промежуточную, к которой можно отнести другие государства, в которых отмеченные особенности, присущие странам с либеральной и консервативной уголовно-процессуальной политикой, выражены не столь отчетливо.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что задержание подозреваемого является сложным комплексным процессуально-правовым институтом, включающим в себя уголовно-процессуальные и иные организационные действия, а также действия с меняющейся правовой природой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. URL: http://www.studfiles.ru/preview/3219372 (дата обращения 12.12.2016).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. Закон № 4651-VI // СПС «КонсультантПлюс»-2016.

3. Виноградова В.А. Распределение бремени доказывания и стандарт доказывания в уголовном процессе Англии и США // Российское правосудие. 2016. № 8.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231. (дата обращения 12.12.2016).

5. УПК Латвии от 21 апреля 2005 г. Неофициальный перевод с латышского языка К. Шешукова. Фрагментарный текст УПК Латвии на русском языке размещен по электронному адресу: pravo.lv.

6. УПК Грузии от 9 октября 2009 г. URL: pravo.org.ua.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014, № 31, ст. 4398.

8. Семенов Е.А. Фактическое задержание как составная часть задержания в уголовном процессе России // «Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации»: сборник научных трудов II Всероссийской конференции / Под редакцией Н.С. Расуловой. Екатеринбург. 2017. С. 110.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.04.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

10. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ (действующая редакция, 2016).

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Российская газета. 2000. 4 июля.

12. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2004 г. № 44-004-3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 9. С. 17-18.

13. Ким Е.П., Костенко К.А. Задержание подозреваемого: правовой и практический аспекты // Российский следователь. 2016. № 4. С. 27.

14. Пекова В.М., Гришин А.В. Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального задержания подозреваемого // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения Сборник статей. Редколлегия: А.В. Гришин [и др.]. Орел, 2016. С. 164.

15. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2017. № 3. С. 16.
16. Чурилов С.Н., Грудинин Н.С. Институт задержания подозреваемого нуждается в совершенствовании // Альманах мировой науки. 2016. № 1-3 (4). С. 108.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Хамралиев Асламджон Шарафович, курсант 402 учебной группы, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: преступление, задержание лица, подозрение в совершении преступления, УПК РФ, ИВС.*

УДК 343.1

Харламова Н.Д., Гришин А.В.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ТРЕБУЮЩИХ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу особенностей применения мер пресечения, требующих судебного решения в отношении подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу.

Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ в УПК РФ введена принципиально новая статья 105.1, дополнившая перечень мер пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, требующих судебного решения, - запрет определенных действий.

Запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя,

следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

Запрет определенных действий в качестве меры пресечения применяется в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ (за исключением требований, связанных с видом и размером наказания, квалификацией преступления, возрастом подозреваемого или обвиняемого), и с учетом особенностей, определенных настоящей статьей.

При необходимости избрания в качестве меры пресечения запрета определенных действий, а равно при необходимости возложения дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом соответствующее ходатайство. В постановлении о возбуждении перед судом данного ходатайства указываются один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, мотивы и основания их установления в отношении подозреваемого или обвиняемого и невозможности избрания иной меры пресечения.

Рассмотрев ходатайство, судья выносит одно из следующих постановлений:

1) об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий;

2) о возложении дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий;

3) об отказе в удовлетворении ходатайства.

Постановление судьи, указанное в части четвертой настоящей статьи, направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, в контролирующий орган по месту жительства или месту нахождения подозреваемого или обвиняемого, подозреваемому или обвиняемому, его защитнику и (или) законному представителю, а также потерпевшему, свидетелю или иному участнику уголовного судопроизводства, если запрет определенных действий связан с обеспечением безопасности этих лиц. В случае возложения на подозреваемого или обвиняемого запрета управлять автомобилем или иным транспортным средством в соответствии с пунктом 6 части шестой настоящей статьи у подозреваемого или обвиняемого дознавателем, следователем или судом изымается водительское удостоверение, которое приобщается к уголовному делу и хранится при нем до отмены данного запрета. Постановление судьи подлежит

немедленному исполнению и может быть обжаловано в порядке, установленном частью одиннадцатой статьи 108 УПК РФ.

Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить следующие запреты:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть "Интернет";

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В постановлении суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий указываются конкретные условия исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов (адрес жилого помещения и периоды времени, в течение которых запрещено покидать жилое помещение, район, населенный пункт, с которыми связаны запреты, места, запрещенные для посещения, данные о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам, лицах, с которыми запрещено общаться, срок применения запрета, предусмотренного пунктом 1 части шестой статьи 105.1 УПК РФ, способы связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом, другие условия), а также обязанность подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться по вызовам дознавателя, следователя или суда. Подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам, предусмотренным частью шестой настоящей статьи, либо отдельным из них.

Срок применения запрета, предусмотренного пунктом 1 части шестой статьи 105.1 УПК, устанавливается и продлевается судом в соответствии со статьей 109 УПК РФ с учетом особенностей, определенных настоящей статьей, и с момента вынесения судом решения о его установлении не может превышать по уголовным делам:

1) о преступлениях небольшой и средней тяжести - 12 месяцев;

2) о тяжких преступлениях - 24 месяца;

3) об особо тяжких преступлениях - 36 месяцев.

В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым возложенных на него запретов, отказа от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, суд по ходатайству следователя или дознавателя, а в период судебного разбирательства по представлению контролирующего органа может изменить эту меру пресечения на более строгую.

В соответствии со статьей 98 УПК РФ одной из мер пресечения является залог. Залог в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого либо обвиняемого по решению суда в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей. Ходатайствовать о применении залога перед судом вправе подозреваемый, обвиняемый либо другое физическое или юридическое лицо. Ходатайство о применении залога подается в суд по месту производства предварительного расследования и обязательно для рассмотрения судом наряду с ходатайством следователя, дознавателя об избрании в отношении того же подозреваемого либо обвиняемого иной меры пресечения, если последнее поступит.

Залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства - в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу. Залог может быть избран в любой момент производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 106 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

Если внесение залога применяется вместо ранее избранной меры пресечения, то эта мера пресечения действует до внесения залога.

При избрании залога в качестве меры пресечения суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных частью шестой статьи 105.1 УПК. Обязанность по соблюдению запретов, предусмотренных пунктами 2-6 части шестой статьи 105.1 УПК, действует до отмены или изменения меры пресечения в виде залога, а обязанность по соблюдению запрета, предусмотренного пунктом 1 части шестой статьи 105.1 УПК РФ, до истечения срока, установленного судом в соответствии с частями девятой

и десятой статьи 105.1 УПК РФ. Контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым возложенных судом запретов осуществляется в порядке, установленном частью одиннадцатой статьи 105.1 УПК РФ (часть 8.1 УПК РФ; введена Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

В случае нарушения подозреваемым либо обвиняемым обязательств, связанных с внесенным залогом, залог обращается в доход государства по судебному решению, выносимому в соответствии со статьей 118 УПК РФ.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение (ст. 107 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

Домашний арест избирается на срок до двух месяцев. Срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого. В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен по решению суда в порядке, установленном статьей 109 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей.

В срок домашнего ареста засчитывается время содержания под стражей. Совокупный срок домашнего ареста и содержания под стражей независимо от того, в какой последовательности данные меры пресечения применялись, не должен превышать предельный срок содержания под стражей, установленный статьей 109 УПК РФ.

Домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей.

Рассмотрев ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, судья выносит одно из следующих постановлений:

1) об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства.

При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе при наличии оснований,

предусмотренных статьей 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ, вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога (часть 5 ст. 107 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

Постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста, подозреваемому или обвиняемому и подлежит немедленному исполнению.

Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может установить запреты, предусмотренные пунктами 3 - 5 части шестой статьи 105.1 УПК РФ (часть 7 ст. 107 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

В зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам, указанным в части седьмой настоящей статьи, либо некоторым из них. Запреты могут быть изменены судом по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, его защитника, законного представителя, а также следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело. Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, со следователем. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган (ст. 107 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

В решении суда об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста указываются условия исполнения этой меры пресечения, в том числе место, в котором будет находиться подозреваемый или обвиняемый, срок домашнего ареста, запреты, установленные в отношении подозреваемого или обвиняемого, способы связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом (часть 9 ст. 107 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

Контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных на него судом запретов осуществляется в порядке, установленном частью одиннадцатой статьи 105.1 УПК РФ (часть 10 ст. 107 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

Если по медицинским показаниям подозреваемый или обвиняемый был доставлен в учреждение здравоохранения и госпитализирован, то до

разрешения судом вопроса об изменении либо отмене меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого продолжают действовать установленные судом запреты. Местом исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста считается территория соответствующего учреждения здравоохранения (ст. 107 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

В орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд подозреваемый или обвиняемый доставляется транспортным средством контролирующего органа.

Встречи подозреваемого или обвиняемого, находящихся под домашним арестом, с защитником, законным представителем, а также с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого или обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности проходят в месте исполнения этой меры пресечения (ст. 107 УПК РФ в ред. Федеральных законов от 03.07.2016 № 325-ФЗ, от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

О.И. Цоколова считает, что домашний арест - это мера пресечения, состоящая в ограничении свободы передвижения обвиняемого и запрете на общение и переговоры с другими лицами [1]. Ю.Г. Овчинников же под домашним арестом понимает: «меру процессуального принуждения, избираемую по решению суда в судебном заседании по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, в отношении обвиняемого, в исключительных случаях - подозреваемого, оказывающую воздействие путем существенного ограничения личной свободы (с сохранением права проживать в его жилище) и возложения запретов общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи» [2].

Суть домашнего ареста заключается в двух моментах:

- в изоляции подследственного от общества в жилом помещении, являющегося его собственностью или используемое им для проживания на других законных основаниях;

- при этом, изоляция сопровождается применением в отношении подследственного ряда ограничений и запретов, которые устанавливает суд [3].

Цели избрания в качестве меры пресечения домашнего ареста в ст. 107 УПК РФ не указаны. Это позволяет считать, что общие цели применения мер пресечения, установленные в ст. 97 УПК РФ, и есть цели домашнего ареста.

Конституция Российской Федерации и общепризнанные принципы и нормы международного права, посвященные положению личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство, провозгласили запрет на

произвольное применение действий, которые ограничивают право на свободу и личную неприкосновенность личности.

Меры пресечения должны применяться лишь при наличии соответствующих оснований, а избрание конкретной меры зависит от ряда учитываемых условий, чтобы их применение не привело к злоупотреблениям и попиранию прав и свобод граждан.

Предоставленные сводки новостей Судебным департаментом при Верховном суде России, показывает рост числа домашних арестов, избираемых судами как альтернатива заключения под стражу.

Только за 1 полугодие 2015 года в суды было направленно десятки тысяч ходатайств по мере пресечения и более чем по двум с половиной тысяч избрана мера пресечения – домашний арест.

Из материалов следует, что домашний арест утверждался судом как по просьбе следственных органов, так и по заявлениям адвокатов – защитников по уголовным делам.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации данная мера пресечения является относительно новой, вследствие чего основания для избрания домашнего ареста исследованы не в полной мере.

Основания избрания рассматриваемой меры пресечения - совокупность сведений, указывающих на: 1) причастность лица к совершению преступления; 2) его возможное противоправное поведение (ст. 91 УПК РФ); 3) обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ)[4].

Нельзя не сказать, что в юридической литературе вопрос о соотношении фактических данных для избрания мер пресечения с наличием доказанности причастности лица к совершению преступления решается неоднозначно. По общему правилу меры пресечения избираются в отношении обвиняемого, и только в исключительных случаях - в отношении подозреваемого. Здесь существуют две противоположные точки зрения - одни ученые считают, что меры пресечения, избираемые по судебному решению, связаны с наличием у суда достоверных данных, подтверждающих факт обоснованности обвинения в совершении уголовно наказуемого деяния. Поэтому доказательства, подтверждающие законность привлечения лица в качестве обвиняемого, должны быть предметом судебной проверки. Только после этого надлежит оценивать совокупность данных, подтверждающих наличие либо отсутствие предусмотренных законом оснований для избрания и применения мер пресечения. Наличие в уголовном деле доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению преступления, относится к числу обязательных условий заключения под стражу, а равно и домашнего ареста.

Специальными основаниями применения меры пресечения являются обоснованные предположения, что обвиняемый (подозреваемый) может воспрепятствовать успешному судопроизводству по уголовному делу.

Предположения должны быть основаны на фактических данных, полученных при расследовании, и должны подтверждаться материалами дела. Это могут быть прямые доказательства намерений обвиняемого:

- скрыться (приобретение билетов, оформление загранпаспорта и т.д.);

- продолжить преступную деятельность (показания соучастников);

- воспрепятствовать производству по уголовному делу (показания потерпевших об угрозах со стороны обвиняемого и т.д.).

Так, например 10.02.2017 г. Энгельсский районный суд удовлетворил ходатайство о назначении обвиняемому Шмарёву меры пресечения в виде домашнего ареста сроком на 2 месяца. Перед судом ходатайство было обосновано тем, что «…Шмырев А.В. обвиняется в совершении умышленного особо тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет. Деятельность органов предварительного следствия, направленная на сбор доказательств, только начата, ряд обстоятельств, подлежащих доказыванию, в настоящее время не установлен. В настоящее время Шмырёв А.В. остаётся действующим сотрудником полиции, в связи с чем, обладает обширным кругом полномочий представителя власти, которые может использовать по отношению к свидетелям с целью принуждения их к даче выгодных ему показаний, а также угрозы к данным свидетелям. В том числе Шмырёв А.В. имеет доступ к базам данных о месте жительства свидетелей и их родственников, иной информации, а также вправе применять физическую силу, специальные средства и оружие. В связи с этим, имеются достаточные основания полагать, что Шмырёв А.В., с учетом тяжести преступления, в совершении которого он обвиняется, находясь на свободе, может скрыться от органов предварительного следствия и суда, может угрожать свидетелям по делу, с целью принуждения их к даче выгодных ему показаний либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу…»

Чаще встречаются косвенные доказательства неблаговидных намерений обвиняемого, к которым может относиться его предшествующее поведение, наличие судимостей, систематическое совершение преступлений, отсутствие постоянного места жительства и т.д. Указанные фактические данные должны быть отражены в материалах уголовного дела.

Указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в

ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ [5].

Как уже говорилось ранее, только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста [6].

Возможны два варианта избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения:

1. В большинстве случаев домашний арест избирается судом при отказе в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей. При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста. В этом случае алгоритм избрания меры пресечения соответствует заключению под стражу.

2. Домашний арест может быть избран по инициативе следователя, дознавателя.

Следователь составляет постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. В постановлении указывается: лицо, в отношении которого избирается мера пресечения; преступление, в котором лицо обвиняется (подозревается); основания для избрания меры пресечения в соответствии со ст. 97 УПК РФ; обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в соответствии со ст. 99 УПК РФ; условия, предусмотренные ч. 1-2 ст. 108 УПК РФ. В постановлении необходимо обосновать наличие у обвиняемого постоянного места жительства и невозможность избрания другой, более мягкой меры пресечения.

В постановлении следователя должны указываться конкретные ограничения свободы передвижения и общения с другими лицами, которым будет подвергаться обвиняемый, а также меры контроля, которые требуется установить, в том числе и в использовании мобильной связи и электронных технических средств.

Как показала практика, при назначении домашнего ареста более эффективным является не установление перечня конкретных лиц, с которыми ограничивается общение, а общее указание на имеющихся по делу лиц (потерпевших, свидетелей).

Таким образом, процесс избрания такой меры пресечения как домашний арест представляет собой поэтапную деятельность, заключающуюся в принятии следователем, дознавателем решения о применении данной меры, собирании нужной документации, предоставлении оснований и доводов перед судом для удовлетворения

ходатайства о применении домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого.

В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран домашний арест, условий исполнения этой меры пресечения, отказа от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, суд по ходатайству следователя или дознавателя, а в период судебного разбирательства по представлению контролирующего органа может изменить эту меру пресечения на более строгую (часть 14 ст. 107 УПК РФ в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ).

Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований статьи 89 УПК РФ. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при наличии одного из следующих обстоятельств:

1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;

2) его личность не установлена;

3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;

4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Перечень данных исключительных случаев является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 19.12.13 г. № 41 в а. 2 п. 4 указал, что «отсутствие у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, постоянного места жительства на территории Российской Федерации при отсутствии оснований, предусмотренных статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации, не может являться единственным основанием, достаточным для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом отсутствие у лица регистрации на территории Российской Федерации может являться лишь одним из доказательств отсутствия у него постоянного места жительства, но само по себе не является предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу.

При этом, вопросы, касающиеся содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, регламентирует Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ.

Заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171-174, 174.1, 176-178, 180-183, 185-185.4, 190-199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1 - 4 части первой статьи 108 УПК РФ (часть первая.1 ст. 108 УПК РФ; введена Федеральным законом от 29.12.2009 № 383-ФЗ, в ред. Федеральных законов от 07.04.2010 № 60-ФЗ, от 29.11.2012 № 207-ФЗ, от 03.07.2016 № 325-ФЗ, от 29.07.2017 № 250-ФЗ).

К несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести.

Введенная Федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ часть 7.1 ст. 108 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ) говорит о том, что при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.

Постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, подозреваемому, обвиняемому или потерпевшему и подлежит немедленному исполнению.

Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в

апелляционном порядке с учетом особенностей, предусмотренных статьей 389.3 УПК РФ, в течение 3 суток со дня его вынесения. Суд апелляционной инстанции принимает решение по жалобе или представлению не позднее чем через 3 суток со дня их поступления. Решение суда апелляционной инстанции об отмене постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит немедленному исполнению. Решение суда апелляционной инстанции может быть обжаловано в кассационном порядке по правилам, установленным главой 47.1 УПК РФ.

Таким образом, отметим, что основанием избрания меры пресечения выступает достаточный повод, оправдывающий её применение в отношении обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трёх лет (в исключительных случаях до трёх лет), который с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств не совершит действия, установленные в ст. 97 УПК РФ.

В настоящее время в УПК РФ закреплено 4 меры пресечения, избираемых на основании судебного решения. К трём, существовавшим ранее в УПК РФ (заключение под стражу, домашний арест, залог) с апреля 2018г. добавилась ещё одна – запрет определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ). Вместе с тем, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 19.12.13 г. № 41 пока ещё не учёл произошедших изменений. Вместе с тем, насущная потребность в этом, безусловно, имеется.

Выделяются общие и специальные основания избрания мер пресечения на основании судебного решения. Также имеются и дополнительные условия, под которыми следует понимать установленные с помощью доказательств обстоятельства, при отсутствии которых невозможно обеспечить законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения, избираемой на основании судебного решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цоколова О.И., Костылёва Г.В., Муженская Н.Е., Данилова С.И. Домашний арест и залог как меры пресечения [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: науч.-метод. пособ. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006. С. 113-115.

3. Александров А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к УПК РФ (постатейный). 5-е издание.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) [Электронный ресурс] // URL: http://www.garant.ru.

6. Ефимова Н.Д., Гришин А.В. Некоторые процессуальные и правовые аспекты в вопросах применения меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в виде домашнего ареста // Тенденции реформирования судебной системы, действующего уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства: сборник статей / Редкол.: А.В. Гришин [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. 314 с. С. 78-85.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Харламова Надежда Дмитриевна, курсант 4 курса факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: УПК РФ, мера пресечения, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу, залог, судебное решение.*

УДК 343.1

Чаплыгина В.Н.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ПО СТ. 186 УК РФ

В настоящее время определен перечень факторов, оказывающих влияние на организацию деятельности органов предварительного следствия по расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ:

- количество уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ;

- требования субъектов управления к расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ;

- требования должностных лиц органов прокуратуры к расследованию уголовных дел и учету преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ, основанные на субъективном мнении и неоднозначном толковании правовых актов;

- правовой фактор;

Рассмотрим эти факторы более подробно.

1. Количество уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ. Данный фактор находит свое отражение в установленных формах статистического наблюдения, утвержденных нормативными правовыми актами МВД России**.** Анализ статистических данных МВД России за период с 2011 по 2016 гг. позволяет сделать вывод об отсутствии устойчивой тенденции к увеличению или снижению количества зарегистрированных преступлений по ст. 186 УК РФ. Однако изучение статистических сведений Центрального Банка Российской Федерации показывает устойчивый рост количества обнаруженных поддельных денег на территории Российской Федерации в период с 2011 по 2015 год, и лишь в 2016 году наблюдается тенденция к снижению количества поддельных денег. Данное состояние статистических данных обусловлено существующей практикой в ОПС системы МВД России регионального и районного уровня соединения двух и более уголовных дел рассматриваемой категории со снятием преступления с учета.

Необходимо иметь в виду, что:

- расследование по уголовным делам, возбужденным по ст. 186 УК РФ, осуществляется в форме предварительного следствия, данные преступления относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений;

- подавляющее большинство уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ, представлено ч. 1 ст. 186 УК РФ;

- в связи с различной правоприменительной практикой в ОПС системы МВД России по расследованию уголовных дел и учету преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ, отсутствует устойчивая тенденция к увеличению или снижению количества зарегистрированных преступлений данной категории.

Таким образом, количество возбужденных уголовных дел и зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ, сложившееся в определенный промежуток времени, на определенной территории, оказывает непосредственное влияние на организацию деятельности ОПС системы МВД России, на территории которого данная обстановка сложилась. Так, увеличение количества возбужденных уголовных дел данной категории влечет снижение эффективности расследования данных деяний и принятие руководителем ОПС системы

МВД России различного уровня мер по организации расследования дел данной категории, таких как: введение специализации в ОПС; создание постоянных или временных специализированных подразделений, ориентированных на расследование данных уголовных дел; методическое обеспечение расследования; обеспечение дополнительными ресурсами; разработку и принятие нормативных правовых актов, регламентирующих порядок и сроки проведения следственных действий, порядок взаимодействия ОПС с другими подразделениями органов внутренних дел, правоохранительными органами иностранных государств и др.

Например, увеличение количества возбужденных уголовных дел по ст. 186 УК РФ на территории г. Москвы, республики Татарстан, Рязанской области вызвало необходимость принятия организационных мер и послужило основанием для принятия решения о создании постоянных и временных формирований, выполняющих функцию по расследованию уголовных дел рассматриваемой категории, разработку алгоритма расследования.

2. Требования субъектов управления к расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ. Этот фактор находит свое внешнее выражение в форме: приказов, указаний, информационных писем, протоколов коллегий, протоколов оперативных совещаний. Всю совокупность требований субъектов управления предлагаем дифференцировать на две группы: общие и специальные.

Общие требования субъектов управления направлены на упорядочение деятельности ОПС по всем категориям уголовных дел и основным направлениям деятельности: профилактике преступлений; обеспечении законности, качества и сроков расследования; соблюдении учетно-регистрационной дисциплины; обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением, организации взаимодействия.

Специальные требования субъектов управления направлены в данном случае на упорядочение деятельности ОПС системы МВД России по расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ, и могут содержать требования по повышению уровня взаимодействия следственных и оперативных подразделений; осуществлению процессуального контроля за возбуждением, расследованием и соединением уголовных дел, осуществлением профилактической деятельности и т.д.

Некоторые требования Следственного департамента МВД России обусловлены позицией Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Так, позиция Генеральной прокуратуры Российской Федерации по соединению двух и более уголовных дел рассматриваемой категории со снятием с учета преступлений, обусловила руководителей ОПС системы МВД России выработать и обеспечить систему контроля за расследованием данных

уголовных дел. Позиция Верховного Суда Российской Федерации по разъяснению и толкованию отдельных норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства, рекомендации и разъяснения судебной практики обязывают руководителей ОПС организовывать изучение данных нормативных актов и учитывать особенности квалификации рассматриваемых преступлений и процесса доказывания по ним.

Руководитель ОПС системы МВД России различного уровня при организации деятельности по расследованию уголовных дел рассматриваемой категории обязаны учитывать общие и специальные требования субъектов управления и, основываясь на них, определять приоритетные направления деятельности, распределять ресурсы, принимать решения о создании временных формирований и т.д.

3. Требования должностных лиц органов прокуратуры к расследованию уголовных дел и учету преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ, основанные на личном мнении и неоднозначном толковании правовых актов. Данный фактор представляет собой обстоятельства, оказывающие, влияние на организацию рассматриваемой деятельности, обусловленные личным мнением и неоднозначным толкованием должностными лицами прокуратуры правовых норм, регламентирующих порядок учета преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ.

Анализ эмпирического материала показал, что по-прежнему отсутствует единый подход должностных лиц органов прокуратуры к соединению уголовных дел рассматриваемой категории в одно производство, т.к. должностные лица органов прокуратуры и ряда других муниципальных районов имели противоположное мнение и категорически выступали против соединения двух и более уголовных дел при наличии аналогичных заключений криминалистических экспертиз и результатов проверки по учетам ЭКЦ МВД России.

Таким образом, в пределах территории одного субъекта Российской Федерации можно наблюдать два совершенно противоположных подхода к расследованию уголовных дел и учету преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ, обусловленных личным мнением и неоднозначным толкованием правовых актов должностными лицами органов прокуратуры районного уровня. Как показало проведенное исследование, аналогичные ситуации имели место и в других субъектах Российской Федерации.

По обоснованному мнению большинства опрошенных руководителей ОПС системы МВД России соединение двух и более уголовных дел рассматриваемой категории в одно производство, положительно влияет на организацию расследования, а именно позволяет: а) снизить нагрузку на подразделение (следователя); б) оптимизировать процесс организации расследования; в) экономить имеющиеся в распоряжении ОПС ресурсы; г) повысить качество аналитической

деятельности; д) повысить качество расследования уголовных дел; е) повысить качество контрольной деятельности руководителя ОПС и др.

Рассмотренный фактор показывает наличие неоднозначного, субъективного толкования нормативных актов, регламентирующих порядок учета преступлений и расследования уголовных дел рассматриваемой категории должностными лицами прокуратуры.

Итак, рассмотренный фактор: а) оказывает значительное влияние на организацию рассматриваемой деятельности; б) взаимосвязан с факторами, рассмотренными ранее; в) при определенных обстоятельствах может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на организацию рассматриваемой деятельности.

4. Правовой фактор представляет собой обстоятельства правового характера, оказывающие влияние на организацию деятельности ОПС системы МВД России, выполняющих функцию по расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ. Правовой фактор находит свое выражение в правовом регулировании процесса воздействия государства при помощи юридических средств и методов на упорядочение деятельности по расследованию уголовных дел рассматриваемой категории.

Правовые акты, регламентирующие организацию деятельности ОПС по расследованию уголовных дел рассматриваемой категории, могут быть дифференцированы на две группы, а именно:

1) универсальные правовые акты общего характера, регламентирующие в целом организацию деятельности МВД России (Конституция Российской Федерации, федеральные законы, постановления Правительства Российской Федерации и др., правовые акты, регламентирующими деятельность системы МВД России в целом);

2) правовые акты специального характера, регламентирующие отдельную функцию, деятельность ОПС системы МВД России по расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ (федеральные законы, совместные приказы МВД России и других правоохранительных органов, приказы МВД России, приказы территориальных органов МВД России на региональном уровне и ряд иных правовых актов, регламентирующих: создание временных формирований, занимающихся расследованием уголовных дел рассматриваемой категории; создание постоянных формирований, занимающихся расследованием уголовных дел рассматриваемой категории; вопросы учета преступлений; вопросы внутриведомственного взаимодействия; порядок внешнего взаимодействия; дающих разъяснение отдельных положений законодательства; определяющих алгоритм проведения расследования рассматриваемой категории уголовных дел и др.)

Правовой фактор оказывает существенное воздействие на организацию деятельности ОПС системы МВД России по расследованию уголовных дел о фальшивомонетничестве в случае существенного

изменения положений рассмотренных правовых актов общего и специального характера. Следует заметить, что правовой фактор может обусловливать и воздействие других факторов, определенных нами в процессе исследования.

Таким образом, следует согласиться с тем утверждением, что «успешное выполнение задач уголовного судопроизводства в значительной степени зависит от правильного, целесообразного и основанного на законе применения соответствующих мер принуждения» [2].

Резюмируя сказанное, отметим, что относительно рассмотрения факторов, оказывающих влияние на организацию деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России по расследованию преступлений об изготовлении, хранении, перевозке или сбыте поддельных денег или ценных бумаг, необходимо сформулировать следующие выводы:

1. Факторы, оказывающие влияние на организацию деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России по расследованию преступлений об изготовлении, хранении, перевозке или сбыте поддельных денег или ценных бумаг, подлежат классификации по следующим основаниям: а) направленности действия - позитивные и негативные; б) среде функционирования ОПС - внутренние и внешние; в) воли человека - субъективные и объективные; г) направленности воздействия - прямые и косвенные.

2. Приведенная классификация факторов, оказывающих влияние на организацию деятельности ОПС в системе МВД России по расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ, позволяет: а) понять причины их возникновения; б) определить механизм и степень воздействия каждого из них на организацию рассматриваемого вида деятельности; в) определить взаимозависимость между ними.

3. В зависимости от положения субъекта управления ОПС (федеральный, межрегиональный, региональный и районный уровни) в иерархической системе МВД России, он должен учитывать факторы и механизм их влияния на организацию рассматриваемой деятельности соответствующего уровня системы управления.

4. Степень влияния каждого из рассмотренных выше факторов на организацию деятельности ОПС системы МВД России по расследованию уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ, различна. Данное обстоятельство обязывает субъекта управления определять и учитывать степень их воздействия на организацию рассматриваемой деятельности на соответствующем уровне иерархической системы МВД России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Пекова В.М., Гришин А.В. Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального задержания подозреваемого // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения Сборник статей. Редколлегия: А.В. Гришин [и др.]. Орел, 2016. С. 164.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чаплыгина Виктория Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: УПК РФ, ст. 186 УК РФ, ОПС МВД России, организация деятельности органов предварительного следствия, расследование уголовных дел.*

УДК 343.1

Шагарова Е.В., Гришин А.В.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Статья посвящена современным проблемам защиты прав потребителей, средствам защиты прав потребителей и их недостаткам. Отдельно в статье отражены пути улучшения защиты прав потребителей.

Права потребителей в Российской Федерации закреплены Конституцией РФ от 12.12.1993 г. и Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», который установил следующие права потребителя: право на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества; право на безопасность товаров (работ, услуг) для жизни и здоровья потребителя; право на получение полной и достоверной информации о товарах (работах, услугах) и об их продавцах

(изготовителях, исполнителях); право на просвещение и на государственную и общественную защиту интересов потребителей [1].

Распространение нарушений прав потребителей обусловлено их латентностью, возможностью извлечения неконтролируемых сверхприбылей, отставанием законодательной базы от современной действительности. В результате чего, права потребителей оказались не защищенными.

Еще одной причиной нарушения прав потребителей является несовершенство законодательства РФ, в сфере защиты прав потребителей, так как законодательство в данной области является достаточно динамичным и не всегда соответствует действительности.

Вопрос совершенствования законодательства о техническом регулировании остается очень актуальным. В настоящее время к законодательству о техническом регулировании можно предъявить претензии, которые ранее предъявлялись к системе государственных стандартов и документов органов исполнительной власти:

- неурегулированность значительной части общественных отношений;
- несоответствие международным стандартам;
- несогласованность между собой и противоречивость многочисленных ведомственных подзаконных актов.

Несовершенство механизма судебной защиты прав потребителей, так играет большую роль. Механизм защиты прав потребителей носит межотраслевой характер и включает в себя различные средства защиты. Одним из таких средств является судебная защита. Судебная защита прав потребителей осуществляется на основе статьи 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» и процессуального законодательства. Согласно практике судебной защиты прав потребителей, нормативное законодательство нуждается в регулирование по отдельным вопросам. Согласно законодательству Российской Федерации организации имеют право подавать иски о защите прав потребителей неопределенного круга лиц, по их просьбе.

В соответствии со статьей 17 Закона РФ «О защите прав потребителей», иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту:

- нахождения организации, а если ответчиком является индивидуальный предприниматель, – по месту его жительства;
- жительства или пребывания истца;
- заключения или исполнения договора.

Часто, организации обращаясь в суд с иском о защите прав сталкиваются с тем, что иски возвращаются организации обратно, в связи с неподсудностью данному суду, несмотря на то, что нарушение прав

потребителей было зафиксировано на территории данного суда и по месту нахождения истца.

Причиной возвращения искового заявления было то, что, в соответствии с пунктом 7 статьи 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 2 статьи 17 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», предусмотрена возможность предъявления иска о защите прав потребителей в суд по месту жительства или пребывания истца– каковым, по мнению суда, является физическое лицо, а не организация, защищающая интересы неопределенного круга потребителей[2]. В судебной практике существуют аналогичные примеры, но в которых, на решение суда была подана частная жалоба, и дело рассматривалось по месту заявления истца. Однако суды, редко ссылаются на определения других судов. Тем самым, можно сказать, что законодатель стремится упростить доступ к правосудию, предоставляет право выбора подсудности истцу, однако на практике получается все по-другому.

Еще одной из проблем защиты прав потребителей, является слабое правовое просвещение граждан. Увеличению знаний в данной области будет способствовать проведение круглых столов, конференций, публикаций в различных научных журналах, лекционных занятий и включение дисциплины «Защита прав потребителей» в образовательные программы.

Слабая осведомленность прав потребителей актуальная проблема на сегодняшний день. Если сами изготовители и продавцы знают свои права и обязанности, так как сталкиваются с ними ежедневно, то потребители в большей своей части не знают своих прав, и в случае их нарушения, не знают куда обратиться. В итоге, можно сказать, что повышение уровня знаний потребителей своих прав, укрепит хозяйственные отношения на потребительском рынке и поспособствует точному, правильному толкованию и реализации правовых норм законодательства о защите прав потребителей.

Таким образом, государственный контроль и надзор является необходимым для защиты прав потребителей. Тем не менее, единая комплексная система норм обеспечения контроля и надзора на практике отсутствует. Масштабы контроля и надзора государства, не соответствуют масштабам нарушенных потребительских прав.

Снижая свое надзорное присутствие в рыночных отношениях, государство не обеспечивает исполнение судебных решений в пользу потребителей. Снижается и уровень ответственности за нарушения прав потребителей. Уголовная ответственность за обман потребителей отменена, а административная несопоставима с выгодой от нарушений, что, безусловно, дополнительно стимулирует изготовителей (исполнителей, продавцов) на новые и более тяжкие нарушения [5].

Вместе с тем, как показывают недавние изменения законодательства и тенденции дальнейшего ослабления правоохранительной и в целом контрольной функции государства приводит не к желаемому, а, наоборот - к противоположному эффекту.

Так, изменения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (п. 4 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2009 № 383-ФЗ), в частности отнесение с 1 января 2011 г. расследования налоговых преступлений к подследственности Следственного комитета Российской Федерации (далее - СК РФ), предопределили новые задачи в разрешении вопросов и проблемы выявления, расследования и квалификации налоговых преступлений [3, ст. 43-44]. В связи с указанными обстоятельствами в ОВД из СК РФ поступают поручения о проведении проверочных и оперативно-розыскных мероприятий по материалам налоговых органов, не содержащих в себе практически никаких документов и сведений о наличии в действиях налогоплательщика признаков преступлений. Однако сотрудникам ОВД в ограниченные нормами УПК РФ сроки затруднительно провести всестороннюю и полную проверку по таким материалам, что приводит к вынесению необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел [3, с. 44-45]. В итоге, всё вышеизложенное привело лишь «к еще большему уводу налогооблагаемого капитала «в тень», т.е. сокрытию его от налогового администрирования и налогового контроля, либо выводу в оффшорные или иные налоговые юрисдикции с низкими ставками налогов, с которыми у Российской Федерации есть соглашения об избежание двойного налогообложения»[4].

Как мы уже отметили выше, права потребителей обеспечиваются государством. Существует несколько способов защиты прав потребителей. Одним из способов защиты является уголовно-правовая, путем установления уголовной ответственности за нарушение отдельных прав потребителей. Например, ст. 238, 182, 180, 171.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение прав потребителей. Ранее в Уголовном Кодексе была ст. 200 «Обман потребителей», которая была декриминализована и отменена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 262-ФЗ.

В связи с этим считаем необходимым:

- усилить правоохранительную и в целом контрольную функцию государства в указанной сфере, для чего предлагается внести поправки:

- в пункт 7 статьи 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и в пункт 2 статьи 17 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», закрепив право обращения общественного объединения потребителей в защиту неопределенного круга потребителей в суд по месту своего нахождения;

- в главу 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, увеличив ответственность за правонарушения в области законодательства о защите прав потребителей, а также соответствующие изменения в УК РФ и УПК РФ, установив административную преюдицию по ряду «смежных» составов, предусмотренных УК РФ;

- рекриминализовать и вновь ввести в Уголовный Кодекс ст. «Обман потребителей», аналогичную по содержанию ст. 200 УК РФ, которая была упразднена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 262-ФЗ, установив обязательную административную преюдицию для её применения.

- создать необходимые условия для устойчивой деятельности общественных объединений потребителей, для чего необходимо разработать и последовательно реализовать федеральную целевую программу поддержки общественных инициатив, в которой выработать эффективные механизмы взаимодействия между органами государственной власти, правоохранительными органами, органами местного самоуправления, СМИ, общественными объединениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 03.07.2016) "О защите прав потребителей".

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017).

3. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 3 (68). С.43-45.

4. Гришин А.В. Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сборник статей / Редкол.: А. В. Гришин [и др.]. - Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 42-43.

5. Гафарова Г.Р. Защита прав потребителей: учебное пособие / Под ред. З.М. Фаткудинова. М., 2008. 408 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шагарова Екатерина Владимировна, курсант 401 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: защита прав потребителей, потребители, изготовители, уголовно-правовая защита.*

УДК 343.1

Шалыгина А.В., Гришин А.В.

ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу решений Европейского Суда по правам человека в правовом регулировании уголовно-процессуальной деятельности в рамках уголовного процесса. Рассмотрено как акты ЕСПЧ оказывают влияние на систему правосудия в целом посредством принятия решений по конкретным жалобам.

Демократические государства на сегодняшний день среди целей своей деятельности на первое место ставят обеспечение прав и свобод личности. Также и Российская Федерация в качестве одного из ключевых положений выдвигает проблему соблюдения прав человека.

На современном этапе в России можно выделить два механизма обеспечения прав и свобод: внутригосударственный и осуществляемый с помощью международных органов. В качестве важной вехи в истории развития последнего хотелось бы отметить включение России в систему европейской судебной защиты, осуществляемой Европейским Судом по правам человека. В 1950 году была принята Европейская конвекция по правам человека, на основе которой создан универсальный механизм для рассмотрения нарушений государствами-участниками конвенционных норм, а также для осуществления контроля за выполнением ими своих

обязательств. Правозащитным органом данной системы является Европейский суд по правам человека.

Правом на обращение в ЕСПЧ обладают любые физические лица, неправительственные организации или группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одним из государств - участников Конвенции прав, гарантируемых Конвенцией или Протоколами к ней (ст. 34 Конвенции). Подача жалобы предполагает обязательное выполнение ряда условий, а также устанавливает строгие требования к правилам ее оформления и содержанию. Стоит отметить, что подача жалобы не требует уплаты каких-либо пошлин и сборов, а также сама процедура рассмотрения жалобы является бесплатной. Все правила оформления жалобы установлены Правилом 47 Регламента (Правила процедуры) Европейского суда по правам человека [1]. В случае несоответствия жалобы данным требованиям она признается неприемлемой к рассмотрению. Следует отметить, что большинству жалоб, поданных в ЕСПЧ, принимается решение о признании их неприемлемыми. Повторная подача такой жалобы не допускается. По тем жалобам, которые были приняты на рассмотрение ЕСПЧ, выносятся решения в форме постановлений, в которых суд решает, имело ли место нарушение государством-ответчиком прав, провозглашенных Конвенцией от 4 ноября 1950 года о защите прав человека и основных свобод и Протоколами к ней. В случае установления факта нарушения ЕСПЧ может присудить государству-ответчику возместить пострадавшему лицу материальный и нематериальный ущерб, а также к возместить судебные расходы и издержки. Своими решениями Европейский суд оказывает влияние на национальные правовые системы государств.

Если говорить применительно к сфере уголовного судопроизводства в Российской Федерации, то здесь, прежде всего, ЕСПЧ выступает в роли гаранта, представляющего собой элемент механизма обеспечения прав и свобод человека и устанавливающего взаимную ответственность человека и государства. При этом, деятельность Европейского суда построена так, что он не подменяет собой национальной юрисдикции Российской Федерации. Это выражается в принципе субсидиарности, о которой говориться в статье 35 Конвенции о правах человека и гражданина. А она в свою очередь находит выражение в условиях принятия жалобы, согласно которым жалоба будет принята только в случае, если были исчерпаны все внутригосударственные средства защиты прав и свобод, то есть судебные инстанции. Таким образом, ЕСПЧ выступает в качестве дополнительного защитного механизма.

По тем жалобам, которые были приняты на рассмотрение ЕСПЧ, выносятся решения в форме постановлений, в которых суд решает, имело ли место нарушение государством-ответчиком прав, провозглашенных Конвенцией от 4 ноября 1950 года о защите прав человека и основных

свобод и Протоколами к ней. В случае установления факта нарушения ЕСПЧ может присудить государству-ответчику возместить пострадавшему лицу материальный и нематериальный ущерб, а также возместить судебные расходы и издержки. При этом, возникает вопрос о реализации решений ЕСПЧ на территории России, ведь это является неотъемлемой и необходимой частью права на справедливое судебное разбирательство.

Исходя из принципа суверенитета, решения Европейского суда по правам человека действуют только при соблюдении условия их подчиненности ее юридической силе. Это исключает возможность исполнения на территории нашей страны тех решений, которые содержат положения, противоречащие Конституции РФ. В связи с этим в 2014 был принят Федеральный конституционный закон № 9-ФКЗ, который внес изменения в ст. 101 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации". Согласно данным изменениям вопрос о возможности применения решения ЕСПЧ может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ. А для решения вопроса о соответствии необходимо обращаться с запросом в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений. Субъектами, за которыми закреплена возможность обращения в Конституционный Суд РФ с ходатайством о разъяснении возможности исполнения отдельных решений ЕСПЧ в случае наличия сомнений в их соответствии Конституции РФ, являются уполномоченный федеральный орган исполнительной власти (Минюст РФ), Правительство РФ, Президент РФ обратиться [2]. Результатом такого обращения в Конституционный Суд РФ должны стать выводы о порядке исполнения решения. Конституционный суд может признать решение несоответствующим Конституции РФ, а, следовательно, не подлежащим исполнению на территории РФ, например, дело «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и № 15162/05).

Также решения ЕСПЧ оказывают влияние на систему правосудия в целом посредством принятия решений по конкретным жалобам. Прежде всего это выражается в том, что решения ЕСПЧ являются образцом толкования норм Конвенции о защите прав и свобод человека и гражданина. Позиция российского юриста Н. В. Витрука по данному вопросу заключается в том, что решения европейского суда относятся к источникам национальной правовой системы не только как правоприменительные акты (компенсаторного характера), но и как акты, содержащие аргументацию определенных правовых позиций, раскрывающие их смысл [3].

Так, например, Европейским судом была дана позиция об оглашении показаний свидетеля в ходе судебного заседания. ЕСПЧ в данном случае

исходит из того, что данный вопрос в разных уголовных делах не может быть решен одинаково. При ответе на данный вопрос суду необходимо оценить обую справедливость процесса в целом, а также выяснить была ли реальная возможность задавать вопросы свидетелю со стороны защиты. Для определения общей справедливости судебного разбирательства ЕСПЧ был разработан трехступенчатый тест, который был в частности применен в деле Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства (2011) [4].

Помимо этого, решения ЕСПЧ оказали влияние на систему принципов уголовного судопроизводства, которая была дополнена новым принципом, указанным в статье 61 УПК РФ “Разумный срок уголовного судопроизводства”. Он предполагает прекращение нарушений прав участников судопроизводства вследствие его затягивания по вине должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Непосредственное влияние на уголовный процесс решения Европейского суда имеют при возобновлении производства. Среди оснований возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств указано установленное ЕСПЧ нарушение Конвенции российским судом при рассмотрении уголовного дела, которые указаны в статье 413 УПК РФ.

Таким образом, ЕСПЧ оказывает координирующее, регулирующее воздействие на национальную систему уголовного судопроизводства РФ, однако, существует проблема в следовании решениям данного органа. Стиль решений ЕСПЧ отличается от решений судов Российской Федерации своей «замысловатостью», что затрудняет их восприятие. Решение данной проблемы Л.В. Брусницин видит в периодическом сравнении национального законодательства с новеллами ЕСПЧ и внесении соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации [5; 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Регламент (Правила процедуры) Европейского суда по правам человека> (Вместе с <Приложением к Регламенту о проведении следственных действий>, "Практическими инструкциями") (Регламент принят в г. Страсбурге 04.11.1998) (Приложение к Регламенту внесено 07.07.2003) (Практическая инструкция о запросе составлена 05.03.2003) (Практические инструкции о возбуждении дела и состязательных документах составлены 01.11.2003) (Практическая инструкция о требованиях о присуждении справедливой компенсации составлена 28.03.2007) (Практическая инструкция о направление документов составлена 22.09.2008) (Практическая инструкция о запросе об анонимности составлена 14.01.2010) (с изм. и доп. от 06.05.2013) //

Информационно-справочная система КонсультантПлюс (дата обращения 22.03.2018).

2. Кокотова М. А. Участие Конституционного суда в исполнении решений Европейского суда по правам человека. Последние законодательные изменения / М. А. Кокотова // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 64-67.

3. Витрук Н. В. О некоторых особенностях использования решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации и иных судов // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: сборник докладов. М., 2006. С. 183-193.

4. Постановление ЕСПЧ «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (2011) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz. Дата обращения: 11.04.2018.

5. Лаптев П.А. Европейский Суд по правам человека и российское правосудие // Интеграция и опыт правовых преобразований в условиях вызова мировому правопорядку. Сб. материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 17–18 октября 2003 г.). М., 2003. С. 124.

6. Брусницин Л. В. Значение решений ЕСПЧ для национального уголовного судопроизводства и проблемы их учета в государствах - членах совета Европы (к реформе конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Государство и право. №2. 2013. С. 25-31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шалыгина Александра Вячеславовна, курсант 301 учебной группы, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес:302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: УПК РФ, уголовно-процессуальная деятельность, права человека, ЕСПЧ, решение Европейского Суда по правам человека, правовое регулирование.*

УДК 343.1

Шараева Я.А.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПЕРЕВОДЧИКА, ПОНЯТОГО И СПЕЦИАЛИСТА

Статья посвящена отдельным проблемам и теоретико-правовому анализу участия в следственных действиях переводчика, понятого и специалиста.

Уголовно-процессуальным законодательством при производстве следственных действий предусмотрено участие переводчика, специалиста и понятого. В связи с отсутствием в уголовно-процессуальном законе четких требований к этим участникам, на практике возникают проблемы к их привлечению для участия в следственных действиях.

Участие переводчика в уголовном процессе обеспечивает лицо, не владеющего языком уголовного судопроизводства, сведениями о ходе и результатах проведенных с его участием следственных действий.

На первый взгляд, настоящее законодательство регламентирует простой механизм привлечения переводчика в процессе уголовного судопроизводства. Но на практике сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с такими проблемами, как поиск переводчика, обладающего необходимой квалификацией, документированием его услуг. В этой сфере законодательство грешит неточностями и абстрактностью норм.

В статье 59 УПК РФ установлено, что переводчик, выступающий в качестве иного участника судопроизводства, - это лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных УПК РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода [1].

В статье 169 УПК РФ указано, что обязанностью следователя является не только разъяснение прав и обязанностей переводчику, но и удостоверение в его компетентности. Каким образом следователь должен удостовериться в компетентности переводчика, в законодательстве не установлено. Методов такого удостоверения в настоящее время не предлагается, их просто не существует. В некотором смысле значимым является предоставление переводчика диплома о высшем образовании. Но в России нет высшей школы и единой системы квалификационных требований к данным специалистам, а найти в кратчайшие сроки возможно только дипломированного переводчика со знанием английского и некоторых других языков. Но на практике чаще востребован перевод языков народов Северного Кавказа, Средней Азии. Для этого привлекаются люди – билингвы, проживающие на территории России и свободно владеющие данным языком [2, ст. 35].

Отсутствие ясности в формулировке нормативного предписания ч. 2 ст. 169 УПК РФ, делает его излишним.

В статье 58 УПК РФ установлено, что специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

С введением в процесс доказывания заключение специалиста, позволило лицам самостоятельно получать ответ на имеющиеся у них вопросы и использовать полученную информацию в качестве доказательств.

В первую очередь, необходимо разграничить заключение специалиста и заключение эксперта. Первым отличием является то, что специалист не проводит различные исследования и не вправе делать какие – либо выводы, он высказывает только свое мнение по вопросам. Вторым отличием является то, что специалист не заменяет эксперта, а последний в свою очередь, может быть допрошен и как специалист, для разъяснения вопросов, требующих специальных знаний. И третьим отличием является то, что законодатель предъявляет разные требования к оформлению результатов [4, с. 27].

Далеки от совершенства нормы УПК РФ, регламентирующие участие в уголовном процессе такой специфической фигуры, как специалист.

Прежде всего, в статье 58 УПК РФ не установлено, кто определяет является ли лицо специалистом или нет. Кроме того, законодательство не содержит указаний на то, в каком порядке сторонами привлекается специалист.

Как специалисту, так и эксперту законодатель устанавливает требование незаинтересованности, заинтересованность, как правильно отмечает Е.А. Семенов может быть основанием для отвода [5, с. 229]. Но факт оплаты услуг специалиста одной из сторон не должен считаться заинтересованностью в исходе дела.

В настоящее время актуальной является проблема участия понятых при осуществлении предварительного расследования по уголовному делу [3, с. 67]. При исследовании данного вопроса был проведен опрос лиц, осуществляющих расследование уголовных дел в форме предварительного следствия и дознания на территории Ростовской области, с целью выявления проблем и ошибок при проведении следственных действий.

80 % опрошенных следователей обозначили такую проблему, как подбор и участие понятых. Распространенными ошибками при

привлечении понятых являются: привлечение в качестве понятых сотрудников полиции, несовершеннолетних лиц, а в случае отсутствия понятых – отсутствие средств видеофиксации.

Следователю необходимо учитывать социальные связи понятых для обеспечения объективности и беспристрастности. Например, понятыми не могут быть близкие родственники и родственники участников уголовного процесса, что и указано в статье 60 УПК РФ. Проблематичность привлечения данных лиц заключается еще и в том, что следователю необходимо выяснять не только их отношение к делу, но и к лицам, задействованным в производстве.

Прежде всего, понятые призваны засвидетельствовать законность производства следственных действий. Однако законодатель расширил перечень следственных действий, где участие понятых не обязательно (кроме осмотра, осмотра трупа и эксгумация трупа, следственного эксперимента, обыска, выемки, осмотра, выемки и снятия копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений, осмотра и прослушивания фонограммы контроля и записи телефонных и иных переговоров, предъявления для опознания, проверки показаний на месте). В этом случае для фиксации хода и производства следственного действия применяются технические средства.

Но в практической деятельности возникают некоторые проблемы. Прежде всего, это то, что законодатель не устанавливает обязанность человека участвовать в следственных действиях в качестве понятого, поэтому он может всегда отказаться. Несмотря на это, институт понятых сохранить необходимо, хотя это не должно быть одним из условий допустимости доказательств.

В завершении хотелось бы отметить, что хотя и участие в следственных действиях специалиста, переводчика и понятых требует внесения некоторых вышеперечисленных изменений в законодательство, они являются неотъемлемыми участниками уголовного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018).

2. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 2013.

3. Манова Н.С. Предварительное и судебное производство: дифференциация форм. М, 2009.

4. Яшин В.Н., Победкин А. В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: учеб. пособие для вузов. М., 2012.

5. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах. 2015. С. 228-231.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шараева Яна Анатольевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

Служебный адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

***Ключевые слова**: следственные действия, участие в следственных действиях, переводчик, понятой, специалист, УПК РФ.*

УДК 343.1

Шекшуев С.В., Ветрова О.А.

К ВОПРОСУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТАМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблемным вопросам предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору и в суд.

Вопрос о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности субъектам уголовно-процессуальной деятельности является дискуссионным, детально не регламентированным ни Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [1], ни Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [2], что, к сожалению, влечет за собой существование достаточного количества фактов об исключении высшей судебной инстанцией из совокупности доказательств какого-либо доказательства, полученного с нарушением закона.

Так, апелляционным определением Верховного Суда РФ от 8 февраля 2017 года № 50-АПУ16-23 были исключены из совокупности доказательств показания оперативного сотрудника.

В частности, Верховный Суд указал, что «принимая в подтверждение виновности осужденных показания свидетеля К., оперативного работника УФСКН РФ, суд не учел, что он, давая показания о действиях осужденных,

очевидцем совершенных преступлений не являлся, а лишь выразил в своих показаниях мнение о результатах оперативных мероприятий, проводимых в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 44-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ставшие ему известными в связи со служебной деятельностью, и дал свою оценку доказательствам, которые были получены на их основе. Однако законом установлено, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Кроме того согласно положениям ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Следовательно, все фактические данные, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, могут быть преобразованы в доказательства только, если они были представлены субъекту доказывания с соблюдением процессуального порядка, дающего возможность проследить их происхождение. Сами результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается статьями 49 и 50 Конституции Российской Федерации. Поэтому показания работника органа дознания о результатах оперативно-розыскных мероприятий, а также его оценка этих результатов не могут быть использованы для подтверждения выводов суда о виновности, поскольку не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ, а потому являются недопустимыми.

С учетом изложенного из числа доказательств, принятых судом в подтверждение виновности осужденных, показания свидетеля К. подлежат исключению».

Согласно п. 36.1 ст. 5 УПК под результатами оперативно-розыскной деятельности следует понимать сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В то же время УПК не называет оперативно-розыскную деятельность в качестве источника получения доказательств, а ФЗ об ОРД не раскрывает понятия «результаты ОРД» и не содержит перечня документов, составляющих их содержание. Закон об ОРД не конкретизирует порядок

представления результатов оперативно-розыскной деятельности субъектам уголовно-процессуальной деятельности, не устанавливает он и требований, которым указанные результаты должны отвечать. Обходит молчанием данные вопросы и действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Несогласованность уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства проявляется и в том, что согласно ч. 2 ст. 86 УПК доказательства в уголовном судопроизводстве могут быть представлены подозреваемым, обвиняемым, а также потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 86 защитник вправе собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик и иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны представлять запрашиваемые документы и их копии.

Как видим, законодатель предусматривает довольно широкий круг субъектов представления доказательств в уголовном судопроизводстве. Остались забытыми только оперативные подразделения органов внутренних дел, непосредственной задачей которых в соответствии с их назначением и является выявление преступлений и преступников, обеспечение доказывания их преступной деятельности. В ходе ОРД они трансформируют фактические данные в доказательства (и не во что иное, несмотря на приобретение последними такого статуса лишь после проведения соответствующих следственных действий).

В самой общей форме порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности субъектам доказывания определяется ч. 4 ст. 11 Закона об ОРД. В соответствии с ней он должен осуществляться на основе постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами. При этом законодатель установил, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, использоваться для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

В настоящее время данный порядок регулируется Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [3], в пунктах 8-14 которой

предпринята попытка в самых общих чертах регламентировать процедуру предоставления результатов ОРД субъектам доказывания.

Осуществляя оперативно-розыскные мероприятия, учреждения, указанные в ст. 13 Закона об ОРД, действуют за пределами уголовного судопроизводства и не в качестве органов дознания [4].

В частности, Инструкция разделяет порядок представления результатов ОРД на два этапа:

- рассмотрение вопроса о необходимости рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну, содержащихся в представляемых результатах ОРД, и их носителей;

- оформление необходимых документов и фактическую передачу результатов ОРД.

При этом представление результатов ОРД осуществляется на основании постановления руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя), которое составляется в двух экземплярах, первый из которых направляется уполномоченным должностным лицам (органам), второй - приобщается к материалам дела оперативного учета или, в случае его отсутствия, к материалам номенклатурного (литерного) дела.

Кроме того, при представлении уполномоченным должностным лицам (органам) результатов ОРД, полученных при проведении проверочной закупки или контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативного эксперимента или оперативного внедрения, к ним прилагается постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя), о проведении данного ОРМ.

В случае представления уполномоченным должностным лицам (органам) результатов ОРД, полученных при проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, к ним прилагаются копии судебных решений о проведении ОРМ.

При необходимости рассекречивания сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты ОРД, руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем), выносится постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей.

Способ фактической передачи результатов ОРД уполномоченному должностному лицу (органу) (пересылка по почте, передача нарочным и другие способы) избираются органом, осуществляющим ОРД, в каждом

конкретном случае с учетом требований нормативных правовых актов, регулирующих организацию делопроизводства.

Результаты ОРД, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если они известны), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Результаты ОРД, представляемые для подготовки и осуществления процессуальных действий, должны содержать сведения (при установлении таковых) о местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; о лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; о возможных источниках доказательств; о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу; о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу.

Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе[5].

По смыслу содержащегося в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8 положения о том, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий... могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством», суд при судебном разбирательстве использует основанные на результатах ОРМ

доказательства, которые были собраны при производстве предварительного расследования.

Вместе с тем ст. 286 УПК РФ предоставляет суду право истребовать документы. Указанное требование может быть обращено и к органам, осуществляющим ОРД. Полученные таким образом данные оперативно-розыскного характера должны быть проверены в ходе судебного следствия, и по результатам проверки судом принимается решение об использовании или неиспользовании их в качестве доказательств.

Полагаем, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть признаны доказательствами в том случае, если они направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, получены из источников, предусмотренных УПК, и с соблюдением установленного в нем порядка собирания, проверки и оценки доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (действующая редакция) – Электрон. дан. Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (действующая редакция) – Электрон. дан. – Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 – Электрон. дан. Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

4. Ветрова О.А. К вопросу о взаимодействии следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность при расследовании преступлений // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сборник статей / Редколлегия: А.В. Гришин [и др.]. Орел, 2016. С. 31-38.

5. Гришина Е.Б. Проблемы формирования показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2008. № 10-1. С.88-92.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шекшуев Сергей Васильевич, оперуполномоченный отделения по раскрытию преступлений имущественной направленности отдела уголовного розыска, ОП 2 УМВД России по г. Орлу.

Служебный адрес: 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 31.

Ветрова Оксана Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: оперативно-розыскная деятельность, УПК, ОРМ, субъекты уголовно-процессуальной деятельности, результаты оперативно-розыскной деятельности.*

УДК 343.1

Щендригин Е.Н.

СУЩНОСТЬ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Статья посвящена рассмотрению сущности и процессуальному значению института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Назначение института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств состоит в исправлении судебных ошибок, допущенных судами ввиду их неосведомленности относительно обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения уголовного дела и существовавших на момент вынесения судебного решения, а также ошибок, обусловленных обстоятельствами, наступившими уже после вынесения судебного акта.

Возобновление дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств – одна из исключительных стадий уголовного процесса, в которой соответствующий вышестоящий суд производит проверку законности и обоснованности приговора и иных судебных решений, вступивших в законную силу.

Актуальность темы исследования заключается в том что, институт возобновления уголовных дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам является наименее разработанным как в теоретическом, так и в законодательном аспектах. Данное обстоятельство подтверждаются статистическими показателями, на которые ссылается В.А. Давыдов, указывая, что 76 % опрошенных судей Верховного Суда РФ и 80 % судей верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов отметили неэффективность действующего регулирования, предусмотренного нормами гл. 49 УПК РФ, и необходимость его совершенствования. В частности, около 85 % респондентов высказались за необходимость обобщения судебной практики и разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ законодательства, регулирующего пересмотр судебных актов ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [1].

Вступившее в законную силу судебное решение по уголовному делу может быть пересмотрено не только ввиду каких-либо упущений со стороны суда, допущенных при производстве по уголовному делу в судах первой, второй и даже надзорной инстанций, но и вследствие новых или вновь открывшихся обстоятельств, ранее не известных суду и обнаружившихся после вступления приговора или иного решения суда в законную силу.

Процессуальный порядок данного вида судебно-проверочного производства предусмотрен гл. 49 УПК РФ, объединяющей в себе семь статей (ст. 413-419 УПК РФ), которые регулируют: основания и сроки возобновления производства виду новых или вновь открывшихся обстоятельств, порядок возбуждения прокурором производства и его действия по окончании проверки вновь открывшихся или расследования новых обстоятельств, порядок разрешения судом вопроса о возобновлении производства по уголовному делу, виды решений суда и особенности производства по уголовному делу после отмены судебных решений.

Возобновление дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств – одна из исключительных стадий уголовного процесса, имеющая свой предмет производства, круг субъектов, процессуальную форму. Назначение данной стадии уголовного процесса заключается:

– в проверке законности и обоснованности судебных актов;

– в исправлении ошибок, допущенных в силу неосведомленности суда относительно фактических или правовых обстоятельств, которые столь существенны, что ставят под сомнение правосудность (законность и обоснованность) судебного акта, вступившего в законную силу;

– в обеспечении защиты интересов потерпевших от преступления;

– в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Наличие указанного вида пересмотра приговоров вызвано тем, что в практике встречаются случаи, когда после вступления приговора в

законную силу выявляются обстоятельства, свидетельствующие о его незаконности и необоснованности, которые не были известны во время расследования и рассмотрения судом дела и потому не могли быть оценены судом при вынесении приговора [2].

Новыми служат обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, которые устраняют преступность и наказуемость деяния. Вновь открывшимися являются такие обстоятельства, которые существовали на момент вступления приговора, определения или постановления в законную силу, но не были и не могли быть известны суду во время рассмотрения данного дела. Эти обстоятельства свидетельствуют о незаконности и необоснованности судебных решений, но коль скоро они выявились лишь после вступления приговора, определения или постановления в законную силу, то не могли быть учтены при их принятии.

Основанием для возобновления дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств служит обнаружение новых или вновь открывшихся. Характер этих обстоятельств совершенно иной, чем тех, которые служат основаниями к отмене или изменению приговоров, определений и постановлений в порядке надзора, поэтому и возникает необходимость в особой процедуре проверки их законности и обоснованности в связи открытием таких обстоятельств.

Основания к отмене приговора в порядке надзора находят свое отражение в материалах дела или в дополнительно представленных материалах (то есть если бы суд более внимательно, более глубоко проанализировал эти обстоятельства, то он бы не допустил ошибки), ввиду чего производство следственных действий для их установления недопустимо. Обстоятельства же, служащие основаниями для возобновления дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, существовали в момент вынесения приговора не будучи отражены в материалах дела (так как они открылись после вступления в законную силу приговора, определения или постановления суда). Эти обстоятельства либо не были известны лицам, производившим расследование, или суду, рассматривавшему дело, либо они состояли в преступных злоупотреблениях самих лиц, производивших расследование, или судей, и поэтому требуют для своего установления производства специального расследования, а некоторые из этих обстоятельств должны быть установлены приговором.

То есть основания для пересмотра вступившего в законную силу приговора вытекают из материалов уголовного дела и не требуют предварительной их проверки путем производства следственных действий, дело подлежит пересмотру не по вновь открывшимся обстоятельствам, а в порядке надзора. Если же сомнения в законности и обоснованности судебного решения связаны с обстоятельствами, которые не были известны суду при постановлении приговора и не были обнаружены при

пересмотре решения в порядке надзора, вопрос о пересмотре такого решения может быть разрешен только в порядке производства по новым или по вновь открывшимся обстоятельствам.

Правила возобновления дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств рассчитаны только на решения, вступившие в законную силу, и не применяются к выявлению неизвестных ранее обстоятельств на какой-либо другой стадии процесса, когда еще нет вступившего в законную силу судебного решения. В таких случаях выяснение этих обстоятельств производится по правилам, действующим в соответствующей стадии процесса.

Особенности оснований для возобновления дел определяют характер решений, принимаемых судом в результате пересмотра дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. В результате пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам суд не вправе внести изменения в приговор, а может лишь отменить его с прекращением дела или с направлением дела на новое рассмотрение либо отклонить заключение прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. В случае отменены приговора по вновь открывшимся обстоятельствам суд первой инстанции при новом рассмотрении дела не связан размерами наказания, назначенного по отмененному приговору.

Стадию возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств можно представить в виде двух самостоятельных этапов.

Первый этап – досудебное проверочное производство, который включает в себя несколько частей:

1) предварительную проверку повода к возбуждению производства (указывается ли в сообщении либо данных, полученных в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел, на вновь открывшиеся или новые обстоятельства, предусмотренные законом и влекущие возобновление производства по уголовному делу; не истекли ли сроки давности уголовного преследования и годичный срок со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств; не отменено ли вышестоящим судом судебное решение, о неправосудности которого утверждается в сообщении, и т.п.);

2) принятие прокурором процессуального решения по существу обращения (об отказе в возбуждении либо о возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств). В случае, если прокурор возбуждает производство, он осуществляет проверку наличия вновь открывшихся обстоятельств, а для установления наличия новых обстоятельств – направляет соответствующие материалы руководителю следственного органа для расследования этих обстоятельств. По итогам проверки или расследования прокурор принимает решение о прекращении

возбужденного им производства либо о составлении заключения и направлении его вместе с уголовным делом в соответствующий суд [3].

Второй этап стадии возобновления производства – судебное производство, который, в свою очередь, включает в себя:

1) подготовительную часть судебного заседания, в ходе которой объявляется, какое заключение прокурора или представление Председателя Верховного Суда РФ рассматривается, объявляется состав суда, участникам процесса разъясняется их право на отвод докладчику или членам суда, право заявить ходатайство о приобщении документов;

2) доклад членом или другим судьей содержания приговора, определения, постановления или заключения, мотивов, изложенных в заключении или представлении; ответы на вопросы членов суда и сторон;

3) поддержание заключения прокурором и заслушивание объяснений других участников процесса по существу заключения или представления, если они принимают участие в судебном заседании; обсуждение, принятие и оглашение решения судом.

Отменяя незаконные и необоснованные приговоры, определения и постановления, вышестоящие суды тем самым охраняют права и законные интересы граждан, в частности осужденного, устраняют допущенные по делу судебные ошибки, обеспечивают единообразие судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирная Л.В. Сущность и процессуальное значение института возобновления уголовных дел ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 222-225.

2. Уголовно-процессуальное право. Учебник для вузов. М.: Издательство ЮРАЙТ, 2013. 1016 с.

3. Манова Н.С. Уголовный процесс. Учебник. М.: Дашков и К, 2014. 422 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щендригин Евгений Николаевич, заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности, доктор юридических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.

Служебный адрес:302001. г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

Ключевые слова: *возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам, уголовное судопроизводство.*

УДК 343.1

Якубина Ю.П.

ДОЗНАНИЕ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматривается дознание как правовой институт уголовного судопроизводства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Уголовно-процессуальная наука рассматривает понятие «дознание» с точки зрения нескольких подходов.

Во-первых, под дознанием понимают форму расследования, которая выражается в виде осуществления органами дознания уголовно-процессуальной деятельности, по тем делам, по которым производство предварительного следствия является не обязательным. Сторонником такого подхода к определению дознания является О.В. Мичурин [1].

Во-вторых, под дознанием понимается совокупность процессуальных действий органов дознания, проводимых на стадии до возбуждения уголовного дела (В.Ю. Мельников, С.В. Супрун) [2].

Также в научной литературе выдвигается мнение, согласно которому существующие определенные различия между дознанием и предварительным следствием, созданы искусственно и вполне вероятно их объединение в единую процессуальную форму расследования преступлений (например, такую точку зрения отстаивает А.В. Победкин) [3].

Рассмотрим признаки, которые определяют сущность дознания. Среди таковых различные ученые выделяют: 1) выступает процессуальной деятельностью по расследованию преступления [4]; 2) выступает стадией производства неотложных следственных действий [5]; 3) состоит в деятельности органов дознания по проверке сообщений о преступлениях, проводимой на стадии возбуждения уголовного дела [6].

Некоторые исследователи предлагают исключить дознание из уголовно-процессуального закона, позиционирующего дознание как форму предварительного расследования. Представителями данных идей дознание рассматривается только как стадия процесса расследования, его этап, включающий проведение розыскных, административных и иных мероприятий, например, неотложных следственных действий и пр.

Согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ, неотложные следственные действия определены как действия, которые осуществляются органами дознания после этапа возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия является обязательным, проводимые для обнаружения и фиксации следов преступления, доказательств, которые требуют незамедлительного закрепления, изъятия или исследования.

Также стоит отметить, что норма ч. 1 ст. 57 УПК РФ содержит положение о том, что органы дознания, если существуют признаки преступления, по которому обязательно проведение предварительного следствия, имеют право на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий [7].

Научное толкование этих уголовно-процессуальных норм позволяет сделать вывод о том, что органы дознания являются исключительными субъектами проведения неотложных следственных действий, а именно, это: ОВД Российской Федерации, а также входящие в их состав территориальные, в т.ч. линейные, управления полиции, иные органы исполнительной власти, которые наделены федеральным законодательством на проведение мероприятий в рамках оперативно-процессуальной деятельности; органы ФССП Российской Федерации; начальники органов военной полиции, командиры воинских частей и пр.; органы государственного пожарного надзора ФПС; находящиеся в дальнем плавании – капитаны морских и речных судов; руководство геолого-разведочных партий, зимовок, начальники российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания; главы дипломатических представительств и консульских учреждений России [8].

По мнению О.А. Зайцева под неотложными следственными действиями понимаются следственные действия, не терпящие отлагательств их проведения. Несвоевременное проведение таких следственных действий может повлечь утрату доказательственной базы (вещественных доказательств), или существенно затруднит их закрепление, изъятие, исследование и окажет прочие препятствия для расследования преступления и дальнейшего рассмотрения уголовного дела в судебной инстанции, что в итоге повлечет невозможность всестороннего и полного, объективного исследования дела, уголовного преследования и назначения справедливого наказания для виновных лиц в совершении данного преступления [9].

По мнению Н.П. Ефремовой неотложные следственные действия представляют собой систему следственных действий, которая подлежит проведению со стороны органов дознания в срок 10 суток с того момента, когда было возбуждено уголовное дело и имеют целью закрепить следы совершенного преступления[10].

Большая часть современных исследователей дознания связывают его необходимость в уголовном процессе с тем, что дознание все же выступает как разновидность предварительного расследования[11].

Сущность дознания проявляется в его признаках, состоящих в особенностях его процессуальной формы [12].

Итак, в соответствии с уголовно-процессуальным законом дознание производят: 1) дознаватели пограничных органов Федеральной службы

безопасности (к их полномочиям относится проведение дознания по уголовным делам о таких преступлениях как нарушение законодательства о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне, незаконной добыче водных растений и животных, которые обнаружены уполномоченными органами, а также по делам о преступлениях, ввязанным с незаконным пересечением государственной границы, противоправном изменении государственной границы); 2) дознаватели органов Федеральной службы судебных приставов (к их полномочиям относится проведение дознания по уголовным делам о таких преступлениях как злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и др.); 3) дознаватели органов Государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы (к их полномочиям относится проведение дознания по уголовным делам о таких преступлениях как уничтожение или повреждение имущества по неосторожности, нарушение требований противопожарной безопасности, уничтожение или повреждение лесных насаждений); 4) дознаватели таможенных органов (к их полномочиям относится проведение дознания по уголовным делам о таких преступлениях как уклонение от уплаты таможенных платежей, контрабанда денежных средств или денежных инструментов); 5) дознаватели ОВД России (к их полномочиям относится проведение дознания по уголовным делам о всех остальных преступлениях, указанных в ч.3 ст.150 УПК РФ).

Большая часть преступлений, указанных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, являясь самыми распространенными, такие как преступления против собственности, отнесены к компетенции именно дознавателей ОВД РФ [13].

Стоит отметить, что на основании письменного указания прокурора предварительное расследование в форме дознания может быть произведено и по иным преступления небольшой и средней тяжести, которые не указаны в ч.3 ст.150 УПК РФ.

Следователи Следственного комитета Российской Федерации также уполномочены на проведение предварительного расследования по уголовному делу в форме дознания. Эти правила распространяются на такие дела, которые предусмотрены ч. 1 ст. 447 УПК РФ, или те случаи, которые предусмотрены пп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ.

На законодательном уровне четко определена компетенция органов дознания при производстве ими неотложных следственных действий. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 157 УПК РФ субъектами производства неотложных следственных действий являются: 1) органы ФСБ – осуществляют производство неотложных следственных действий по делам о тех преступлениях, которые подследственны следователем ФСБ (п. 2 ч. 2 ст. 151 и п. 2 ч. 2 ст. 157 УПК РФ); 2) таможенные органы РФ -

осуществляют производство неотложных следственных действий по делам об экономических преступлениях (например, контрабанда и пр.); 3) начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей и соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов - осуществляют производство неотложных следственных действий по делам о преступлениях, которые совершены военнослужащими, а также теми гражданами, которые проходят военные сборы, лицами, относящимися к гражданскому персоналу ВС РФ, иных войск и воинских формирований и органов; 4) начальники учреждений и органов УИС - осуществляют производство неотложных следственных действий по делам о преступлениях, которые совершены против установленного порядка несения службы и пр.; 5) ОВД - осуществляют производство неотложных следственных действий по делам о преступлениях в иных предусмотренных законом случаях (п. 1 ч. 2 ст.157 УПК РФ).

В научной литературе существует мнение, что органы внутренних дел несут основную часть работы предварительного расследования по уголовным делам, осуществляемой в форме дознания [14].

При этом такое производство расследования возможно также при выполнении неотложных следственных действий по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным.

Таким образом, дознание – форма производства предварительного расследования по уголовному делу, которая осуществляется дознавателем (в случаях, предусмотренных законом - следователем), чьи процессуальные действия и решения направлены на установление всех обстоятельств совершенного преступления по уголовному делу, по которому предварительное следствие необязательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы реализации в ОВД: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 42.

2. Супрун С.В. Дознание – сокращенное следствие? // Российский юридический журн. 2010. № 5. С. 138; Мельников В.Ю. Следователь и дознаватель в уголовном процессе // Российский следователь. 2010. № 12. С. 34.

3. Победкин А.В. О ценности процессуальной формы в условиях правового нигилизма в России // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 46-48.

4. Кругликов А.П., Дикарев И.С., Зайцева Е.А. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / Отв. ред. Кругликов А.П. М.: Норма: ИНФРА-М,

2015; С. 144; Лодкин А.Е. Дознание: история развития, проблемы и перспективы // Закон и право. 2007. № 6. С. 75.

5. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы реализации в ОВД: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 42; Науменко О.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 226 с.

6. Супрун С.В. Дознание – сокращенное следствие? // Российский юридический журн. 2010. № 5. С. 138.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 29 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

8. Гришин А.И. К проблеме неотложных следственных действий в уголовном процессе России // 100-летие юридического образования в Саратовской области: материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ. 2018. С. 43-44.

9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. / Под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М.: Издательство «Экзамен», 2014. С. 400.

10. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2012. Серия: Профессиональные комментарии. С. 469.

11. Гирько С.И. Новеллы в уголовно-процессуальном законодательстве – продолжение реформы // Юридический консультант. 2007. № 8. С. 5; Семенцов В.А. Сокращенная форма расследования // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2012. С. 378–380; Францифоров Ю.В. Актуальные проблемы производства предварительного расследования в форме дознания // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 24.

12. Косыгина Т.А. Особенности использования специальных знаний в процессе возбуждения уголовного дела по фактам незаконного оборота наркотиков // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: сборник научных трудов международной научной-практической конференции. Саратов, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. С. 174.

13. Хисматуллин И.Г. Полномочия органов дознания по российскому уголовно-процессуальному законодательству: процессуальный и организационный аспекты [Электронный ресурс]: монография. Хабаровск: ДальЮИ МВД России, 2014. С. 44.

14. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2016. С. 232.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Якубина Юлия Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

***Ключевые слова**: дознание, уголовное судопроизводство, УПК РФ, уголовно-процессуальное законодательство.*

УДК 343.1

Якубина Ю.П., Демичева Т.С.

СООТНОШЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РАМКАХ ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассмотрены уголовно-процессуальные аспекты, связанные с выявлением общих и отличительных черт между такими мерами пресечения как домашний арест и запрет определенных действий.

Система мер пресечения находится в постоянном развитии. Законодатель осуществляет поиск наиболее эффективных мер, которые обеспечивали бы возможность исполнения предполагаемого наказания, но с наименьшими ограничениями прав и свобод подозреваемых, обвиняемых [5].

Актуальность обозначенной темы обуславливается стремительным изменением и совершенствованием российского уголовно-процессуального законодательства, введения в него новых, совершенных норм, которые приводят к дополнительным гарантиям соблюдения прав и законных интересов граждан, привлеченных к ответственности в уголовном судопроизводстве. Однако, введение новых уголовно-процессуальных норм способствует не только развитию законодательства, но и возникновению некоторых вопросов и перед правоохранительными и правоприменительными органами в процессе практического применения данных норм [1].

Примером таких изменений служит подписанный В. Путиным 8 апреля 2018 года закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и

применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста». Этот закон ввел в УПК РФ новую меру пресечения — запрет на совершение определенных действий, нашедшую свое отражение в статье «105.1.». Данная норма заключается в избрании судом меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдая один или несколько запретов, предусмотренных указанной нормой. Исходя из данной формулировки, может возникнуть вопрос, касающийся необходимости существования подобной нормы, ведь она практически описывает другую, существовавшую до этого меру пресечения - домашний арест. Но подобное рассуждение неверно, так как между двумя этими мерами, хоть и есть некоторые сходства, отличия, же между ними весьма существенны.

В связи с этим, необходимо провести сравнительную характеристику этих двух мер пресечения. Согласно ст.105.1, как было указанно выше, запрет определенных действий заключается в соблюдении лицом одного или нескольких запретов, которые будут установлены судом в зависимости от личности подозреваемого, обвиняемого, совершенного им преступления и других, необходимых условий. Похожие формулировки в определении содержит ст. 107 УПК РФ, которая раскрывает сущность домашнего ареста. Сущность состоит в избрании этой меры пресечения по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях.

Уже на данном этапе можно выявить сходства и отличия между этими нормами по различным основаниям. Сходства этих норм заключаются в том, что они обе избираются судом в отношении подозреваемого и обвиняемого, однако отличительной особенностью является разнообразие решений (постановлений), которые судья может вынести. Что касается домашнего ареста, то суд может либо удовлетворить ходатайство об избрании указанной меры, либо отказать в удовлетворении. В то время как запрет определенных действий предусматривает наличие, кроме постановления об удовлетворении или отказе, об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого данной меры, так же суд может вынести постановление о возложении дополнительных запретов на подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого применена указанная мера.

Следующим основанием для сравнения является разнообразие запретов, которые суд, с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела, и представленных сведений, может возложить.

Согласно требованиям ст. 107 УПК РФ при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста судом могут быть выбраны ограничения, связанные со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого. Подобные ограничения указываются и в ст. 105.1 УПК РФ, однако, в случае домашнего ареста, гражданин находится в полной изоляции от общества, не имея, без указанных прямо в законе причин, покидать свое место жительства, то при запрете определенных действий к лицу может быть применен запрет покидать помещение лишь в установленные судом промежутки времени. Сходство норм заключается в установление таких запретов, как общение с определенными лицами, запрет на получение и отправление корреспонденции, а также способность использования любых средств связи [2]. Хочется также отметить, что указанные запреты, применяемые в отношении подозреваемого (обвиняемого) не должны затрагивать законных интересов граждан, проживающих рядом с гражданином. Данное требование разъясняется Федеральным законом № 72-ФЗ.

Домашний арест является второй по строгости мерой пресечения после заключения под стражу. Не случайно законодатель засчитывает время домашнего ареста в срок содержания под стражей. В связи с этим, необходимо провести сравнительный анализ процессуальных сроков, применения к подозреваемому (обвиняемому) исследуемых мер пресечения.

Законодатель четко устанавливает сроки для двух этих мер. Что касается «времени» как запрета определенных действий, так и домашнего ареста, то срок определяется, по общему правилу, в соответствии с тяжестью совершенного преступления. Если в первом случае срок в 12 месяцев составляет по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, то для тяжких преступлений он составляет 24 месяца, а для особо тяжких - 36 месяцев. В отношении домашнего ареста сроки применяются по тем же правилам, что и сроки заключения под стражу (то есть 6; 12, 18 месяцев соответственно), это свидетельствует о более строгом характере данной меры пресечения. Однако сходство изучаемых мер заключается в исходном, общем промежутке времени применения - это 2 месяца.

Таким образом, на примере сопоставления двух норм пресечения, нами были выявлены основные сходства, отличительные черты этих мер, которые позволят в дальнейшем четко разграничивать эти два разных правовых мер уголовно-процессуального принуждения. Стоит так же отметить, что законодательство, постоянно подстраивающееся под активное, бурное течение жизни, включает все более новые нормы, тем самым совершенствуясь и развиваясь. Не является исключением и введение такой новой нормы как запрет на совершение определенных действий. На наш взгляд, нововведение необходимо и нужно расценивать

с позитивной точки зрения, поскольку государство в лице законодателя решило пойти по пути гуманизации и индивидуализации уголовно-процессуального законодательства. Использование запрета позволит отойти от готовых шаблонов традиционных мер и действительно достичь целей, которые стоят перед мерами пресечения.

Приложение 1.



Приложение 2.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ(ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018) // "Российская газета", N 249, 22.12.2001, "Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Федеральный закон от 18.04.2018 N 72-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста"// "Парламентская газета", N 15, 20-26.04.2018,"Российская газета", N 85, 20.04.2018.

3. Александров А.С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: обновленный вид, проблемы - старые // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82-89.

4. Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. М.: Изд. «Дело», 2015. С. 173.

5. Муравьев К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 10.06.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Якубина Юлия Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Демичева Татьяна Сергеевна, курсант 2 курса факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

Служебный адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ключевые слова*: домашний арест, меры пресечения, запрет определенных действий, уголовный процесс.*

УДК 343.1

Сборник статей

ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ, ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 2660 от 02.08.2017 г.
Подписано в печать 26.12.2018 г. Формат 60х90$^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. – 19,75. Тираж 24 экз. Заказ № 154.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.